

МАРКСА-ЭНГЕЛЬСА 8

Квартира 12

*Надо бы написать: «Ключ от квартиры, где деньги лежат»,
но деньги там не залеживались...*

Воспоминания сестер Доброхотовых-Майковых

Текст Наталья Д.-М.

Комментарии и дополнения Ирина Д.-М.

Рисунки и фото Татьяна Д.-М.

осень и зима 2020 года

Где эта улица, где этот дом...

Запоминайте наш адрес:

Мегаскопление Ланиакя, Сверхскопление Девы, Скопление Местная Группа, Галактика Млечный Путь, Рукав Ориона, Местный Пузырь, Солнечная Система, Планета Земля. Географические координаты абсолютные в градусах, минутах и секундах: 55°44'55" северной широты и 37°36'23" восточной долготы по Гринвичу.

Королевство на Земле, Город в Королевстве, в Городе есть Улица, а на Улице есть Двор, во Дворе высокий Дом, в Доме множество Квартир, и в одной есть Комната...

Малый Знаменский пер. дом №8 кв. 12, комната последняя по коридору слева.
Телефон К-5-24-72

Комната в квартире, квартира в доме, дом стоит среди двора, двор глядит на улицу, улица в городе, город в королевстве, королевство на Земле, Земля в Солнечной Системе, Система в Местном Пузыре в рукаве Ориона, Орион в галактике Млечный Путь, Млечный Путь в скоплении Местная Группа, Местная Группа в сверхскоплении Девы, Дева в мегаскоплении Ланиакя.

Заходите, когда рядом будете! Мы гостям хорошим рады! Но не позже лета 1963 года. Позже нас там нет.

ВВЕДЕНИЕ. Парадный вход, Лестница, Обитатели.

*Но прошлое невосвратимо,
И переулочный Арбат -
Как бы кусок немого фильма,
Просмотренный наоборот.
Н.Горбаневская.*

5 октября 2020 года мы переступили порог дома, который не переступали почти 60 лет, а до этого прожили в нем больше 20 лет.

Мы — это я, кто сейчас набирает этот текст, автор, другими словами, Доброхотова-Майкова Наталья Александровна, и моя младшая сестра Татьяна Александровна (в дальнейшем Таня). Она — автор иллюстраций к тексту, рисунков и некоторых фото. С нами была ее дочь Валентина Владимировна Д.-М. с сыном Ваней, некоторые фото принадлежат ему. Наша средняя сестра, Ирина Алекс. Д.-М., на экскурсию приехать не смогла, но участвует. Она живет в Пущино, а мы с Таней на Открытом шоссе, в Метрогородке, куда переехали осенью 1963 года из дома №8 на Маркса-Энгельса, ныне Малый Знаменский.

Замечательные люди, сотрудники Музея (Музей с большой буквы — это здесь и дальше в тексте - Музей им. Пушкина, ГМИИ, наш второй Дом) — эти замечательные люди пригласили нас посмотреть, как происходит превращение нашего дома, нашей лестницы, нашей квартиры и нашей комнаты в место обитания Науки, Искусства, Памяти, в место работы истинных Хранителей. Если все у реставраторов пойдет как надо, кризис не помешает, у этого дома будет совсем иное, поистине историческое назначение — он станет Домом Текста, он станет частью Музея!

Не так уж долго мы прожили в «историческом центре», но там происходило много важного и интересного, и теперь никто так не живет, вот мы и надумали вспомнить кое-что из того времени. Главное, рассказать про дом и квартиру. Мы хотели бы начать сначала, с подъезда, и продолжать шаг за шагом, по лестнице, по коридору, оглядываясь по сторонам, но на каждом шагу вспоминается какое-то событие, человек, разговор, даже мысль. И на каждом шагу можно остановиться и начать новый рассказ. Одни истории происходили до войны, другие после смерти Сталина — дистанция огромного размера! И все истории происходили с разными людьми, и все они как-то жили до этого и после этого, и часто были очень своеобразны...

Когда-то я доказала математически, что «нельзя выйти из той же реки, в которую вошел» - (следует из первого утверждения). Когда-то давно мы вышли совсем не из того дома, в который мама некогда вошла молодой женой. А 5 ноября вошли вот в этот:

Последовательно и методично рассказать не получится. Ну и пусть будет «вслед за кистью» или «мыслью по древу». Что-нб да выйдет.

Основные разделы: ДОМ. МУЗЕЙ. ШКОЛА.

ДОМ. *Улица, двор, парадное, вестибюль, лестница, коридор, комната.*

Это схема, костяк, структура. Внутри структуры (разделов), как внутри дома, на разных этажах и в разных квартирах, обитают люди. Некоторые постоянно, другие приходят (к нам в гости) и уходят.

Это раздел *Обитатели дома.*

Обитатели делятся на «Семью» и «Соседей».

Те, кто приходят — это *Посетители, Друзья дома:*

Родственники;

Старинные друзья;

Друзья мамы и отца;

Друзья, которых привели мы.

МУЗЕЙ и ШКОЛА тоже могут распадаться на фрагменты.

Итак, начали: ДОМ.

Улица.

Где эта улица, где этот дом...

Улица у нас особенная. Она такая очень не главная. Главная — это Волхонка. На Волхонку выходит Музей имени Пушкина, она плавно перетекает в Моховую с Библиотекой Ленина и вообще Университетом! Там еще Кремль напротив. А наша все по задам, по задам... мимо Библиотеки Ленина, мимо Музея... Люди смеялись: Тупик Маркса-Энгельса. Потому и переименовали в улицу. Потому что на нее выходил загадочный заповедный сад, ворота в нем всегда были закрыты, и когда-то возле них стоял единственный во всем переулке автомобиль. В детстве, когда читали «Человека-амфибию», страшно привлекала идея замкнутого, недоступного сада. Мы проходили мимо в конец «тупика», в нынешний, т.е. уже тоже бывший, музей Рериха. Там жили наши одноклассницы.

Слышала однажды легенду... но нет, этого не может быть. Что на месте квартала между Колымажным, Волхонкой, Знаменкой и малым Знаменским было когда-то холерное кладбище. Когда в Москве половина вымерла, половина разбежалась (1771), староверы пришли к генерал-губернатору и сказали, что они будут вывозить и хоронить покойников, где им скажут, они такие святые, что их никакая холера не возьмет. А им за это позволят построить храм за заставой.

Им выделили под кладбище мало застроенный участок у реки, там они и хоронили. Место для храма выделили за Преображенским валом. Церковь построена в провинциально-псевдоготическом стиле, который наивным старообрядцам казался исконно-русским. Очень славное место, там Преображенский рынок, мы с Открытого туда часто ездили. Его скоро закроют, последний живой рынок в Москве.

Скорей бы кладбище устроили на месте бывшего бассейна, ныне сами знаете чего. Конечно, разумные люди в пойме реки чумных не закапывают (смоет же, протечет). Но и соборов не строят, по той же причине.

На той же стороне, где школа, стоит маленький желтый особнячок, там была какая-то фондовая библиотека.

На углу малой и большой Знаменки по чётной стороне в доме 12, в угловом магазинчике продавали томатный сок, взрослые иногда покупали нам полстакана.

Наискосок от нашего дома на углу стоял очень похожий дом, его недавно снесли и построили что-то крутое современное. В нем жил загадочный человек по прозвищу «Блин», Андрей

Брилинг (Бриллинг), чей-то друг, красавец такой немного типа Мефистофеля, с неоднозначной репутацией. Он каким-то образом оказался знаком с семьей моих однокурсников, хотя и намного старше нас, я видела его на похоронах одного из членов той семьи. Не запомнить такое лицо было невозможно, но на поиск Яндекс выдает актера с той же фамилией в ролях Фандорина — кстати, похож немного. Человека с такими позывными вспоминают как выдающегося геолога.

Кто-то из одноклассниц жил где-то рядом, но знакомые у нас появились позже, и через улицу Фрунзе, в «генеральском доме», но это уже не совсем «наша» улица. Про них мы отдельно расскажем, у нас будет раздел «ШКОЛА».

После «улицы» полагается рассказать про «двор», но наш двор с улицы и не виден, и большой роли в жизни дома не играл. Расскажем, когда к слову придется. Теперь

Подъезд, он же парадное, он же «парадная дверь».

Она была очень тяжелая, с большими ручками, за которые хотелось браться двумя руками.

Кто-то из маминых знакомых как-то сказал — «каждый раз, когда захожу в ваш подъезд, хочется достать три рубля» - тогдашняя цена входа в любой музей. А маленькая Таня, побывав в чужом доме,

спросила — почему у них только черный ход?

Наверное, дворцовый холл нас формировал больше, чем мы думаем.

Была ли в вестибюле когда-то стойка для зонтов и полка для галош, как в доме профессора Преображенского?

Роскошный вестибюль описать невозможно. Яшмовый пол — мраморный, выложенный из разноцветного мрамора, но ведь «яшмовый» звучит так по-декадентски! «Яшмовая ваза, яшмовая трость» - даже затоптанный и заляпанный грязью, выглядел роскошно. Над ним кессонный купол с люстрой. У двух симметричных квартир двери охраняли атланты, как выяснилось, египетские, а мы-то их считали неграми. Они ведь черные. Кажется, входные двери в эти квартиры были выше и массивнее наших. И мы почему-то считали, что там живут особенные люди.

Описать невозможно, но легко посмотреть: на запрос «Дом Стуловых. Малый Знаменский» выпадает множество роскошных картинок, исторических ч/б, роскошных цветных и актуальных, теперешних, в досках, мешках, лесах...

На стене с левой стороны, после атланта, в нише под стеклом была выставлена гипсовая модель фасада. Её всегда показывали тем, кто приходил впервые. А в тамбуре, между дверей тоже слева висел список ответственных квартиросъемщиков, забытый с какого-то года. Белым по черному под номером 12 значился Доброхотов-Майков Сергей Александрович. Лифт, когда его запустили, тоже выглядел буржуазно: зеркало, бархатный диванчик, под ногами тоже что-то ковровое. Система лифтов была во всей Москве одинаковая, это потом

двери стали уезжать в стену, а тогда большая железная дверь открывалась на себя, небольшие внутренние дверки были вполне автономные, с предупреждением не открывать на ходу. Двигался лифт медленно и величаво.

С левой стороны от лифта один пролет лестницы вел в цокольный этаж, к квартирам, выходящим на задний двор, в сторону Волхонки. Участок, на котором стоял дом, в ту сторону заметно понижался, окна тех квартир очень ненамного возвышались над землей. К сожалению, нам не удалось найти фото нижней части заднего фасада — вверху посередине были длинные балконы, и нижнее окно в середине должно быть выделялось аркой. Длинный коридор отделял эти квартиры от выходящих на Знаменку (ул. Маркса-Энгельса). Эти квартиры были уже полуподвальные, там и жили всевозможные беженцы и переселенцы, оттуда и выходили уборщицы и бандиты. Рассказывали страшные истории. У одной уборщицы был лежачий сын лет 10, не говорил, ничего не понимал. Страшно было представить. Ничего, утешали взрослые друг друга, такие дети живут до 13 лет, потом умирают от воспаления легких.

Где-то там был другой выход черного хода, по нему мизерабли и выбирались на свет Божий. Спасибо все-таки Хрущеву за его реновацию, не одни мы получили квартиру.

Мы уже уходим. Вниз по лестнице, ведущей вверх... Слева видны высокие деревянные короба, в них скрыты атланты. За ними лестница вниз, в цоколь.

В нашем доме можно было изучать историю стилей, но в произвольном порядке, от Египта и Вавилонии в вестибюле до готики на 6 этаже — только модерн кажется не засветился, а кто знает? На лестнице витражи с мухами (может это как раз модерн?) перемежались композицией «трофеев» - компактно сложенные доспехи и оружие побежденного врага, принесенные в жертву богу-покровителю. Это традиционное античное украшение, а вот между первым и вторым этажом почему-то довольно миниатюрная сова с двумя не то стрелами, не то... нет, это факелы.

Возможно, заказчика, архитектора и декоратора соблазнил замысел Музея Цветаева: провести входящего по странам и эпохам. Чтобы шел домой, впитывал культуру и возвышался духовно.

Сова символ довольно известный, но амбивалентный. С одной стороны, она напоминает о тьме, в которой таятся злодеи и злодейства, страхи и ночные кошмары (Гойя); с другой стороны, она помогает победить страх тьмы. Сова символ или тотем Афины Паллады, тем самым герб города Афины, столицы всякой премудрости. Может она и сама умная, в геральдике это не важно. Сова не геральдическая фигура, ни у каких рыцарей и королей в гербе ее не бывает; разве как щитодержатель, на пару с медведем или диким человеком.

За ум и большие глаза, похожие на очки, за образ жизни, сходный с режимом ученых, переводчиков, схоластов, профессоров и прочих буквоедов, сову избрали покровительницей университеты, лаборатории, книжные магазины, издательства и другие интересные места. В игре «что? где? когда?» она работала живым символом. Но без копий, стрел и факелов. Сова с факелами, оказывается, была эмблемой алхимиков - как символ поиска тайных знаний и скрытой истины. Где алхимики, там и масоны...

Не были ли масонами купцы Стуловы или архитекторы Валентин Дубовский и Николай Архипов, или один из них? Или художник-оформитель Игнатий Нивинский? Вообще, кажется, вся эта мешанина, т.е. эклектика, и была модерном особой разновидности.

И.Д. Если выйти на лестницу из нашей квартиры №12, напротив через пролет была квартира 13. Эти квартиры выходили на задний двор, черный ход у них был другой. У входной двери, в крошечной комнатке, жили интеллигентные старушки Вера Ильинична и Роза Ильинична. У них была медная ступка и Брэм. (И еще много-много всего, как у всех бывших старушек!)

К ним посылали по вечерам одолжить кофейную мельницу, старорежимную, дед молот кофе на неделю, чтобы немного помочь бабушке и маме. Кофе покупали на Арбате в магазине «Консервы», куда мы с дедом ходили по вечерам. Сначала зеленый.

Его потом жарили на сковородке и запах был чудесный, если не пригорал. Потом в продаже появился жареный. Такие неожиданно яркие сцены возникают - кофе в пакеты сыплется из контейнера с задвижкой, вроде как сок из баллонов. Кофе был разных сортов, арабика и еще какие-то. Эстетствующие пожилые дамы заказывали точные до грамма пропорции для любимой композиции, заказы исполнялись в точности.

И заодно мы у них листали Брэма. Опять все то же: странные звери, дальние страны, где мы никогда не будем...

Ступка нужна была под Пасху, бабушка И.Г. сыпала кулича сахарной пудрой. Глазурь не делали никогда, поэтому она и позже у нас никогда не получалась.

Не в многих других квартирах я бывала. В 15-ой, где жили тетя Маша с Лилей и Харчевниковы. В 30-ой у «мадам Элен», Елены Александровны, сестры нашего деда, когда ее из нашей 12 квартиры переселили наверх.

Тетя Маша, родственница бабушки Ирины Генриховны и соответственно тоже француженка, и ее дочка лифтерша Лиля, в семейном кругу иронично называвшаяся мадам Фриц в связи с ее каким-то странным замужеством. Тетя Маша была старая и лежачая, все время вязала крючком кружева.

Лилия наверно все-таки где-то работала и до этого, чем-то они все-таки жили. Надо же было и за комнату, за жилплощадь платить? А карточки? Соседи могли раз от разу плеснуть супчику, это уже после, а в войну многие сами голодали. Тетя Маша в войну, в холодную зиму, залезла в постель под одеяло и отказалась вставать. Так и лежала в старой, мятой ночной рубашке, в смятых желтых простынях! Соседи приносили ей штопать детские чулки и носки, мама тоже, потому что хоть и они обе с бабушкой штопали, и нас приучили очень рано, все равно то и дело что-то рвалось и расплзалось. Вспомнишь филигранную штопку на коленках одноклассниц. Чулки упорно расплзались, их упорно штопали снова. И тете Маше перепало, ей за это что-то приносили...

У них еще и кошка драная была! Вообще люди тогда легко терпели всевозможные запахи, не заморачивались. Везде у всех висела старая зимняя одежда, от нее исходил такой сладковатый трупный запах. Когда Лиля заболела туберкулезом и ее положили в больницу, комната была в ужасающем состоянии. Соседи сделали ремонт и выкинули все гниющее и воняющее тряпье. Заботу о тете Маше взяла на себя наша баба Ляля (Ирина Генриховна). Когда тетя Маша попала под опеку нашей бабушки, И.Г. ее вымыла в ванне и заодно отрезала не меньше полметра волос, фигой на макушке - со времен войны. Еще просила: только немного.

Тетя Маша дожила до 84 лет, по тем временам фантастический возраст. Лилею устроили в дом престарелых — это было легко, если комната оставалась государству. Она была жива, когда мы покинули Маркса-Энгельса, дед и бабушка ее навещали, вернулись довольные — Лилия в чистых простынях, обед, чай, полдник...

Однажды мама зашла навестить тетю Машу и увидела, что она распускает кружевную салфеточку — у нее не было белой нитки, а была целая папка образцов, скопированных когда-то старшим поколением рукодельниц. Мама забрала папку из черной фотобумаги, а тете Маше принесла и катушки, и кроше. Не такая уж была глупость — вязанные кружева. Кружевной воротничок, манжеты не только школьницы носили с гордостью, а вообще светская дама, со связями и возможностями, не отказывалась от таких аксессуаров. В интерьере куда только не стелили, не вешали салфетки,

дорожки, занавески, накидки. Все это оживляло светлыми чистыми пятнами и прикрывало дореволюционную мебель. Бабушка Ирина Генриховна связала кружевное покрывало на супружеское ложе и накидку на горку из подушек.

Еще ценилась вышивка ришелье. Бабушка с мамой брали заказы на батистовые рубашки (если кто добывал батист). Тоненькие бретельки и ажурная грудка. Еще тонкие белые занавески бриз-биз, уголки наволочек, пододеяльников. Сделайте нам красиво:)

Тихих сумасшедших тоже было достаточно. В районе Арбата бродила явная «барыня из бывших» с чем-то невероятно накрученным на голове, разговаривала сама с собой, в магазине покупала 5-10 см крепдешина. Ей отрезали. Ни на кого не смотрела. Один раз я слышала ее тираду: «слава нашей дорогой милиции, без них бандиты нападали бы на людей на улицах, грабили и насиловали»... кто знает, с чего она тронулась. С кем-то она жила, кто-то о ней заботился.

Галя Харчевникова — моя одноклассница. Нас как-то посадили за одну парту, вот мы и дружили. Тем более в одном доме. Ее отец был скорняк (их много было в доме), у них в комнате стоял огромный мраморный стол, идеальное рабочее место. Мы с ней говорили все время о растениях, «цветах», мечтали, как мы их будем разводить, когда достанем. Может быть нас водили на экскурсию в ботсад, или под влиянием книги Верзилина «Путешествие с домашними растениями». Растений на окнах, а кто мог и на балконах, разводили очень много. В переулках окнами первого этажа можно было любоваться. Там пышно цвели герани, примулы, цикламены, цинерарии — выбор небольшой, но жизнерадостный. А эстеты и снобы уже принялись за кактусы, они были пока редки. У нас были олеандр, фикус, лимон, папирус — обычные. Монстера позже прибавилась, и так разрослась!

Лестница в доме была замечательная, очень удобно рассчитанные по высоте и ширине ступени. Идешь, как гуляешь. Когда нас пригласили посмотреть процесс реставрации (обязательно в касках!), мы еще по дороге гадали, сохранились ли медные кольца в ступеньках, для шестов, чтобы придерживать ковер? И может ступеньки давно заменили бетонными? Нет, ступеньки закрыты досками, и горизонтально и вертикально. Так же как вполне целые перила с головами медуз в медальонах. Мраморные ступеньки наверняка нужно менять на новые? Они тогда еще истерлись, как будто прогнулись под нашими ногами. Что касается стойки для зонтов и полки для галош, как в доме профессора Преображенского, так она была! Вдоль стены, до первой лестницы. Какие-нибудь стойки для зонтов наверно тоже были. А швейцарская? На ночь парадный вход запирался, загулявшие должны были звонить дворнику. Дворничья была в правом дворе за портиком с аркой, входные ворота запирались, загулявший должен был готовить полтинник.

В наше время галоши снимали у входа в комнату. Галоши носили все, а дамы — ботики, с каблукочком. А летом так и шли прямо в комнату, никаких тапочек! Не для того добывали приличные ботинки и хоть сколько-то изящные туфельки, чтобы в приличном обществе, где только себя и показать, влезать в убогие тапки.

Обуться в советское время — это роман с приключениями! И в специальных магазинах, и в универмагах стояли ряды унылых полуботинок, мужских и женских, одни и те же, давно уже перемеренных и признанных непригодными. Но очереди стояли все равно, вернее лежали животом на прилавке в три слоя, дожидаясь, пока впустят на табуреточку и ткнут робко выбранную пару: вот эти пожалуйста... нет, не подходят. А 37 размер... тоже нет. А вон ту...И чувствуешь, с какой ненавистью дышат тебе в затылок следующие. Маме как-то удалось хитростью получить для меня направление в ин-т детской ортопедии — вот там мне сшили ботиночки! Коричневые!

Много времени спустя, в 70-х, у наших друзей гостила иностранка, датчанка, кажется. Увезла восторженные воспоминания о русских людях, о внимании к другим, общительности. — Я тут у вас прожила неделю, и каждый день приходили родственники, бабушка, брат хозяйки, жена брата, соседи, друзья — и все говорили о том, что Тане (десятикласснице) нужны ботинки! - А хозяйева приходящих потихоньку водили посмотреть на ее шмутки: голубой шарф и свитер из пряжи толщиной в палец, сапожки...

Была одна чудесная соседка, бабушка и мама с ней дружили, Винокур Татьяна Владимировна, «Танечка Владимировна». Она тоже жила с матерью. Во время войны умерла от туберкулеза её дочь Лена, говорят красавица необыкновенная, лет в 16. Т.В. пошла работать воспитательницей в детскую туберкулёзную больницу. Очень любила рассказывать о детях, о спектаклях, как они придумывали и делали декорации. Рассказывала, как богатым детям приносили кучу шоколадных конфет, а бедные за чаем смотрели им в рот и глодали сушку. Педагоги не имели права делить гостинцы на всех.

Бывала она у нас часто, почти каждый вечер, они втроём садились и рукодельничали: Ирина Генриховна, Татьяна Владимировна и мама. Все три замечательные рукодельницы. Т.В., как и бабушка, воспитывалась в благородном пансионе. У неё была очень строгая мама, мы её знали, Анна Михайловна. Бедная девушка, отправляясь домой на выходные дни или каникулы, точно знала, что там ждёт: неоконченное коклюшечное кружево на подушке и шпинат на обед. Именно потому, что она того и другого терпеть не могла. А так, что же - очень милая старушка. Только немного сдвинутая на чистоте.

Т.В. вышивала на заказ воротнички и манжетки, научилась вышивать на машине. А ещё она сама изобрела особый вид прикладного искусства. Она расписывала банки. Масляной краской, на лаке, тонкой кисточкой, букетами в медальонах, в китайском стиле, с золотой сеткой. А внутри банка покрывалась чёрной краской. Это было очень декоративно! Стоило - трёхлитровая банка рублей пять, т.е. потом 50 коп. 2 кг хлеба примерно. Такую вазу она подарила как-то И.Г., дарила баночки поменьше, но всё постепенно разбилось. Остались на память только расписные стёкла в нашем «дорогом многоуважаемом», который мы с Пятницким потом превратили в объект нового искусства (с обратной стороны).

В той же квартире, что Татьяна Владимировна, (номер никто не может вспомнить, хотя бывали) жила удивительно дружная семья. Дочь звали Таня, примерно моя ровесница, красивая, с роскошными косами, но, увы, слишком высокая — а она занималась в балетной школе, довольно долго, пока вдруг не выросла.

И.Д. Не помню фамилию, супруги оба Евгении и дочь Татьяна.

Таня была наташина ровесница, мамы подружились в песочнице. Так как обеих звали Татами, то за соседкой закрепилось Тататаня. Папа Женя был бухгалтером, мама искуснейшей вышивальщицей, чем и зарабатывала. Такие времена были, что рукодельем можно было подкармливаться. И еще вот какие были времена - эти простые родители привели свою маленькую дочь в приемную комиссию Большого театра - и ее приняли! Все было прекрасно, она уже танцевала на сцене, в том числе главную партию в детском спектакле «Аистенок» (ах, какое на меня произвел впечатление первый увиденный балет!) и ей сулили будущее, но случилось непредвиденное — девочка начала расти. Бедняжку отчислили. Пришлось поступать в 57, классом ниже и с печальными результатами: учиться ее не учили. Тогда-то возобновилось наше знакомство. Мама сосватала им каникулы в горячо любимой Поляне, куда она привезла роман «Георгий Саакадзе». За полным отсутствием другой приключенческой продукции в то лето мы перевоплотились в персонажей истории Кавказа шестнадцатого века (не такой плохой вариант!).

Лето мы прожили в «нашей» деревне Поляне, в глухих лесах Тверской губернии — в девственной глуши, при грибах и ягодах. Таню в семье звали «Тунчик», она родителей «Мунчик» и «Пунчик». Мунчик была замечательная вышивальщица, Пунчик артистически рассказывал «вятские анекдоты», мы катались — да много ли детям надо. «Вятские-хватские, семеро одного не бояться», или «двадцать на двадцать не будем драться, а двадцать один, так и котомки отдадим». Был, наверно, деревенский: рассказывал, как мальчишкой лечил коню трещину на копыте. Вятские, они же лошадики.

И.Д. Из бабы Вали.

*..Было ль не было ль охоты,
шили блузы и капоты,
а припал к работе жар,
запаял и самовар.*

...Как москвичи помогали русской деревне. Самовар запаял Пунчик. Капоты шила мама, еще фланелевые шаровары для школьницы малинового цвета. За работу приносили пяток яиц, Мама отказывалась. - Как же так, за работу... Возьмите. Система ценностей была разная, в Москве яйца стоили много дешевле. Иногда вспоминаю изумительный Тонин творог - явно не дешевый, мама заказывала очень редко, раза два, наверно. А как-то нас накормили супом из петушков - когда мы Настасье сено перед домом сгребли под дождем.

И.Д. Яйца были основным платежным средством. Приезжал фотограф, делал эти замечательные семейные снимки, которые в общей раме висели в благополучных избах. Через какое-то время привозил заказ и уезжал с корзинкой яиц. Наверное, сдавал на рынке знакомой торговке.

Искусство фотографа ценилось высоко, и яйца на рынке стоили сильно дороже магазинных, как и вся сельхозпродукция, которую у колхозников фактически отнимали. Как говорит один герой Солженицына, деньги были двухэтажные.

Елена Благинина

**БУЛЬВАР
НОВИНСКИЙ, №6**

Тунчик и рассказывала нам о прекрасной умирающей Лене, как она выходила в коридор в рубашке, бледная-бледная...

Как и по какой причине Татьяна Владимировна и ее мама переехали в другой дом? Случайно ли это оказался дом №6 на Новинском бульваре, о котором нам дали почитать книжку? Там у Екатерины Терентьевне Беклешовой, гениальной кукольницы, до войны и после собиралась бесшабашная компания «круга Елены Благининой», об этом тоже писали. Татьяна Влад. или раньше была знакома, или в доме познакомилась с Ек.Тер., и мы увидели этих потрясающих кукол.

Анна Михайловна, мама Т.В., тоже значит дама из бывших, страдала патологической чистоплотностью (это еще называлось «половой психоз»), и бедная пожилая дочь, вернувшись с работы, из Подмосковья между прочим, мыла полы и вообще разводила марафет.

Странно, что они в гости кого-то пускали; но вот пускали, переобув перед дверью в безразмерные суконные тапочки, как в музее, и угощали чаем с пастилой. Пастила тогда была замечательно вкусная и главное дешевая, но у А.М. был особый ритуал. Белые и розовые брусочки незадолго до чаепития раскладывали на батарее, чтобы чуть-чуть подсохли, покрылись тонкой корочкой. Они становились гораздо вкуснее! Разумеется, выдавали каждому по одной. Потом взрослые беседовали, а мы бродили вдоль стен и рассматривали картинки и фигурки на полочках. Над маленьким диванчиком висела картина в стиле лубка, две Птицы Сирин. Наверно, работа Татьяны Владимировны.

И еще раз мы побывали в этом доме, в семье экспедиционного друга Сережи Серебряного, будущего известного индолога. Вообще дом был очень большой, то ли в виде буквы П, то ли Г. Может быть, все наши знакомые жили в разных подъездах. И все могли как-то найти общий язык на почве искусства: Сережина мама Адель Иосифовна (фамилия у нее была другая) тоже копировала орнаменты. Один как-то нам подарила.

Не оставляет впечатление, что это «одна школа» со стеклянными вставками у нас в шкафу. Тайная теософская школа, «орден орнаментальных тамплиеров», где соратников узнают по умению рисовать сложный орнамент. Чем сложнее, тем выше степень посвящения.

И.Д. Вьется веревочка.

Среди несчастных богатеньких пациенток Татьяны Владимировны была Натовенька — дочь великого летчика Сергея Анохина, «второго Мересьева», Героя Советского Союза, летчика-испытателя реактивных самолетов, потерявшего один глаз во время испытания машины «на вибрацию» - до распада. Он добился возвращения в строй и много еще работал. Позже был наставником Отряда космонавтов. Его старший сын Сережа, чуть старше Наташи, в детстве заболел менингитом с тяжелыми последствиями, физическими и умственными. Плюс эпилепсия. В свое время он лежал в детской психоневрологической больнице в Лосинке, когда там работала баба Валя, позже в Медном в таком же учреждении - и тоже у нашей бабушки.

Году в 48 ради нашего летнего отдыха бабушка стала его гувернанткой, и они нам сняли дачу в дорогом поселке Кратово. Мы с детьми дружили, гуляли, играли, слушали бабушкино чтение, ходили на их дачу в Отдыхе.

Зимой дети Анохины с домработницей приезжали к нам на Маркса-Энгельса на какие-то праздники, мы тоже к ним ездили наверное один раз.

Еще Сергей Николаевич пригласил нас вместе со своими детьми на спектакль «Клуба знаменитых капитанов».

Кратово запомнилось.

Позже Натовенька заболела туберкулезом.

Когда мама стала подрабатывать шитьем, среди ее заказчиц оказались приятельницы Татьяны Владимировны, врачи Института туберкулеза АН СССР на Яузе.

Это называется — соломки подстелить. У мамы открытую форму туберкулеза установили казанские врачи. Юра, мамин брат, с женой Вероникой жили тогда в Казани, бабушка последние годы прожила у них, мама приехала к ним в последние бабушкины дни — осенью 59 года. Она вернулась в жару, измученная, уверенная, что жизнь кончена. Но милые заказчицы не забыли...

Так мама оказалась не в районной больнице, а в лучшем из возможных заведений, где провела полгода и ее действительно вылечили.

(Взаимопомощь хороших людей — великая сила. Но химия сказала свое слово практически в этом же году: у нас стали производить писк натрия, первое лекарство от ТВС. И я на практике в Дзержинске, на химзаводе, видела, как в огромном автоклаве крутится жуткая рыже-коричневая масса...)

Вейся, веревочка...

Какие-нибудь по-настоящему великие люди жили в этом доме? Ничего не нашли. Кроме смутных слухов про Ларису Рейснер (или все-таки Инессу Арманд?)

И.Д. Когда началась война и бомбежки — одна бомба попала в дом на Моховой - мы на ночь спускались в подвал, где оборудовали бомбоубежище. У нас там был свой угол, нас укладывали спать. Рядом с нами стояла раскладушка (козлы с гамаком) Левитана, он с семьей жил в одиннадцатой квартире. После передач о ходе военных действий его привозила правительственная машина, больше было некуда. Это рассказы мамы и бабушки.

Много лет спустя при мне бабушка Ирина Генриховна поздоровалась на лестнице с каким-то человеком, а потом сказала — Левитан. Я тогда удивилась — уж очень не соответствовала внешность могучему голосу. Он навещал кого-то из семьи, оставшейся нашими соседями.

Мне говорили, что я будила деда в 41-м: дед, вставай, тревога, пойдем в яму... Почему-то вспоминается ночь в метро — наверно, ложная память, видели потом фотографии. Подвалов в доме №8 хватало.

Да уж, наслушались мы могучего голоса из черной бумажной тарелки... Долго еще взрослые приникали к ней с тревогой: вдруг опять война? А еще - «в полночь с Красной площади гудочки», в самом деле звук пространства. Мы почему-то часто не засыпали до полуночи, слушали их в темноте... Интересно, кто ездил в легковой машине по Красной площади, да еще в полночь — когда в Москве машин почти не было? Репродуктор не выключали круглые сутки. Однажды он меня жутко напугал: темно, тишина, все спят, а он тихонько поет: погибла навеки великая Русь... слов «воздвигла», или «сплотила», я тогда не знала.

Если начинать, то сначала: как мы оказались в этом доме после войны. Сначала, до Первой Мировой войны, в нем поселился наш дедушка Сергей Александрович Доброхотов-Майков, он женился на Ирине Генриховне Бежо, у них родился сын Саша, он учился в 57 школе напротив, поступил в художественное училище, встретился с Люсей Герн, они поженились и она тоже поселилась в доме 8 кв. 12. Там родилась я, потом Ира, потом началась война, папа ушел на фронт, а мы уехали в эвакуацию. Потом мы вернулись, и родилась Таня.

Поднявшись по лестнице или выйдя из лифта, мы оказывались на просторной площадке с двумя молчаливыми, монументальными дверями квартир 11 и 12. И дверь в 11 квартиру, и сама квартира были точно как наши, но мы ни с кем в ней не были знакомы. Сначала на дверях была медная дощечка и медное кольцо, замечательное кольцо, тяжелое, овальное. И список, кому сколько раз стучать (нам 5 раз. забыли спросить реставраторов про медные кольца! Сохранились ли они где-нибудь? Когда провели звонок, каждый гость мечтал, вот бы свинтить... Но так и не решились). Потом кольца сменил электрозвонок с таким же перечнем. И наконец в каждую комнату провели персональный звонок, с фамилией.

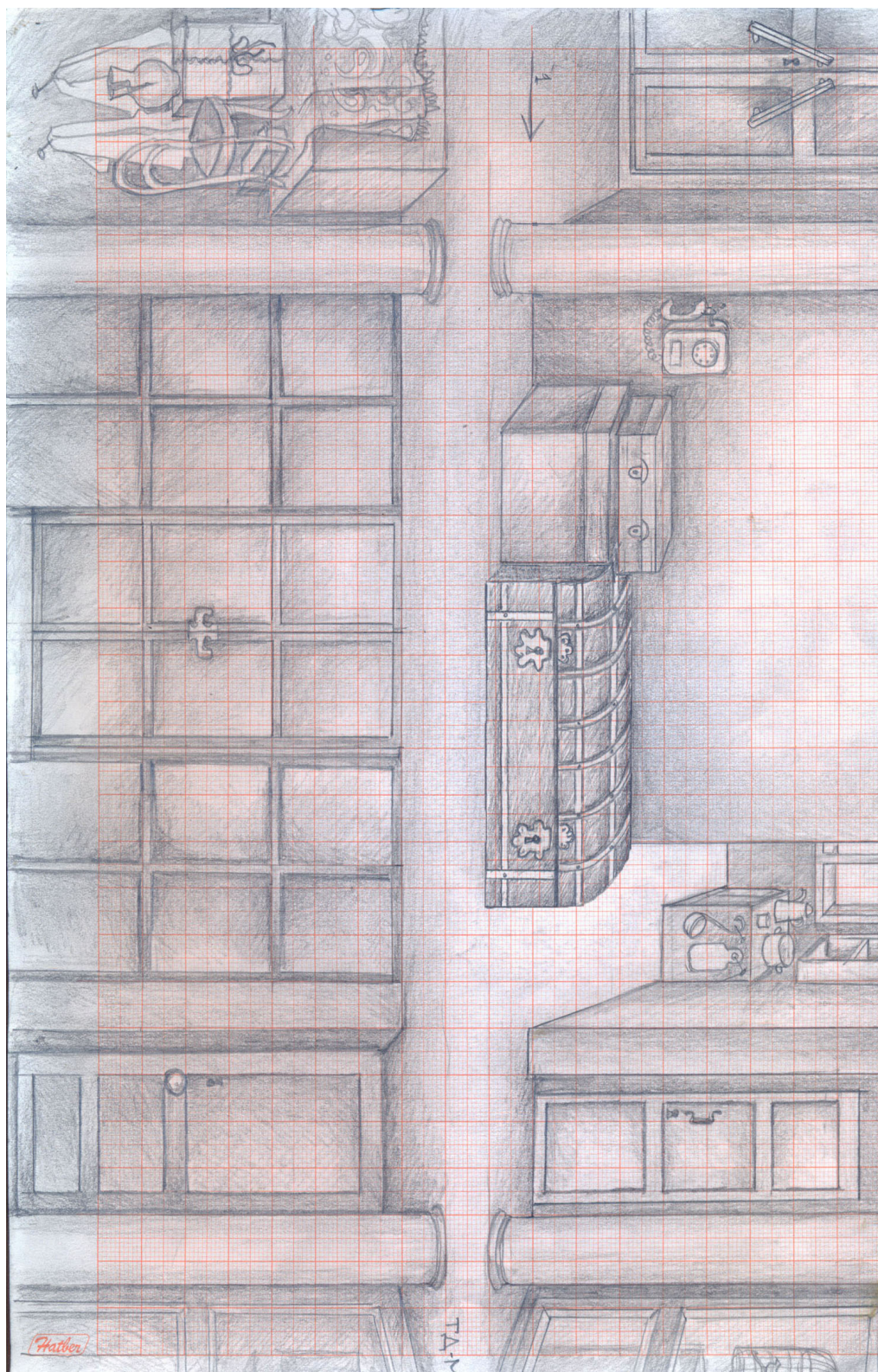
Номер телефона у нас был: К-5-24-72

Почтовый адрес: Москва 19 ул. Маркса-Энгельса д. 8 кв. 12

Поднявшись по лестнице или выйдя из лифта, мы оказывались на просторной площадке с двумя молчаливыми, монументальными дверями квартир 11 и 12. И дверь в 11 квартиру, и сама квартира были точно как наши, но мы ни с кем в ней не были знакомы и даже на лестнице друг друга не узнали бы. Сначала на дверях была медная дощечка и медное кольцо, замечательное кольцо, тяжелое, овальное. И список, кому сколько раз стучать (нам 5 раз). Забыли спросить реставраторов про медные кольца! Сохранились ли они где-нибудь? Когда провели звонок, каждый гость мечтал, вот бы свинтить... Но так и не решились. Потом кольца сменил электрозвонок с таким же перечнем. И наконец в каждую комнату провели персональный звонок, с фамилией. Такие же звонки в каждую комнату от телефона – а то приходилось выкликать во весь голос. В передней у двери была планка с подвесными именными талонами. Если кто-то задерживался, семья вывешивала талон. Вернувшийся засовывал его на место, последний пришедший задвигал тяжелый засов (установили после ночного проникновения с похищениями). У мелкого хулиганья любимое развлечение было позвонить и бежать. Чаше доставалось тем, кто призывал все кары небесные на нарушителей покоя, т.е. конечно Натке. Мальчишки были в курсе и на безответных порогах не тратили.

Ну вот мы и дома...

КОРИДОР. Кухня, балкон, черный ход, двор. Обитатели

За входной дверью таился закоулок, наше маленькое царство, наш театр, где мы с сестрой Ирой и ее одноклассницей Милой Серegiной болтали и разыгрывали свои варианты последних книг или фильмов, «воображаясь героинями», но чаще героями. Уголок из коридора не просматривался, а хохот и громкие разговоры — на это не обращали внимания. Ира и Милка были неразлучны с первого класса, после уроков гуляли, зимой - до полного ооченения, отогреться шли к Милке или к нам.

В закоулке коридора возле входной двери, мы вдохновлялись «трофейными», на самом деле американскими фильмами с Эррол Флинном... Робин Гудом, капитаном Бладом... кажется, в «Трех мушкетерах» тогдашних он тоже играл? «Ах, где ты, где ты, где ты мечта моя Париж»? Тоже радость нашей жизни — кинотеатр «Художественный». После войны перед началом сеанса там показывали эстрадные номера. Пожилые усталые актеры. Тоже выживали люди.

*Кинотеатр, в чьей бархатной утробе
Уютнее, чем вечером в Европе... И.Бродский*

Утром детские билеты на галерку в задние ряды стоили сущие копейки, на галерку никто не ходил, и мы сидели в середине у парапета, как королевы. А вообще в кино мы ходили очень редко. Тарзана не видели ни одного. Советских фильмов видели очень мало. Их почти не было, выходил один и шел по всей Москве. Потом вождь и учитель вдруг выступил с удивительным соображением, что у нас почему-то очень мало кино снимают?! Вспомнил, наверно, завет Кузьмича про важнейшее из искусств, притом трофейные ленты истаскались. И сразу фильмы стали выходить один за другим, многие талантливые, некоторые даже «с направлением». Мы, кажется, «культовых» не видели ни одного («а пуще образцовых»), но позже посмотрели по ящику какой-то фильм Михалкова и с тех пор не понимаем, когда говорят, что он раньше был очень талантливый.

Наша комната была в дальнем конце коридора, и гостей принято было провожать. Кто-то из них назвал заключительную церемонию прогулкой по Unter den Linden, так это и осталось. *Для удобства зрителя и читателя коридор изображен, как река, с обоими берегами. Уместилась половина. Если идти вдоль, от входной двери до нашей комнаты, кухня окажется слева, а на картинке она справа. Там же сундуки и телефон. Путаница еще и во времени: телефон появился в конце 50-х, игры с Милкой — в конце 40-х, вернулись мы в 43.*

Вообще в многочисленных сундуках в коридоре хранилось черт знает что. Наверно, зимнюю одежду и валенки убирали, пересыпали дустом...

Когда мы выезжали в Метрогородок, распатронули самый большой майковский сундук, с выпуклой крышкой, с медными скрепами, совсем черными, он стоял под телефоном. Нашли довоенные маскарадные костюмы и сборники нот со словами романсов 1910 года. Дед, Сергей Александрович Доброхотов-Майков, хранил в нем, можно сказать, свои воспоминания, в том числе написанные и нарисованные. Бережно хранимые, тщательно оформленные дедом материалы его служебного творчества - годов 30-х, он тогда работал в какой то приличной конторе (кажется, в Госиздате). Потом его «сократили». Помню его прощальный рисунок для стенгазеты, с урной и раскрытием на прощанье псевдонима. Эти альбомы он хранил в Сундуке.

Перед отъездом дед отдал их на сохранение Глебу Миронову, другу мамы и отца. Глеб привез творчество деда нам на Открытое шоссе, через какое-то время узнали, что он покончил с собой...

Большой альбом формата амбарной книги с вклеенными картинками и стихотворными текстами мы отдали Гарику Суперфину, в Бременский архив. Там целей будет.

И.Д. Сундук был огромный. Стоял как раз напротив меркуловской двери. Темно-зеленый, обитый медными полосками с рисунком. Был ключ, большой, красивый, когда поворачивали, играла музыка. Пытаюсь прикинуть размеры — два в длину, метр двадцать в ширину и столько же наверно в высоту. Что там хранилось? Кажется, студенческие работы отца. Какие-то книги. Волшебная шкатулка с галантной сценкой на крышке. Очень любили, когда его дед открывал.

«Волшебная шкатулка», многослойная, с отделениями и потайными коробочками, картонная, оклеенная цветной бумагой и золотыми бордюриками, нас просто завораживала. В ней еще скрывались маленькие записные книжечки, тоже в узорных бумажках. Говорили, что это

монастырская работа. Может, не у нас, где-нибудь в Германии, в Баден-бадене? Прабабушка Серафима какие-то сезоны проводила за границей. Играла даже. Позже дед шкатулку нам подарил, мы потеряли к ней интерес и куда-то засунули. Но она цела!

Подумалось, где стоял в сундук в дни семейного величия? Что хранили? Уезжая, оставили на месте, опустошив и уничтожив содержимое. Сколько сейчас могло бы стоять такое чудо?

Их много потом выбрасывали, в современную квартиру он бы в дверь не прошел. Так же как буфеты с резным изображением «охотничьих трофеев» на дверцах, с обязательной замочной скважиной на каждой дверце и на каждом ящике. А чтоб прислуга чай-сахар не таскала, да! Были ведь и сахарницы с замочками. Сахарницы попадали в комиссионки, буфеты в мебельные комиссионки, одна была на Преображенском рынке. Много любопытного было, буфеты размером со стену замка, столы на ногах со львами не хуже тех, что на Гоголевском. Мы тоже купили маленький буфетик за 10 р., доставка столько же стоила. Те, кто начал раньше, у кого были свободные даже не средства, а помещения, обзаводились «пошлой роскошью», а кто что-нибудь понимал, приобретали бесценные вещи. У Сапгира стоял «кабинет» черного дерева, похожие стоят в Пушкинском, век примерно XVI. Ирина Уварова сама говорила, что неплохо там обставилась.

Помню спинки кроватей с прямо-таки алтарной барочной резьбой. Кончилось это в 70-х. *(о Глебе Миронове, Гарики Суперфине будет рассказано после. Ирина Уварова — это Уварова-Даниэль, Сапгир это Сапгир)*

Сундуки наверно продавались где-то еще. Знающие люди знали. Сколько одних уникальных замков насобирали! Наш свойственник один, коллекционер и реставратор, в Измайлово находит что-то интересное. Окованный сундук у него тоже был.

Рядом стоял еще один, поменьше и просто деревянный выкрашенный красным суриком (очень похожий на тот, что у нас сейчас, расписать поленились. Но никогда не поздно!) На большом сундуке стоял сундук поменьше, не пропадать же площади, или м.б. корзина, или корзина была третьим этажом, или стоял чемодан...

Обитатели. РОДНЫЕ

Дед, Сергей Александрович Доброхотов-Майков.

Потомственный почетный гражданин г. Москвы. Дед мечтал быть врачом, учился на медицинском факультете, не получилось — война (Первая мировая), семья - работал экономистом, бухгалтером, счетоводом, но мечту не бросил. Хранил в столе, вместе с другими сокровищами, толстую пухлую книгу, часто ее изучал. Вообще в гомеопатию верили. Имя «Граф» произносили с придыханием... К нам его тоже раз пригласили, он вылечил Иру от воспаления легких.

И вообще мы, кажется, болели меньше и легче других, потому что он перед сном каждой насыпал в горсточку несколько крупинок чего-то с латинским названием.

Помним, как по вечерам с дедом ходили в гомеопатическую аптеку на улице Герцена. Она была красивая, романтическая, уютная, как все старинные аптеки, с лесенкой наверх.

Дед много гулял с нами, пока мы не выросли, показывал интересные уголки, рассказывал. Иногда катал на метро — немного станций первой линии, они нам казались дворцом, с тайнами и переходами. Называлось это «Царство Вингуда» - от «Гудвин», только что прочли «Изумрудный город». Он кажется только что и вышел, нам его привезла в Медное Лидочка Андреева, мамина подруга, художница. Ненадолго — пришлось прочесть сразу, а потом вспоминать, додумывать, играть. Это был первый вариант, с «тигромедведями».

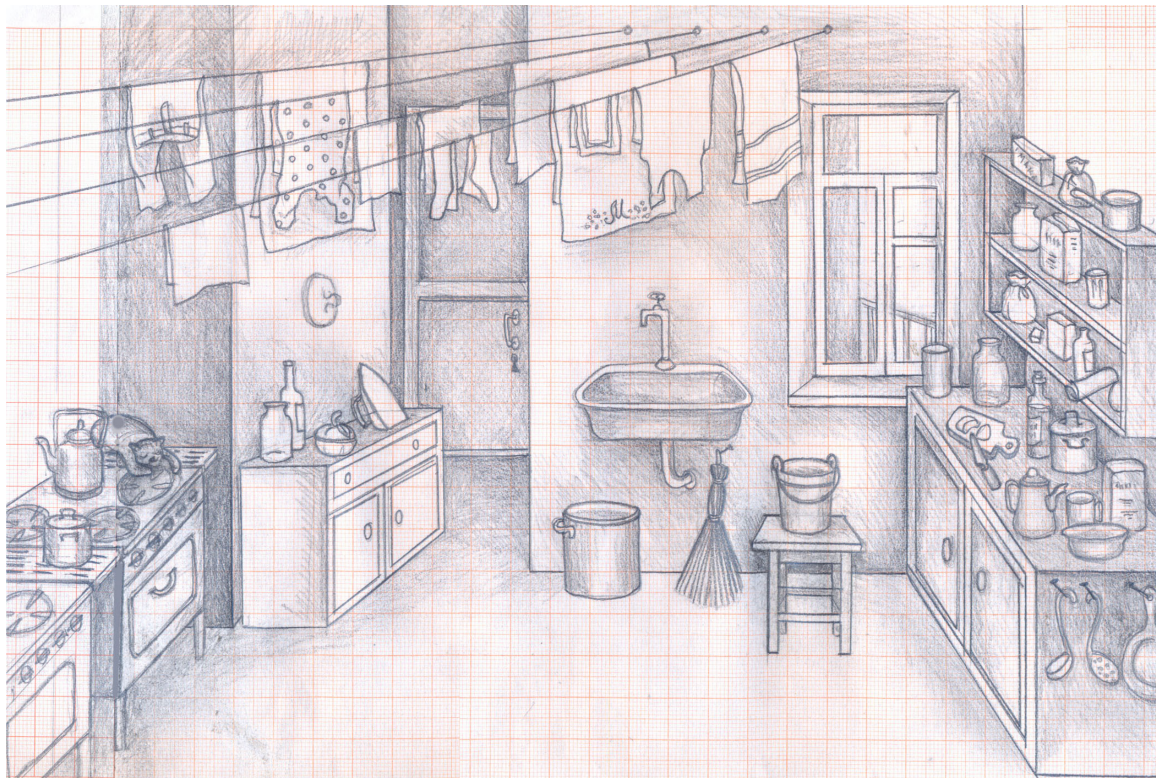
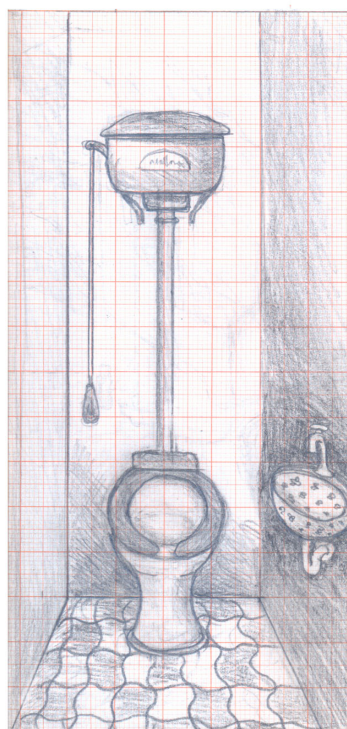
Мы пишем сейчас о коридоре и кухне, так что уместно представить Бабушку, Ирину Генриховну, она больше *обитала* в этих краях. Но о ней будем много говорить позже.

КУХНЯ

Кухня была общественным центром. Пока не сделали в ванной газовую горелку, маленьких детей мыли в корыте в кухне. Взрослые ходили в баню, и мы тоже, когда немного подросли. Грозная Натка иногда брала у мамы какую-нб из нас займы: с детьми пускали без очереди. Ходили, кажется, в Сандуны — ближайшую.

В кухне же и стирали цветное. Белое кипятили в баке на плите и полоскали в ванне, в холодной воде. Развешивали на балконе и в кухне. Потолки в квартире были 4 метра, веревки над столом примерно на трех, белье поднимали при помощи палки, специальной, был прямо-таки трюк: собрать половину простыни в комок, поднять и перебросить через веревку, потом палкой расправить аккуратненько, чтобы легче было гладить. Ничего, все научились.

Правда, белье было поменьше, постели узкие, пододеяльник был не наволочкой, как сейчас, а открытый, с загнутыми узкими краями: их иногда пришивали к одеялу большими стежками, иногда на них делали петли, на одеяле пуговицы. Одеяла были тонкие, байковые или старые шерстяные, от холода клали сверху пальто. Холодно было часто. Пока были поменьше, спали вдвоем, дед с бабушкой естественно на своей кровати с шарами.

Очень трудно соблюсти пропорции. Столы были шире и больше заставлены. Наш стол ближний справа, половина стола у окна — Добровольских. Где-то стоял еще маленький столик Боковых. Справа, за рамкой, была дверь в комнату Таищевых, когда они уехали, дверь заложили и перед ней поставили еще два стола. Слева у плиты были столы Меркуловых и сначала Марковны, потом Касьянчуков.

Под раковиной стояло ведро с объедками для молошницы, она приезжала по утрам с бидоном, покупали кружку, пол-литра... какие тогда были объедки, очистки картофельные разве. Время керосинок закончилось быстро, вообще керосинку держали в комнате.

Как-то и самовар ставили в комнате, кажется была специальная картонка или фанерка с дыркой, вставляли в форточку, чтобы выводить трубу. Совсем-совсем где-то на краю памяти буржуйка — наверно книги жгли, мебель. Еще в войну.

Потом провели газ, поставили рядом две четырехконфорочных плиты. Семей было восемь. В час пик можно было занимать только одну конфорку, но устраивались, находили промежутки, деруны жарили, оладьи. Пекли в духовке, кашу томили. Белье кипятили, шипцы для завивки грели, утюги. Иногда в кухне гладили.

Убирали все это пространство по очереди: семья — по два дня на человека. Мели пол, кажется через день мыли там, где кафель, раковины каждый день. Плиты, разумеется, тоже. Баба Таня Меркулова, уютная такая, бывшая прислуга у Майковых, вечно беззлобно ругалась: опять всю плиту засрали кофеем!

Наша семья дежурила дольше всех. Еще была сложная система расчетов: за газ, за свет, за мусор, за воду — что-то по комнатам, что-то по человекам. Когда я с маленькой Катей приехала жить, вопрос встал, куда ее включать, куда нет. Вода — понятно; а свет? Свет считали по человекам. Натка решила проблему: «когда ребенок родился, это уже человек».

Раз в год — или два — вызывали полотера. Он варил что-то жуткое, оранжевое, в ведре, запах скипидара заполнял всю квартиру, все сидели по комнатам. Только подглядывали, как он там выплясывает... есть картина, кажется, Кончаловского, «Полотер». Очень тяжелая работа. У себя в комнатах, как могли, натирали сами, плоские твердые щетки были у всех.

Обитатели. СОСЕДИ

Сколько же в квартире было дверей, как посмотришь на схему! Рядом с нашим кухонным столом сперва была дверь в комнату Таищевых, бывшую комнату прислуги (жлобы они были, эти буржуи! Неужели из всего огромного метража нельзя было каморку выкроить чуть побольше собачьей конуры?) Со стороны коридора к этой комнате примыкал темный чулан неизвестного назначения, в нем жила семья Мильруд, трое.

Таищевых было четверо, семья с детьми. Муж рабочий, мы его и не видели. Жена, молодая баба, совсем простая, веселая и добродушная. «У меня в коленке нервие со скребом» - так ей врач сказал. «Людмил, какая она у тебя миликюрненькая! Как снопчик!» - про нашу Ирку. «Одиуюсь и раздиуюсь». Где-то работала. Довольно скоро им в доме нашли комнату побольше.

И.Д. Сын Колька, подросток, и дочка Лидка, училась со мной в одном классе. В каморку помещалась кровать (с шарами), шкаф и стол. Родители спали на кровати, Колька под столом, Лидка на столе.

В классе мы с Лидкой практически не общались, она была с галерки, где сидели второгодники и двоешники-троешники, а я с первой парты, баловница и любимица учителей, до поры до времени.

Второгодничество было очень распространено. Каждый год в классе убывало три-четыре девицы и столько же прибавлялось. Наверное во втором или третьем Лидка тоже подверглась этой участи, я ее уже не помню в нашем Е-классе.

Вообще мужчин мы практически не видели или не замечали. Они рано уходили и поздно приходили. Кто был Мильруд? Кажется, тоже рабочий на заводе, или мастер. А вот жену его Цию не забудешь. Очень заводная была особа. Некоторые боялись оставлять кастрюлю на плите, готовили и караулили: говорили, в коммуналках бывало, враги-соседи плюнут в кастрюлю или бросят клочок волос.

Ция повесила на ручку своей кастрюльки большой замок, показывала всем и хохотала - намек на Марковну (дверь напротив), с нее бы случилось. Цию она особенно ненавидела, орала на весь коридор: Да, я еврейка, а ты жидовка!

После отъезда Таищевых стенку сломали, сделали одну комнату, мизерная, зато с окном.

Сын их Ефим по утрам мыл в раковине «шею и уши до самого пояса». Еще он постоянно пил воду из крана стаканами. Он такой был серьезный, дубоватый. Выяснилось, он где-то услышал, что в ведре чистой воды содержится столько же питательных веществ, сколько в 10 г масла. Ну, на 10 г не выпьешь, а все-таки даром!

В те времена по квартирам ходили агитаторы, перед выборами, а может и так. Собирались в коридоре и слушали, как он читал по бумажке про коварный «план Маршала». Как-то перед выборами один такой рассказывал, как хорошо будет при коммунизме (от каждого по способностям, каждому по потребностям), и Ефим спросил: А если я захочу золотые часы, мне дадут?

Не знаю как насчет коммунизма, но когда у Мильрудов, первых в квартире, появился холодильник, уже почти перед нашим отъездом, они предложили убирать в него детские продукты, нам и Ритке Добровольской, у нее тоже был младенец. Холодильник стоял в коридоре, в комнате не поместился бы. Там жили тогда Ефим, Соня и их сын Борька, лет пяти. Он бродил по коридору и пел оперные арии, у него оказался прекрасный слух. Телевизор у них появился раньше холодильника, и они тоже звали смотреть. Как-то втискивались...

Еще раньше телевизор завелся у Марковны, и она тоже. Скандалы скандалами, а соседи все-таки. Правда, бабушка и мама ни в каких скандалах никогда не участвовали.

БАЛКОН. ЧЕРНЫЙ ХОД

Из кухни была дверь на черный ход, оттуда вход на балкон — очень странная конструкция. Балконы от черного хода отделялись двойными стеклянными стенами, там предполагалось что-то вроде оранжереи. Дверь была тоже стеклянная, с крупным переплетом, высокая, открывалась с помощью сложного железного рычага — словом, почти не открывалась, проще было попасть через кухонное окно и втащить коляску. Так я свою Катьку укладывала — влезала в окно, мне ее передавали. Балкон был маленький, неудобный, «оранжерея» набита барахлом, которое забыли еще с гражданки. На площадке была загадочная, намертво запертая дверь, как в заколдованном замке. Дверь черного лифта, как мы думали. До сих пор не знаем, что за дверь.

Когда мы вернулись в Москву в середине войны, наша комната была занята, и мы вселились в комнату напротив к сестре деда тётё Лёле, крохотной старушке, там же кажется стояла вся наша мебель. Её младшие сын и дочь, Митька и Марина, были наши с Ирой ровесники. Чуть не в первый день, показывая квартиру, Маришка привела нас на балкон и... проскользнув между прутьев решетки, откинулась назад, повисла над улицей. Свой ужас помню всю жизнь. А сестры повторяли...

И.Д. Сразу после окончания занятий в школе, когда я была в 5-6 классе, на балконе устраивали соревнования по запуску бумажных голубей, изготовленных из тетрадей. Виталька Боков участвовал. Разные были модели, с разными летными качествами.

Мы не играли на черной лестнице, но знали, что там играют какие-то девочки. Они устраивали на ступеньках кукольные комнаты из кирпичей.

Черная лестница освещалась через стеклянные стены, а парадная — через большие окна, выходящие на черный ход. Окна были расписаны изящными медальонами с большой мухой в середине — отсюда и название «Дом с мухами». Нас порадовали: стекла вынуты, убраны, хранятся для реставрации с последующим возвращением.

Вот мы и задумались: если грузового лифта не было, кухонные припасы, мясо, картошку, молоко прислуга и поставщики носили по лестнице своим ходом, мусор дворник тоже собирал пешком (мусорное ведро стояло на черной лестнице, а большой ящик с откидной крышкой во дворе возле дворницкой), то как доставляли в дом по-настоящему тяжелые и громоздкие вещи, рояли и буфеты, роскошные, как барочные алтари, 3м высотой и 5м шириной? А письменные столы? Вот как у нашего прадеда или у соседа Бокова, архитектора? (вот тогда и надо было подсмотреть, они при нас въезжали).

Скорее всего, прямо, грубо, по-стариковски: мощные грузчики-тяжеловесы размеренным шагом, в такт, вдвоем вносили и пианино, и шкаф, и рояль, и сундук — кому на второй, кому на шестой. Насчет тяжеловесов так и есть: завершив спортивную карьеру, они идут в грузчики. С надорванным сердцем, с раздутыми венами... а что делать? По парадной лестнице, черная слишком узкая. По мраморным ступеням. Ковры для такого случая наверно снимали, и медные прутья вынимали из медных колец...

И вот, скажем, году в 15-16, дом заселен, все устроились, все ковры постелили, а кому-то на чертвертом этаже что-то не показалось, или он разорился, такое жилье уже не по карману, он начинает вывозить мебели, сиволапые мужики тащут по лестнице шкафы или кровати, да и стулья даже — гроздьями, покрикивают: пааберегись! - а коммерческий директор т-ва Циндель в шляпе и с тросточкой выходит на площадку...

Балконы при реставрации ликвидировали, увы! Наверно, они опасны для жизни, а хранилищу текстов нужен просто очень большой шкаф. Хорошо, что мы успели снять дом со всех сторон в апреле 15 года. Вот так это было тогда.

И.Д. Каждый год сразу после конца занятий нас увозили на все лето - Медное, Десна, Кратово, Даниловка, Поляна. Лес, дальние прогулки с мамой и бабушкой (бабой Вале́й), грибы-ягоды, купанье, если повезет, в Десне или в Волге. Долгие вечера с книгами, рассказами, рисованьем и сочинениями...

Поэтому мы не гуляли во дворе и не приобщились

к дворовому братству. Только Таня немного с кем-то там общалась и научилась ездить на велосипеде, а мы нет.

Наши окна выходили в малый двор и дальше на Дом на набережной.

Большой двор с тыльной части дома. Действительно — большой. Мы там деревья сажали.

По великим праздникам с левого аппендикса двора возле дворницкой дежурил отряд конной милиции. Дед наш, страстный лошади́к в душе, водил нас любоваться. Мы гладили морды лошадок и носились по лестнице выпрашивать у бабушки кусочки хлеба для угощения.

Коноводы относились снисходительно, а коняшки с одобрением.

Это милиция. Кавалеристы, участники парада, где-то на Волхонке во дворе чего-то пережидали, мы их и там настигали, чтобы погладить лошадек).

ДВОР.

Дом стоит среди двора, двор смотрит на улицу...

И.Д. Дворовое братство, наверное, состояло из приличных детей и хулиганов.

Приличные дети оглашали двор криками - Лена (Таня, Нина...) выходи!!! Или - ты

выйдешь??? А по вечерам - грозное - Лена (Таня, Нина...) — домой!!! И ответное — щас!!!

Прыгали через скакалку, разными способами, некоторые просто виртуозно. Даже фильм был про это — «Слон и веревочка». Играли с мячиками, маленькими, литыми, прыгучими. Были «трешечки» - об стенку и «десяточки» - об землю, с усложнениями. Иногда кто-то из мужчин расстареется, подвесит качели, а доска на бревне была почти везде.

Сосед Виталька Боков тоже относился к приличным детям. Но когда Бокова-старшего посадили, Виталька пару раз дрался. А приятель его Шурка поддружился — дошло до милиции. Хулиганы не просто бескорыстно хулиганили. Шуркины родители в конце концов сменялись, невозможно было оградить сына. Он приходил к Витальке, мы играли. Очень красивый был мальчик.

У Тани был приятель, Адёпка, они с компанией бегали на котлован Дома правительства, что строго запрещалось. Не купались; говорили, там недавно утонул мальчишка, зацепился за арматуру под водой. Играли в чижа, в штандар, в казаки-разбойники...

Надо же, начини вспоминать, что только не всплывет. Еще фильм «Первоклассница» — там тоже про московский двор. Еще, конечно, в волейбол играли, кто постарше. Танцевали? Кажется нет.

Позже как-то Танин поклонник по имени Яшка пел ей серенады под нашим окном — у него хорошо получалось. Кажется, из каких-то окон кинули пару пяточков, поддержали игру.

Двор справа от дома (если смотреть с улицы), за аркой, был узкий, совсем небольшая асфальтовая площадка, отгороженная решеткой от детдома — он был уровнем ниже. На эту площадку выходил черный ход и балконы. С другой стороны, слева, за дворницкой, утоптанная земля, пара тополей, за деревянным заборчиком чуть-чуть жухлой травки, скамейки какие-то. Туда выходил другой черный ход, симметричный нашему. В конце двора был несанкционированный выход (т.е. узкий кусок кирпичной стены, по нему можно было сползти) в нижний двор, там дома выходили на Волхонку, небольшие, мы их видели в окно, за ними Волхонку.

Слева стоял и стоит дом 10, двухэтажный, очень хороший когда-то и теперь, после реставрации. В этом доме некогда жил Собинов и бывал в гостях у Майковых: так это бывало — артист приходил как гость, общался, по горячим просьбам исполнял свой номер и возвращался к себе с конвертом.

И.Д. За время войны в городе расплодись крысы, а вот кошек осталось совсем мало. Мне кажется, это 45, мы последний раз уезжаем из Медного, мы там задержались, Наташа даже в первый класс пошла в деревенскую школу. Таня, мамина сестра, организовала наше возвращение с помощью своего поклонника-офицера, который мог организовать казенный Виллис. И когда мы уже погрузились в машину, местные дети принесли котенка — серого-полосатого, месяцев четырех, так мне кажется. У нас была любимая книга - «Рассказы о животных» Сетон-Томпсона, и любимый рассказ про кошку - «Королевская Аналостанка». Кошку звали Мумутка. Наш оказался мальчиком, мы называли его Мумут.

В один из первых дней после прибытия многие были разбужены ужасным шумом на кухне. Выбежали и увидели, что Мумут сцепился с крысой больше его размером и они катаются по полу. Дед добил крысу палкой. Это рассказ взрослых. Наверное деревенская мама-кошка выкармливала своих детенышей живностью, в том числе и крысами, вот котенок и оказался бесстрашным.

(А я помню по-другому. В тот же вечер, как приехали, сидим за столом, вдруг Мумут является из коридора с крысенком приличного размера в зубах — пришел похвастаться. Дети и женщины завизжали и полезли на стол. Подвиг на кухне совершился позже). После этого Мумут считался общеквартирным котом, все его ценили, подкармливали и разрешали прохаживаться по плите между кастрюлями и устраиваться полежать в тепле. Он вырос огромный, важный, с подпаленной шерстью — в кастрюле чей-то суп кипит, Мумут разлегся рядом. Гулял он на черной лестнице беспрепятственно. Про крыс мы больше не слышали. Не помню сколько лет он прожил, но потом его кажется кто-то на лестнице ударил ногой в живот. Он умер в коридоре на одном из своих мест, кричал... Марковна пыталась кормить его булкой размоченной в молоке.

Когда мы уже были в средней школе, к кому-то из наших одноклассниц прибился кот, якобы ангорский, очень аристократичный, с не очень пышной шелковистой шерстью равномерной темно-дымчатой окраски, и его принесли к нам. Семья не возражала, назвали Мишкой. Имя явно не подходило, он был настоящий джентльмен, гордый, ласковый, но не навязчивый, никогда не мяукал, мурлыкал почти неслышно, как будто у него внутри что-то кипело. Он считался моим котом, спать приходил ко мне на одеяло (если не гулял во дворе). За обедом и за чаем — мы сидели за общим столом, я в уголке дивана, на нем сидели двое. Мишка скромно вспрыгивал на валик дивана, подбирался в комочек, мурлыкал неслышно. Иногда деликатно вытягивал изящную лапку и трогал меня за локоть. Я отламывала ему крошку хлеба с маслом.

Следом завели котенка Боковы. Сибирского. Котенка называли «Пушок». Он вырос, стал редкой красоты и дикости котом, не ходил, а как бы стелился по полу, словно тяжесть шерсти не давала ему распрямиться. На спине у него был пробор. И этот могучий зверь с огромными зелеными глазами, которого впору было испугаться в коридоре, как младший, питал к Мишке огромное уважение и во всем ему подражал. Как-то мы в комнате пролили валерьянку. Мишка вылизал пятно до белого дерева, Пушок приходил и смотрел, тоже лизал и смотрел, что полагается делать дальше. Мишка вытягивался на полу — и он тоже. Мишка переваливался на спину — он тоже. Мишка перекатился с боку на бок — и Пушок, только голову отвернул назад, что там делает взрослый, образованный...

Мышей ловили оба, ловили и подолгу играли, если им не мешать (мы иногда мешали, любопытно же, раз бежали за не помню которым, он спрятался под чьим-то кухонным столом, мы плюхнулись на пол и смотрим — он злобно смотрит на нас, изо рта с одной стороны торчат усы, с другой свисает хвостик. Подождал, глотнул, хвостик втянулся в пасть. Не дали поиграть!).

Оба кота пользовались всякой возможностью удрать на лестницу, иногда удавалось, в конце концов оба пропали. Может быть, соблазнились на красоту, породу, продали? На черной лестнице потом видели изящных котят мышинового цвета.

Последний был у Марковны. Его звали Кукуруза и еще Прун. Этого кастрировали и он вырос и разъелся до невероятного по тем временам размера и веса, лежал поперек и полностью перекрывал наш широкий коридор или сидел на верхнем сундуке в «прихожей», в том аппендиксе коридора, где мы играли с друзьями, соблазняя дернуть за хвост. Этого кота никто не любил. Покинул нашу квартиру вместе с Марковной, когда в ее комнату вселилась семья Касьянчуков.

И.Д. Меня вот вдруг заинтересовало - как это марковнин сын «какой-то милицейский чин»? Даже форму помню. А как же 5 пункт? В 47 году бабушку Ирину Генриховну уволили с работы в Доме Ученых (секретарь с латинской машинкой) за то, что «французАнка».

Странно, но факт. Яков Пархомовский, о нем даже в газете писали позже, или он сам что-то писал.

Но как произошел обмен Марковны с Касьянчуками?

К Марковне подселась ее сестра Вера. Богатая. С какой-то барской мебелью и горкой, забитой хрусталем. Завели телевизор. И нас приглашали смотреть. Тогда гастролировала «Комеди франсез» - кадры до сих пор перед глазами! Сид — Андре Фалькон! Вод это ход драматурга: Страсти кипят, все уже смертельные враги, ах все погибло, ах что Родриго — и только тут Родриго появляется на пустой сцене... и действительно весь в белом. Телевизор с линзой, экран маленький, линза маленькая...

Заодно в квартире настал мир. Некого стало ругать и бодать, вернее отругиваться. Натка успокоилась вполне, никто не боролся за статус. Заодно мы выросли и не носились больше по коридору с топотом и боевыми кличами.

Надо же наконец про Анну Марковну, что она за зверь. Фамилия ее была Зеленская. Вполне приличная полная старая дама, мягкий голос, плавные движения... была зачинщицей всех квартирных скандалов, исподтишка говорила какую-нибудь гадость Натке, а та, баба грубая, тут же начинала орать. Иногда они объединялись и нападали на легко возбудимую Марью Николаевну Добровольскую, и кончалось это тем, что наша баба Ляля прибегала в комнату, и дед ей капал валерьянку на кусочек сахара. Наша семья и Боковы в скандалах не принимали участия, только очень нервничали.

Однажды обиженная М.Н. бросилась на нее с ножом, кухонным. Вызывали милицию.

Мария Николаевна была постоянным объектом травли Марковны и Натки и героиней кухонных баталий, от которых мирные прятались за своими дверями. Марковна, проходя мимо МН как бы чихала, а говорила: псих...

Ее сын, Яков Пархомовский, был каким-то чином в милиции. Комната ее, небольшая, но с колоннами и скульптурой, примыкала к бывшему «залу», возможно там прежде был будуар.

Еще писали друг на друга заявки, что Добровольский, муж М.Н., подхалтуривает, шапки шьет, шубки реставрирует, а Натка и вовсе частная портниха без патента. Так оно и было.

Иногда Марковна и Натка скандалили друг с другом. Кайф ловили.

Мужа Марковны звали дядя Лева. Отчества не помню, кажется, он был приятный и интеллигентный. Они с бабой Лялей иногда обменивались французскими фразами, помню такой анекдот. Пришел знакомый, не застал дома, попросил нашу бабушку передать и назвал необычную фамилию. Бабушка запомнила по ассоциации и говорит дяде Лева — к вам заходил Касроль. Тот удивился — Срулей знаю много, а Касроля не знаю!

Через некоторое время подходит Ирина Генриховна: Вессель!!!

Вессель (Vaisselle) по-французски посуда. Бабушка сначала запомнила так, а потом автоматически переключилась на русский. С тех пор она кастрюлю так и называла — касроль. - Где мой большой касроль?

Собачка у Зеленских была карликовый пинчер, Джери и еще почему-то Нуньес. В холодной квартире он мерз и дядя Лева держал его постоянно за пазухой. Дядя Лева вскоре умер.

Нуньес вскоре тоже. Как-то бабушка потом входит в кухню, там Марковна, глаза на мокром месте, чуть не всхлипывает: сегодня годовщина моего Лева и Нуньеса...

Кота она завела позже.

Напротив кухни стена была стеклянная, в ней стеклянная дверь, все покрашенное масляной краской — там был когда-то бальный зал. В некоторых квартирах, кажется, стекла уцелели до сих пор, толстые, рельефные, орнаментальные, наверно «бемские», богемские. Там обитали Меркуловы, хозяйка, тетя Таня, бывшая прислуга Майковых, симпатичная покладистая женщина, только иногда ворчала в кухне насчет плиты.

Рядом небольшая дверь. За ней, в тесной, но роскошной комнате с колонной, очень короткой изогнутой балюстрадой и скульптурной группой жила язва-Марковна. От соседнего бывшего бального зала комнату отделяла намертво запертая дверь, расписанная в стиле лоджий Рафаэля. В прежние времена дверь не запиралась. Скорее всего, игра в шахматы на фото происходит именно здесь; это могла быть, скажем, курительная. Кто их знает, этих людей, как они распоряжались лишней жилплощадью!

Александр Карпович Доброхотов-Майков, наш прадед, играет в шахматы с кем-то из Дунаевых, может быть шурином, братом Серафимы Петровны.

И.Д. Муж тети Тани был Иван Иванович, скорняк, и в свое время кто-то в скорняжьем профсоюзе, что и осуществило право на лучшую комнату да еще и с присвоенной мебелью. Я запомнила, что он был какой-то черный и страшный, пьяница. Умер нелепо - расковырял что-то в зубах булавкой и получил заражение крови.

У тети Тани (Татьяны Даниловны) были две дочери, Полина и Вера.

Полина, мамина ровесница, серенькая мышка с дочкой Милкой, ровесницей нашей Тани. Кто был и куда делся отец не помню, но из каких-то глубин всплыла фамилия Доронина.

Под новый год очередь мыться в ванной. Ванна была огромная, мама позволяла немного побаловаться. Мы, старшие, выкупались, мама пустила Таню, Полина попросила подкинуть туда же свою Милку, ладно, всех вымыли.

А на другой день Милку увезли в больницу со скарлатиной. Скарлатина была тяжелая, лекарств от нее не было. Что уж пережила мама? Но мы не заболели.

Все остальные дети - Добровольские, Горюновы - по очереди болели, а мы только каждый раз наслаждались десятидневными карантинными каникулами.

Я думаю, может быть это действие дедовой гомеопатии? Он со скрупулезной точностью много лет давал нам эти крохотные сладкие шарики.

Таня дружила с Милкой, играла на медвежьей шкуре. Говорит, что у Меркуловых был не то что патефон — аж граммофон, роскошный, блестящий бронзовый (тоже наверно от бывших). Эти роскошные предметы тоже стояли в комиссионках в 60-е, некоторые гарантированно в рабочем состоянии, недорого). Вера им иногда ставила пластинку — с Лещенко, с одной стороны «чубчик, чубчик», пластинки были маленькие, только по одному номеру и помещалось. Больше ни у кого в квартире патефона не было.

Вальс начинается, дайте, сударыня, руку...

Наверно, главная роскошь — выгнутая фасадная стена с тремя окнами от пола до потолка — казалась излишней в военные и послевоенные годы. Занавесок никаких не было. После войны были батареи, но разве такое пространство согреешь?

Вера младшая, была красавица в советском стиле, стройная, пышная, цветущая блондинка. Прекрасно, звонко пела популярные песни. Она приезжала к нам на Десну в гости, ходила с нами купаться. Мы с мамой обычно бродили по лугам и лесам, что-то искали, а ради гостии устроились как было принято: на берегу, на подстилке, загорать. Мы, сестры, маялись, Вера заливалась соловьем. Советские песни, лирические, такие были прямо колоратурные. На приличном расстоянии от нас сидел любитель-рыболов, Вера поглядывала на него через плечо, но он решительно никак не реагировал.

Гораздо позже, незадолго до нашего отъезда на Открытое шоссе, она вышла замуж за подполковника или полковника. Его фамилию мы запомнили по одному случаю. В коридоре был уже телефон, рядом с кухней, почти напротив «зала». Мы с друзьями, уже почти взрослыми, уединялись у входной двери с лестницы, там в конце коридор загибался и получалось отдельное небольшое пространство. Там не возбранялось курить. Мы болтали бесконечно, подпирая стенку, иногда сидя на полу.

Однажды, слышим, кто-то подходит к телефону, берет трубку и говорит — в пору бы Левитану, с такими же авторитетными интонациями: «Говорит полковник Запольнов. Вы меня не знаете...»

Кто-то из нас прыснул вслух, остальные зажав рот вылетели на лестницу. Запомнили интонацию и фразу на всю жизнь, как видите.

Вера ходила по коридору в роскошном халате, темно-ярко-синем, в крупных то ли птицах, то ли цветах, то ли рыбах. Это была самая красивая ткань в магазине тканей, куда мы ходили мечтать, и мечтали, что когда-нб маме подарим такую. Поэтому при словах «Клавка его шастает в халате» вижу именно этот образ. Надо надеяться, потом они лучше устроились. При нас так все и оставалось, а Марковна из соседней комнатки переехала, как обещала: вот уеду от вас, а к вам поселю пять человек.

Касьянчуки оказались мирными пролетариями - муж с женой, двойняшки младшешкольники и бабка, совсем деревенская. Кажется, хозяйку звали Клавдия, а бабку — Ксения, бабка Касьянчук. Это была удивительная женщина. Сразу, заселившись, без разговора вымыла стекла в так называемой оранжерее на балконе, немывтые со времен первой мировой. Потом вымыла наш огромный коридор, на мытье которого раньше после долгого установления доли платежей раз в год нанимали уборщицу. И не раз ее заставляли за этим занятием. На вопросы отвечала — что-то спина болит, размять надо. Затеяла в очередной раз стирку - тоже, спина болит, размять надо. Вдруг отошла, что-то плохо, говорит, вернулась в комнату, прилегла, вызвали скорую. На другой день ее не стало - рак желудка какой-то сверхбыстрой формы. Дети их в коридоре не болтались, и в школе мы не пересекались (ну да, они же маленькие были) — не вспомню даже как звали.

Однажды у Касьянчуков лопнула батарея. Это было не так ужасно, как сейчас, вода была не слишком горячая, но хлестала вовсю. Все ринулись на помощь во главе с Наткой, она руководила активно и разумно. Ведра, тазы, тряпки. Перекрыть воду в комнате было нельзя, наверно кто-то звонил управдому, кто-то помчался вниз требовать, чтобы скорее закрыли — но пока что, мы бодро гремели ведрами и тазами, выжимали тряпки, веселились. Больше всех усердствовала наша Ира. Справились бодро и быстро. Благодарная семья написала письмо в школу, указала на Ирины подвиги. Иру как раз должны были принимать в комсомол — но так и не приняли, отзыв соседей не помог. Не приняли «из-за дружбы с Цукерником...»

И.Д. Не только за дружбу, но и за выраженную протестную позицию. Секретарь школьной ВЛКСМ, одноклассник наш Роберт Нигматулин, впоследствии и по сей день действительный член АН, сидел в классе как раз за нашей спиной, высказался определенно - вспомнили, что в институт поступать, испугались. Так оно и было за три месяца до финального звонка. Но не подействовало - анкет все равно никто не читал.

Виктор Цукерник — лицо особое в жизни нашей семьи. Он сам вспоминает, как Ира в первый раз его привела, когда они были семиклассники, в 54. Ира уехала, он остался, долго был постоянным гостем на семейных сборищах, всегда рассказывал интересное.

Последний раз мы встречались на его золотой свадьбе в за роскошным столом в каком-то ресторане, в окружении бесчисленных родственников по восходящей и нисходящей. С тех пор звонил несколько раз. Еще увидимся, не вечно же карантин — а наша дружба вечная!

Сейчас вспоминаю, а так бы не вспомнила. Помнила, что мамаша Касьянчук на обед варила вареную колбасу. А Мария Николаевна макароны продувала, выглядело смешно, а резон был прямой: вдруг жучки забрались. Добрые серые толстые советские макароны. Был анекдот: итальянцы продали нам макаронные машины, как-то заглянули проверить и удивились: почему у вас все сорта макарон одинаковой толщины? - А мы специально под один калибр рассверлили, вдруг война, патроны будем делать.

И.Д. Это вовсе и не анекдот. Марунин (первый муж И.Д., журналист газеты «Огни Ала-тау», лицо осведомленное) говорил, что самый засекреченный объект в Алма-Ате - макаронная фабрика, куда его ни разу не пустили поведать о передовиках производства. Действительно, были готовы в любую минуту сменить муку на порох и производить патроны. И действительно были только одни макароны. В Ашхабаде и в Хиве, в Ленинграде и в Москве.

Остается переступить незримую черту меж двумя декоративными колоннами и сделать шаг во вторую, дальнюю от входа, половину коридора. Тем самым, так уж получилось, вернуться в прошлое, ДО и После Войны.

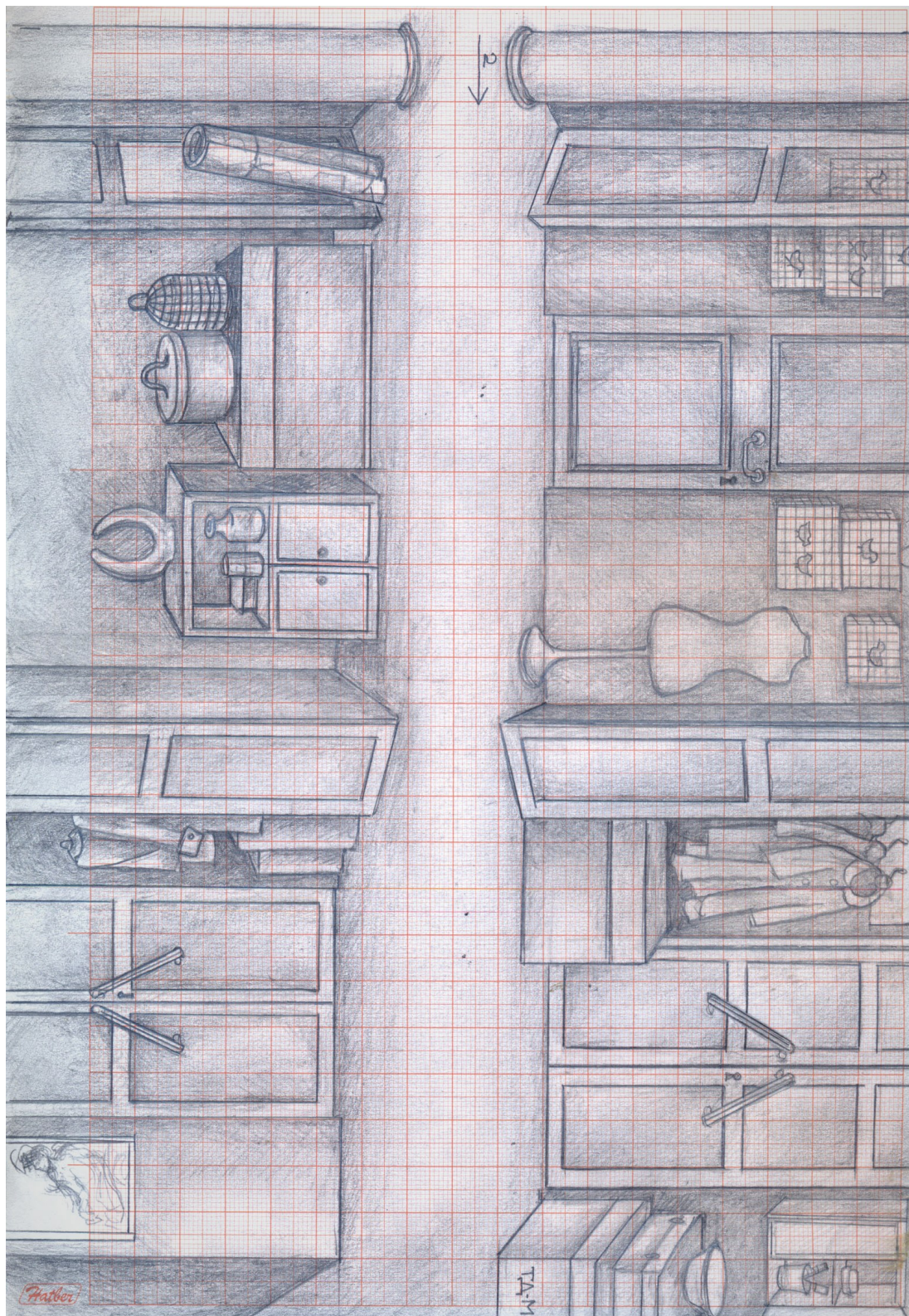
Хорошо бы замысел книги раскрывался постепенно, как шкатулка: раздел «КОРИДОР» или «МУЗЕЙ» открывается, а там подразделы: Соседи, Родственники, и в каждом еще что-нб, воспоминания, истории... а все вместе такое старое, нелепое, безвкусное, ностальгическое... Памяти не прикажешь. Чаще всего вспоминаются игры в коридоре.

Вспоминаются вдруг проходные, незначащие моменты с чувством какого-то особого значения. Как будто соприкоснулся со своей жизнью в другой ветви реальности (начитались Гибсона).

В гостях у бывших соседей, у Татьяны Владимировны с её мамой в доме №6 по Новинскому бульвару, произошло с нами знаменательное событие. Взрослые беседовали, а мы слонялись по углам, изучая безделушки. В любой семье хранились занятные фигурки, вазочки, коробочки, не считая бесчисленных салфеток. На одном из маленьких столиков без особого назначения лежала толстая старая книга... Это были «20 лет спустя».

«Трёх мушкетеров» мы когда-то уже прочли. Конечно, у кого-то брали на время. В нее мы уже «играли» в разных концах коридора, развивали сюжетные моменты, изображали кого-кого. И вдруг целое огромное продолжение! Наш коридор превратился в поле сражений и интриг! Мы все три конечно мечтали быть герцогиней де Лонгвиль, Виталька сразу стал Рауль, но как в театре Шекспира все готовы были заменить любого персонажа.

КОРИДОР (продолжение)

На рисунке, если идти в конец коридора, т.е. вниз, слева окажется комната Натки, а напротив ее сундуки и другое имущество. За колоннами имелись симметричные двери, стеклянные, они так и стояли, за ними тоже набивалось барахло и копилась пыль. Когда-то двери отделяли столовую от кухни и зала, и семейного жилья — другая пара дверей: за ними были кабинет главы семьи и спальня супругов (наша комната).

По плану «уплотнения» выгородили комнату, в этом отрезке коридора света не было, выход электричества оказался внутри вместе с роскошной люстрой.

Манекен символизирует профессию скандалистки Натки, клетки — хобби ее мужа, Ильи.

Обитатели. СОСЕДИ.

И.Д. Натка - полячка Анастасия Бенедиктовна. С мрачным Ильей, разведившим канареек, они были в разводе, но жили в одной комнате, что тогда было обычным делом. Фамилия их была Михайловы. У него был туберкулез в открытой форме, он периодически то ли в больницах лежал, то ли в санаториях подлечивался. Клиентура у Натки явно в средствах не стеснялась, но какого она была сорта? Генеральши, спекулянтки, проститутки — наверно в этом роде. У знакомых портних были околоцековские, околокиношные, но тут вряд ли. Однажды ей заказали пальто для девочки (видать статусные были родители - никто такого не делал) и она попросила маму разрешить сделать примерку на меня. Поэтому я знакома с интерьером этих соседей. Эталонная роскошь: горка с хрусталем и фарфором, на столе бархатная узорчатая скатерть с бахромой, бархатные шторы, гнутые стулья с гобеленовой обивкой, трюмо, изящная ширма и много фарфоровых фигурок. У Натки стояло пианино, но к нам сквозь стену доносился только стрекот машинки.

...а еще у нее была масленка в виде помидора, у нее на кухонном столе она озаряла всю кухню! Мы завидовали.

Наверно не только мы и не только масленке, кто-то же писал заявки: однажды к ней явился-таки фининспектор. Попросил открыть большой гардероб. Она широко распахнула зеркальную дверь: смотрите! А там шелковые платья, целый ряд... — Это вы сшили? — Да, я! Я шью себе платья!

Другой бы достал парочку, прикинул: по фигуре ли мастерице? Она была дама крупная, мягко выражаясь, плотная. Но зачем? И так поладили.

Мама тогда немножко поволновалась, хотя у нее вряд ли когда хранились два заказа одновременно, и клиентура была — докторши... Стоило ли тревожить вдову офицера?

Обитатели. МЫ.

Раньше говорилось, что мы вернулись в Москву в середине войны. Не из эвакуации. Сначала уехали всей семьей, с дедом и бабушкой, к мамину отцу на селекционную станцию под Пензой, потом деда Сергея Александровича вызвали в ополчение, во второй набор (воевать ему не довелось), а мама с нами и бабушкой поехала в Тоцкое, к отцу. Там формировались части из казахов. Потом отец вернулся на фронт, а мы в Москву. Бомбежек уже не было, но затемнение оставалось, кажется, до полной победы.

В нашу комнату, пока нас не было, вселили временно какую-то семью. Видимо, это была не простая семья, раз их устроили в такой шикарный дом, а вскоре дали какое-то другое помещение; а то мы там надолго застряли бы, и такое бывало. Мы вселились в комнату напротив и сильно стеснили крохотную старушку тётю Лёлю с тремя детьми. Такое было в порядке вещей. Вся наша мебель была в той же комнате, у тети Лёли.

Её младшие сын и дочь, Митька и Марина, были наши с Ирой ровесники. И детство наше «военное» было легким и беспечальным. Все сложности приходились на долю взрослых, а мы только играли. Взрослые ждали конца войны, мечтали, как опять «все будет хорошо». Мы тоже мечтали — о том, что будут загадочные «шоколадные конфеты» и «пирожные».

Комната Горюновых выходила окнами на улицу Маркса-Энгельса (бывший и будущий Малый Знаменский переулок), на главный фасад, и по определению служила когда-то кабинетом Александру Карповичу, нашему прадеду, сотруднику компании «Циндель».

Здесь у него происходили деловые встречи, хранились важные документы. В стене таился маленький сейф, он запирался и был скрыт под обоями. Дети нам его сразу показали, они там прятали какие-то загадочные пустяки. Сейчас на его месте прямоугольная выемка в стене. Легко восстановить, если реконструкторы пожелают.

Возможно, Ал.Карп. в этой комнате и скончался. В каком году — не знаем. Дед и бабушка поженились в 16, жили отдельно, в Столешниковом, все было так буржуазно: молодая семья, обеспеченные родители... Возможно, они вернулись в отчий дом, когда начались всякие сложности. Александр Карпович болел долго, бабушка ухаживала за ним вместе со свекровью, Серафимой Петровной. В феврале 17, в день отречения Николая, родился у бабушки сын Александр. Кажется, А.К. уже не было. А бабушка Серафима, крестная, прожила еще долго... вспоминала, наверно, и поездки за границу, и красивые платья, и богатые столы, и веселых довольных гостей, бедная...

Обитатели. РОДСТВЕННИКИ

Дальний конец квартиры до войны оставался «Майковским», кроме Серафимы Петровны с дочерью Еленой в нем жили Доброхотовы-Майковы, т. е. мы, налево, а напротив Горюновы — Тетя Лёля, Ольга Александровна, сестра нашего деда, и ее дети. Тогда с ней жили трое: сыновья Федор и Дмитрий и дочь Марина. Старший сын, Алексей, женатый, служил в армии. Из комнаты Горюновых, где мы играли с Мариной и где позже Сергей Викторов писал Маяковского над плакатом «Окна РОСТА», из окна видна была улица, внизу, вечерами полутемная, пустая. Невысокие фонари, неяркий желтый свет; в окнах за занавесками светила одна лампа над общим столом. У нас, помнится, никогда занавесок не было, у Горюновых тоже. Можно было обойтись, некому было к нам заглядывать.

И.Д. Окна той комнаты были точно напротив окон актового зала 57ой. Там были организованы занятия вечерней школы. Мы с Маринкой любили разглядывать этих дяденек и тетенок над тетрадками. Многие старались наверстать отобранные войной возможности.

В той же комнате у Горюновых мы встречали первый Новый Год, довоенных я не помню, 43. Без елки, все дети больные. Но были подарки: каждому ребенку пара чулок, полученных по ордеру, у каждого в чулке несколько черносливин и пара картонных елочных игрушек.

По-моему, тогда же нам подарили по длинной бесформенной хламиде из какого-то туалъденора, тоже по ордеру, и мама сшила нам с Ирой складные изящные платъица, украшенные матросскими воротниками.

Там же в последний раз видели отца — он приезжал с фронта и уехал на фронт.

Видимо, люди начали как-то устраивать свою жизнь, когда кончилась война. На Красную площадь 9 мая мы ходили еще из той комнаты, с мамой и Федей, сыном тети Лёли.

Что-то было в судьбе тётки Лёли, Ольги Александровны Горюновой (тёткой она приходилась нашему отцу) — что-то сложилось у нее не так.

Она была маленькая и хорошенькая в юности, два раза выходила замуж, один из мужей звал ее «моя карманная жена». Младшая дочь, Марина, Ирина ровесница, была от второго мужа, ее фамилия была Маренникова, а куда эти мужья делись, нам не рассказывали. Старший сын, Алексей, ровесник нашего отца, служил. Он потом еще сюда, в Метрогородок, к нам приезжал, пьяненький. Умер, кажется, в 90-х.

Второй сын, Федор, допризывник, мне очень нравился. Красивый, темные глаза с длинными ресницами, немного грустный, беспомощный. Он пел под гитару, я любила песню «спустилась ночь над бурным черным морем» - про «Потёмкин». Очень, очень плохо сложилась его судьба. После войны он женился, говорили, на воровке — вся квартира трепетала, воров, бандитов боялись жутко, страшные истории рассказывали — как они случайных свидетелей резали бритвой по глазам (и не бритвой, а «пиской» - кольцо с кусочком бритвы)... Словом, «Черная кошка».

Наш дом считался бандитским. Где-то в доме жили настоящие бандиты, самый знаменитый — Будённый. Вроде бы поэтому чужие бандиты обходили нас стороной. Хотя рассказывали, что однажды соседка на одного такого сообщила в милицию, и он ее изувечил.

Слышали потом, что Будённый, не дожидаясь ареста, повесился.

Потом жена-воровка куда-то делась, а тётя Лёля обменялась комнатой с богатым архитектором Боковым. Переехали куда-то недалеко.

Работала она санитаркой в поликлинике. Многие из бывших барышень, успевшие побывать замужем за нэпманами, оказывались потом на самом дне. Они ведь ничего не умели, в домашнем хозяйстве тоже. В 55, когда я поступала в МГУ, она помогла мне сделать за один день медицинскую карту.

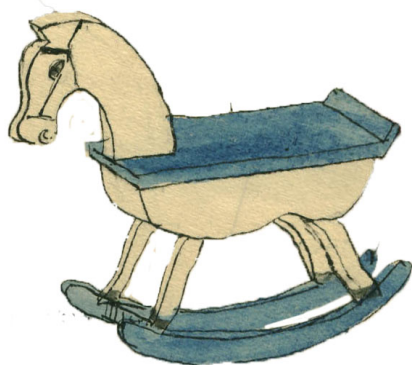
Потом тётя Лёля умерла, а через день после похорон Федор заперся в ее комнате и покончил с собой — зарезался или вскрыл вены, соседи заметили кровь из-под двери. Он к тому времени совсем спился.

Марина упорно работала, училась, вышла замуж, развелась, воспитала, вырастила сына кого-то из братьев. Дожила до благополучия, своей квартиры, ходила бегать на стадион. Осталась крохой — то ли наследственность, то ли вечное недоедание. В детстве она была прелестной малышкой, ее брали на детские показы в Дом Моделей. Наверно, заметила дочь бабушкиной

подруги, она там работала моделью, редкая красавица в послевоенном вкусе — это было обязательно для манекенщицы. Очень удобно, когда одежду для дошкольников демонстрирует ребенок лет 8, он послушный, ему легко все объяснить.

Марина не только бегала на стадионе, но и ходила в музей Рериха и нас уговаривала — там так интересно... Фамилия ее мужа была Блинников, но кажется брак был недолгим...

Наконец временно проживавший важный тип съехал. Мы с Ирой и Маришкой вошли в совершенно пустую комнату... посредине стоял складной детский стул с колесиками и лошадка-качалка. Мы тут же разложили стул и устроили катанье. После, когда перенесли на место майковскую мебель, мы чаще играли в пустой «тётилёлиной комнате» - там остался настольный бильярд и совершенно фанерный облезлый шкаф, не то комод, не то буфет. Мы в нем прятались или что-то прятали. У нас были какие-то довоенные игрушки и большие тряпочные куклы — бабушка шила, Валентина Витальевна. Самую большую, без одежды, из матрасной ткани, с длинными руками и ногами, мы таскали за

руки и за ноги, как бы раненого, потом качали и швыряли, и называлось это «раньку качать». Ничего святого у детей не было!

Еще было у нас занятие: мы кружились, взявшись за руки, сколько могли выдержать, и валились на пол... в голове что-то еще долго несло. Тоже способ забалдеть: позже прочитала про «танец дервишей». Знает ли Элиаде про такой способ «достижения экстаза»?

На то есть википедия: *Согласно суфийскому учению, истину можно понять, только находясь в состоянии единства с Богом. Такого единства можно достичь через танец-медитацию, который при длительном кружении позволяет дервишу войти в транс. Танец Дервишей называется «Сема», а танцующего дервиша именуют —«семазен». Во время такого мистического полета дервиш обращает одну руку к Небу, другую к Земле, создавая собою некий мост для передачи божественной энергии.*

Поодиночке вокруг себя мы тоже кружились, только не догадывались руки держать как надо — мы их растопыривали для равновесия. Просто значит кайф ловили.

Однажды по заказу МОССХа, к юбилею какому-то, Сергей Викторов, мамин товарищ по училищу, искал помещение, чтобы выглядело, как шикарная квартира времен гражданской войны. Комната Горюновых напротив нас подходила идеально: пустая, даже на взгляд холодная, с бумажными полосами на окнах. Вот не помню: во время войны на большие стекла клеили полосы для профилактики: лопнет от ударной волны, так осколки не посыплются. Их смыли только потом, когда и затемнение отменили. А вот чем же мы затемнялись? Занавесок не было. Фото-бумагой?

Таня родилась, когда мы жили в своей комнате. Зимой в доме было жутко холодно, не топили, мама говорила, мы с Ирой ходили в шубах, шапках и валенках. Но мы этого не помним. Раньку — помним, а холод — нет.

Если пройти коридор до конца, упираешься прямо в туалет. Тоже замечательный. Там было большое красивое окно из сот, из вытянутых стеклянных шестиугольников. Большая удобная раковина, большущее зеркало, правда с помутневшей амальгамой. Была даже скамеечка для детей. Можно было разглядывать себя до пояса. Вода разумеется холодная. Шикарный унитаз типа «Ниагара», бачок под потолком и ручка на цепочке.

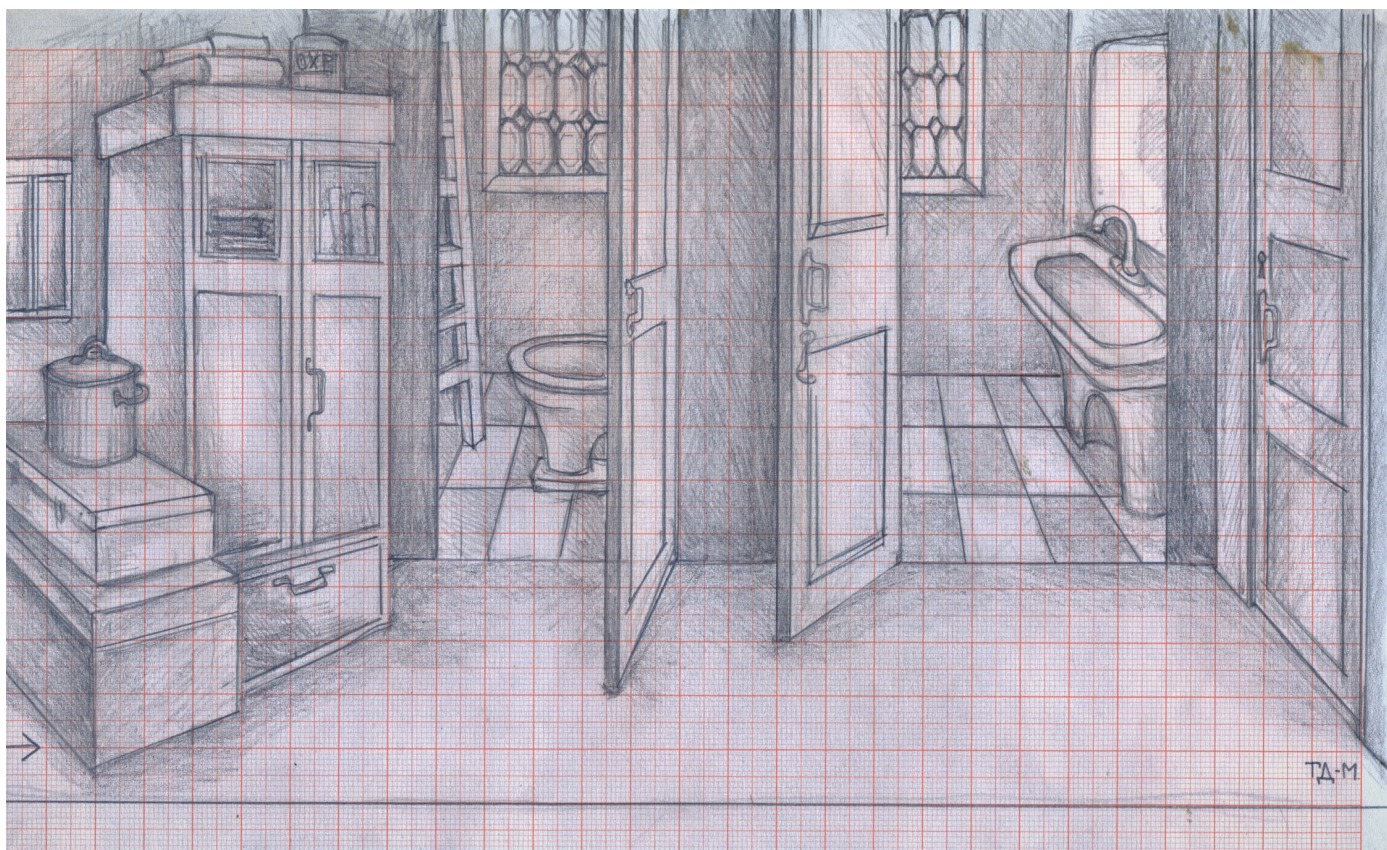
По сторонам раковины стояли две могучих деревянных лестницы. Одна просто очень высокая стремянка на предмет, скажем, поменять лампочку в коридоре - другая раздвижная, с мостиком. На этот трепещущий мостик мы залезали, когда нужно было что-то достать или убрать на полати. Что уж там такого хранилось? Самовар — но его в историческое время, т. е. послевоенное, уже не доставали; абажур стиля модерн с потерянными висюльками. Может, какие-нибудь старые игрушки?..

И.Д. Из-за большого количества пользователей некоторые соседи обзаводились персональными сидениями на унитаз, прозванными «гусли». Когда мы, уже девицы, с нашими приятелями курили в коридоре у нашей двери (там еще плетеный сундучок стоял), Натка обязательно шествовала мимо нас с «гуслиями» в туалет. Мы не очень комплексовали.

Коридор здесь загибался вправо, маленький коридорчик заканчивался дверью. Дальняя комната за ванной, с эркером, выходила на фасад. Когда-то там жили девицы Ольга и Елена, сестры нашего деда. После уплотнения комната осталась за их матерью Серафимой Петровной и Еленой, после смерти С.П. Елену переселили на шестой этаж в каморку для прислуги.

И.Д. Кока Сима — «крестная», она крестила нашего отца и его кузенов, сыновей старшего сына Бориса. Называть себя бабушкой запрещала. Что-то из рассказов сохранилось, что я ходила к ней «телти мотать»...

А я смутно помню, как я пришла и сказала маме: - Кока Сима вся в цветочках лежит...

Обитатели. СОСЕДИ

Комнату домоуправление отдало семейству Добровольских (*очередная флуктуация, в одной квартире Доброхотовы и Добровольские*).

Алексей Николаевич Добровольский был скорняк. Престижная профессия в то время, в доме скорняков жило несколько. Мария Николаевна потом работала кассиршей в Пушкинском музее. Две дочери, наши ровесницы. Зоя была большая, серьезная, взрослая, с нами мало водилась. Я с ней оказалась в разных классах и дружила больше с Риткой, младшей, играли, гуляли вместе, но позже к нашим коридорным мушкетерским и пиратским эпопеям она не примыкала.

Интерьер в этой комнате был примечательный, эталонный. Хромированная кровать под кружевным покрывалом, с подзором и стопкой подушек под кружевной же накидкой. Диван кожаный с валиками и полочкой, на которой стояли семь слонов по росту. Комод с высоким зеркалом, тоже кружевная салфетка и главное — высокие узкие стеклянные вазы с цветным ковылем. И еще один слон из папье-маше. Большой, с поднятым хоботом. И фисгармония!

И.Д. Как юридически происходила смена обитателей? Было домоуправление, наподобие булгаковского, которое имело право за излишек площади переселить, как было с тетей Леной после смерти коки Симы. А нуждающихся — вселить. Особенно скорняков: у них были аргументы. Кажется, после войны в Москве действовала скорняжная мафия, почему например село Черкизово Моссовет раз за разом исключал из плана застройки? Сколько лет мы мимо него ездили на Открытое шоссе, любовались настоящей деревней.

Домоуправление расселяло очередников по выморочным или почему-либо освобожденным площадям. Так переселили Цию с дядей Мишей, потом Таишевых, их комнату соединили с кладовкой для Мильрудов, а потом им же отдали нашу (кстати при выезде обязали оплатить ремонт), у Соньки уже была еще дочка, которую она срочно родила, спасаясь от уголовного дела в торговле. Из их комнатки сделали общую прачечную.

Дядя Миша Мильруд был рабочим на заводе. Как Матвей Миронович Машбер, мамин товарищ по студии Ряжского.

Была продажа под видом обмена, как у тети Лели, поменявшей от крайней нищеты свою большую хорошую комнату на маленькую в бывших номерах у метро Дзержинская, он стоял перед Политехническим музеем, длинный скучный двухэтажный дом. Мы у них там были, бабушка наверно бывала чаще. Коридор по всему фасаду с выходящими на него десятками дверей, условно разбитых на секции по 7-8 комнат с общей кухней и туалетом, закрывавшимися на ключ. Так было над Елисеевским магазином, где жили наши друзья Смородинские.

Были добровольные равноправные обмены по личным обстоятельствам?

Формально — да, но фактически это было очень сложно. Как доказать, что жилье равноценное, включая массу факторов: район, качество постройки, число комнат в квартире, близость транспорта - и никто не получит денюжку, как бывало и как всегда подозревали. Дело было муторное, изнурительное, затратное. «Взяткоемкое».

Обитатели. ПОДРУГИ

Коридорчик вдоль ванной заняли под свое имущество Добровольские. Сундуки и корзины стояли в три яруса, висели корыта, тазы, стиральные и гладильные доски — опять-таки, черт знает что. Мы пристраивались на крайчиках и выступах, болтали и играли часами. Доставали сверху детский стульчик, с дырочкой и крышкой, и мою лошадку-качалку. Это была самая лучшая лошадка в мире, созданная, должно быть, во времена конструктивизма!

Временами мы перебирались в просторную ванную комнату, холодную, газового нагревателя еще не было, и болтали там. Во что мы играли? В царевну-несмеяну; в горячо-холодно; да просто хохотали и несли чушь. Девочки Добровольские перевезли с собой свой загадочный мир: с ними вместе, говорили они, поселился где-то в квартире (кажется, в углу за дверью, где хранились метлы, ведра и тряпки) гном по имени Мúжик. Еще у них был благородный герой Руслан, он жил в их в комнате на декоративной тарелке из папье-маше. Т.е. он там не жил, но он был как-то, присутствовал. И Мúжик был не гном, а кто-то такой... про гномов мы еще мало знали, а «Руслана и Людмилу» мама нам давно уже прочла.

(Лет 10-15 спустя: в ванной комнате Галочка Лавровская делает 50 пистолетиков. Вокруг — потрясенные зрители. Почему 50 — это понятно: кто-то из молодых людей похвастался, что запросто делает 15. Почему в ванной? В комнате было не повернуться? Хрупкая изящная Галочка занималась велосипедным спортом, ноги у нее были стальные).

У них я видела, как работает их отец, скорняк. Он изготавливал поддельную чернобурку, очень ходовой предмет. На столе расстелена крашенная в черное собачья шкура; мастер длинной линейкой отделяет в мехе длинный ровный пробор; под рукой у него блюдечко с клеем и маленькая баночка с отдельными белыми волосками. Пинцетом он брал один волосок, макал в клей и вставлял в раздвинутый мех. И так потихоньку, ряд за рядом.

Наверно, он все-таки где-то работал, а то как же пенсия, трудовая книжка, карточки? Впрочем, тогда были разрешены трудовые артели, наш дед одно время работал бухгалтером в какой-то какое-то время, на нашей же улице в соседнем доме, они делали мягкие игрушки, кукол. Однажды дед привел меня туда и предложил выбрать себе подарок; я выбрала черного бархатного мишку, небольшого, изящного. Возможно, он с нами переехал на Открытое шоссе и здесь играл с нашими детьми.

Мария Николаевна, высокая, когда-то интересная брюнетка, тоже работала, и мы с Ритой и Зоей на свободе «играли» на их фисгармонии. Кажется, они были так же немзыкальны, как мы. Как, наверно, и все остальные семьи. А ведь песня была эстрадная: *«Я живу в озвученной квартире, есть у нас рояль и саксофон... и за каждой дверью — патефон...»* Просто, значит, танцевать было некому. Был же у Меркуловых граммофон, у Натки — пианино.

По радио иногда передавали оперу, как в «Мастере и Маргарите», одну на весь Союз. Слушали все. Но нам больше нравились футбольные репортажи. Первый репортаж Синявского в 1945 конечно тоже слышали — а куда бы мы делись? Вот это был театр! Болели мы ужасно, просто так, ни за кого.

Еще одну страшную тайну поведали нам девочки Добровольские. Оказывается, в Москве действует страшная шайка бандитов. Они ездят в больших черных машинах, совершенно закрытых, похищают людей (или только детей) и мучают их. За ними гоняется милиция на мотоциклах, но как только догонят, они раз — и свернули в проулок; все тайные переулки знают.

После обмена комнату напротив заняли Боковы: Алексей Петрович, Наталья Ивановна, Юля и Виталька. Юля училась в ВУЗе, она потом работала в кинематографии, ее фамилия появлялась пару раз в титрах, типа «директор картины». Виталька был ровно на 10 лет ее младше — такой вот курьез — и сразу стал нашим другом. Алексей Петрович, архитектор, «богатый» по определению (раз такую комнату в таком доме выменял) сразу же занялся ремонтом. Он вернул комнате первоначальный блеск, может и с излишком: ассирийские колесницы на потолке не только покрасил, но и позолотил. Привез великолепную мебель. Письменный стол у него был великолепнее, чем у прадеда на фото — с заборчиками. Ширмы какие-то великолепные. Ширма тогда была почти обязательна: комната может и шикарная,

но одна, дети разного возраста, супружеское ложе... Мы к ним редко заходили, нам принадлежал коридор между нашими комнатами, но меня потряс планшет с натянутой бумагой, чуть не в рост, на котором Алексей Петрович строил графический орнамент из всего, что полагалось: львиных морд, листьев аканта, сложных загогуль.

На картинке, перед туалетом (после двери в нашу комнату и сундука), стоит большой «Боковский» шкаф. В нем скрывалась целая библиотека, книги по искусству, по архитектуре, дореволюционные художественные издания. А.П. давал их посмотреть и почитать. Вообще семья была спокойная, достойная. Кажется, из простых. Наталья Ивановна, небольшая, плотненькая, черноволосая, была явно в юности недурна, и деревенского происхождения не скрывала. Как-то раз, по случаю наступающей Пасхи, рассказала, как свекровь учила ее месить куличи, употребляя такие довольно яркие выражения.

Когда начали у нас справлять Пасху? Печь куличи переставали, наверно, только в то время, когда муки не было. В послевоенные Тучные Годы, когда отменили карточки, муку выпускали в продажу к Пасхе весной и ко Дню Октябрьской Революции, к 7 ноября, 2кг в одни руки. Как положено, очередь, номера чернильным карандашом, детям наказывали присоединиться немного погодя, отпускали побегать, но недалеко, чтобы не пропустить. Бабушка Ирина Генриховна, даром что француженка, пекла куличи изумительные. Так потом в семье этого все и придерживались: легкое, почти не сдобное, не очень сладкое тесто. Посыпали сахарной пудрой. Пасху творожную не помню — наверно не делали. Зато красили яйца, вернее разрисовывали. Все знакомые и родственники знали, что «девочки Майковы очень интересно разрисовывают яйца», некоторые, говорят, хранили подолгу. Я рисовала то же, что в альбомах — силуэты скачущих коней и оленей, тушью, пером. За яйцами тоже надо было стоять. В «Бабьем магазине», почему-то так назывался магазин на углу Волхонки.

И.Д. Как-то у нас была баба Валя и мы собрались на крестный ход к Обыденной. Мария Николаевна и Наталья Ивановна Бокова присоединились. Весна, ночная прогулка, толпа - запомнилось. И свечки в окошках близлежащих домов. Кажется, потом вместе чай с куличами пили. Это я первый раз была на крестном ходе.

Позже ходили почти каждый год, но в Новодевичий. Не по-настоящему, так, постоять во дворе, послушать. Туда шли, обратно ехали на троллейбусе.

У соседей наших Боковых случились крупные неприятности. Алексея Петровича арестовали. Их бригада занималась оформлением то ли станций метро, то ли вокзала — что-то у них там недосчитались. Они все были травмированы, напуганы. Нат. Ив. что-то принесла маме — прибрать от греха. Обыск у них был, но какой-то очень деликатный: соседи и не заметили. Кажется, Наталья Ивановна, когда ее спросили про дорогую обстановку, ковры и т. д., сказала: это мое приданое. Сработало. Наверно, дело спустили на тормозах, через три года А.П. вернулся, пока его не было, Наталья Ивановна работала надомницей, шила рубашки. Юлия училась, Виталик раз подрался, а так — никто косо не посмотрел. Как писал Солженицын, художнику в лагере хорошо, он начальству картины пишет. Алексей Петрович и себе написал: привез с собой «Портрет Неизвестной», т.наз. «Незнакомку».

И.Д. После выезда Марковны скандалов в квартире больше не было. Натку, кажется, участковый припугнул. А бывало и доброе. Во время войны самых обездоленных, вроде тети Маши и детей тети Лели, которые по-настоящему голодали, немного подкармливали. Помню случай, из-за которого и сейчас больно. Нашей семье Бог послал бутылку водки - военкомат что ли? Мама с бабушкой задумались - на толкучке меняли на масло. Тетя Леля вызвалась сходить. Вернулась, рыдает. Там сволочь какая-то говорит — давай! - а сам сунул за пазуху и пошел. Бедная за ним, а он - иди отсюда, а то щас в милицию! Мама с бабушкой ее утешали и от негодования даже не слишком огорчились потере.

Другую сестру деда, Елену, не сразу придумали, куда записать: в родственников на лестнице, как тетю Машу, или в родственниц-соседок? В нашем коридоре она после войны жила очень недолго, ее отселили на 6 этаж, в квартиру с башней, но не в самую башню — не знаю, я там не была, говорят, очень интересная башня. Но она к нам заходила часто, пусть будет здесь.

Тётка Елена, m-me Элен, была дама. Ничего у нее не осталось от прежней роскоши, ни цепочки ни колечка, но тон...

Между прочим сама рассказывала: в блаженные времена НЭПа, молодая, красивая, в котиковом манто, едет в трамвае от стоматолога. Очень следила за собой, передний зуб, коронка... Сидит на скамейке у кабины вожатого, лицом к прочей публике, и замечает, что все на нее смотрят. Ну что же, она интересная дама, хорошо одета, наверно в шляпке с вуалью, но только смотрят как-то пристально... В чем дело? Дома первым делом к зеркалу, а у нее из носу такая основательная сопля. После заморозки не почувствовала.

В послевоенные годы дама оставалась дамой.

Стирали с содой и хозяйственным мылом, мыли посуду в тазу, таскали сумки с черной картошкой, ее

же потом чистили — еще вреднее для рук, но делали маникюр, шестимесячную, завивались на кухне щипцами, красили губы и пудрились, выходя на улицу. В перчатках и в шляпке, даже с вуалью, в крайнем случае в берете. «Мадам Элен» работала маникюршей в парикмахерской, маме и бабушке делала маникюр по-родственному, на дому. А зато мама выжимала ей по капельке краплака или кадмия в крошечные флакончики из-под настоящего заграничного лака. Их она потом припрятывала для избранных клиенток - «только вам».

Помню еще смешное. В конце войны нам выдали американскую посылку (семье офицера). Была традиционная банка ветчины, крупа, что там еще положено, печенье какое-то — и сыр. То ли сыр был слишком деликатесный, то ли посылка где-то пролежала лишнее... словом, есть у Джерома К.Дж. такой несмешной рассказ про самый дорогой сыр. Подумали мама с бабушкой... и отнесли Горюновым, вместе с пакетиком крупы.

Тётя Лёля потом встречает бабушку в коридоре, смеется. - Вернулась с работы, вхожу — и думаю: что это мои молодые так нафунили?

Сыр отечественный долго был деликатесом чуть не наравне с икрой, она кстати была не запредельно дорогая, особенно красная, экспорта ведь не было. В любом гастрономе стояли три больших овальных посуды: красная, черная и паюсная. Крабы в баночках были всем доступны, три раза в год по баночке в оливье. Сыр тоже покупали по большим праздникам и резали прозрачными ломтиками, пока в магазинах не стали нарезать. Один знакомый показывал: тыльной стороной ножа для масла, не резать, а соскабливать тоненький лепесток. На столе лежало ровно по одному — один лишний, чтоб не подумали, что у нас в обрез.

Праздновали 7 ноября, Новый год, Пасху и 1 мая. На майские праздники пекли сдобный хлеб с изюмом. И жаворонки, конечно. Коронные номера и фирменная марка нашей семьи были жареные пирожки с мясом — обычно, иногда с капустой, картошкой или грибами. Тоже из легкого, почти пустого теста. Ставили на стол целую гору, встречали восторженным воплем. Тоже конечно попозже. Еще к праздникам пекли безз и песочные «маседуаны», конвертики с вареньем, взаимодополняющие: безз на чистых белках, песочное тесто на одних желтках. Наши общие тогдашние две духовки, плита была сдвоенная, пекли великолепно.

Считалось, что безэ - самое простое, что можно быстро сварганить. А теперь не получается. Газ не тот? Яйца не те? Вот вроде прогресс, а пустяка сделать не могут. Да, еще был хворост, это вообще просто. Теперь это как-то отошло, варить в черном пережаренном нерафинированном масле не очень принято.

Так вот, от кулича к куличу, от свекрови к невестке, скрепу и соблюли...

Ирина Генриховна, «баба Ляля», ходила иногда в костел с кем-нибудь из подруг, а «баба Валя» - в церковь в Арбатском переулке, она тоже не закрывалась, как и Обыденская. Один раз взяла меня с собой — я запомнила только толпу людей, тяжело одетых по-зимнему, но наверно все-таки дело было к Пасхе, потому что домой я вернулась с большим цветком из гофрированной бумаги на длинной ветке. После появился какой-то прямо азарт: посмотреть на Крестный ход — и к друзьям, или домой с друзьями, есть куличи. Начало было так далеко, так робок первый интерес!

Словом, в нашем конце коридора установились самые приятные отношения. Юлия Бокова время от времени приносила посмотреть ленты - «Серенаду Солнечной долины», Чарли Чаплина. Даже играла иногда с нами — один раз в шараде так изобразила пьяного дворника, что другие долго не могли продолжать (насмотрелась настоящих актеров!). Наталья Ивановна, когда муж вернулся живой и здоровый, бросила крутить машинку и устроилась в тихий уголок — в Музей им. Пушкина, кассиршей. Мария Николаевна уже там работала. И наш Пушкинский, который уже был вторым домом, стал еще гостеприимней. И стал не второй, а первой школой.

Про куличи мы вспоминали еще раньше, еще на лестнице, когда ходили в 13 квартиру за ступкой для сахарной пудрой, смотрели Брэма и навещали тетю Машу с Лилей.

Посетители. ДРУЗЬЯ

В войну заезжали друзья отца, заезжали как-то и позже, проездом, но не запомнились. Один однокурсник по училищу «5 года» воевал и вернулся — Сергей Викторов, Серёжка, он и написал Маяковского в тот короткий период, когда мы уже перебрались в свою комнату, а тетя Лёля еще не обменялась с Боковыми. Он был похож на долговязого подростка с маленьким лицом и встрепанной шевелюрой. Тоже рядовой. Иногда ставили в пример: вот Викторов ушел на фронт с тяжелой язвой желудка, и всю войну прошел, и ничего (чуть ли не вернулся здоровым). Умер он в 60-х.

Пожалуй, из всей компании он был самый способный художник. В МОССХ они все вступили, но он один жил живописью. Получал заказы на большое сюжетное полотно. Скажем, «Студенты выпускают стенгазету» - висит в МГУ, я там где-то сбоку, и на другой картине иду с толпой счастливой молодежи по Тверской. На Тверской у него была мастерская где-то под самым небом, пополам с художником Федей Глебовым, мы все ему позировали, особенно дед изобразил немало исторических персонажей..

Однажды я поработала Чапаевым: нужен был этюд бурки на сидящем человеке. В огромной неподъемной бурке усадил меня на табурет и велел обернуться и сказать что-нб через плечо. Я сказала: «коммунисты продали Россию...». Он сказал, что лихих рубак надо писать с женщин: они маленькие и пластичные. Этой картины никто потом не видел, их заказывали специально для учреждений, библиотек, провинциальных музеев.

Фоля Закин зарабатывал на жизнь перепиской с художниками-любителями. Через МОССХ — затея, чтобы инвалиды войны могли приобрести другую профессию, на самом деле маленькая кормушечка. Инвалидам это очень нравилось, они ставили по указанию мэтра

натюрморты, писали, тоже и портреты жен и детей писали, присылали в Москву, получали советы, как им себя совершенствовать. Ведь это в большинстве были «лишние люди»... Позже Рафаил Матвеевич обобщил свой опыт, защитил диссертацию.

А сам Фоля еще несколько лет бывал у нас в доме, приносил гвоздики шабо и шоколадные наборы с оленем. Кажется, ухаживал за мамой, водил ее в кино...

Мама часто болела, легкие, последствия частых воспалений в детстве, позже это обернулось туберкулезом. Она часто температурила, быстро уставала — работала, как почти все женщины, сверх сил, боялась жаловаться, еще подумают: притворство... Когда могла, ложилась пораньше. Фоля со своим приглашением иногда заставлял ее уже в постели, но она немедленно вскакивала, одевалась и шла с ним в Художественный. На какую-нб «Сестру его дворецкого», «Маленькую маму», «Петера».

Бабушка Валентина Витальевна, «баба Валя», поддразнивала её:

Какая хрупкая натура!

У ней всегда температура.

Когда ж в кино надежда есть -

Тогда, конечно, 36.

Если мама не могла встать даже ради кино, Фоля приглашал Ирину Генриховну.

Кроме заказов, Союз художников мог купить у художника одну картину в год. Их куда-то складывали, в какие-то подвалы. Еще член Союза имел право на посмертную выставку. Там МОССХ тоже мог купить какие-то картины, «творческие», если были такие, на радость семье. На выставке Викторова видно стало, что художник он был замечательный. Несколько натюрмортов, которые писал для отдыха и развлечения, и потрясающий автопортрет — он тогда уже почти ослеп.

Когда мы были маленькие (и даже не очень), мамины друзья заходили к нам 1 января и возились с нами, мы-то думали, они специально пришли, чтобы сделать нам «ласточку», покружиться, держа нас на руках, а мы выгибали спину и растопыривали руки — летали... прыгали в ожидании: а теперь меня, меня! Больше всего мы любили, когда ласточку делал Глебуша, Глеб Миронов, тоже друг юности, однокурсник.

Елка у нас была, кажется, еще в 44. Большая, пышная, свежая. С этим проблем не было: дед ехал на вокзал и покупал. Игрушки нескольких временных слоев целый год хранились на полатах, торжественно возникали из забвенья, каждый раз заново вызывая изумление. Разумеется, крошечные подсвечники на прищепке. Заранее клеили цепи, флажки, вырезали «авоськи» для яблок и мандаринов.

Ну вот. Мандарины, Новый год, снег, Арбат. Так оно у меня и случилось, хрестоматийно: мама взяла меня с собой, и мы прошли мимо всех примет роскошной жизни подряд: парикмахерская с туманным рисунком, ажурным матовым профилем, магазин «Консервы» с мандаринами и крымскими яблочками, нарядное платье в витрине ателье, витрины книжного магазина, магазин игрушек, веселые оживленные прохожие - «волхвы» Бродского... и маленький пакет в результате...

Мандарины были и раньше, тоже зимой. В комнату (тогда еще Горюновых) вошла бабушка Валентина Витальевна, баба Валя, и принесла сумку с мандаринами. На бабушке была оленья шапка с длинными ушами, и мама сказала: бабушка ведь у нас северянка. Я и поняла буквально: бабушка приехала прямо с дальнего Севера, наверно она там всегда жила. Про оленей и нарты, кажется, все-таки не подумала. А может и подумала...

Посетители. РОДНЫЕ.

К каждому празднику Валентина Витальевна готовилась у себя в Лосинке серьезно: сочиняла такие вот маленькие эпиграммы, иногда довольно едкие (всегда меткие), их зачитывали торжественно за столом; сюжеты шарад; готовила бумажки для «чепухи». В заключение писали «Письмо в ТАСС», приглашая кого-то из детей к участию. Бабушка и хороводы заводила, игры, все что положено, и в «Яшу», и в Каравай.

Это была ее профессия, бабушка училась на детского психоневролога в Петербурге и потом работала и в Медном, и в Лосинке с несчастными детьми, которых называли «психи». Возможно, когда она выходила замуж за студента Сельскохозяйственной Академии Алексея Павловича Герна, надеялась, что работать ей не придется; и в Твери, где они жили до примерно 35 года, были известной культурной семьей, у бабушки был салон, к ней приезжали поэты, и трое красивых детей, так и было. Почему они расстались с дедом, резко порвали и разъехались, мы не знаем, и это не важно; случилось, что поделать. Дед уехал сначала на знаменитую селекционную станцию под Ленинградом, а бабушка с детьми нашла работу по специальности в Лосинке и жилье — половина террасы на втором этаже. Как можно было там существовать годами, никакое пятое измерение не объяснит, а мы там еще и Новый год справляли, приезжали с родителями отца и самыми близкими друзьями! Елку пристраивали на комод, свечи зажигали! Настоящие свечи, это было обязательно, никто другого и не понимал. И чай пили — печенье мы привозили с собой.

Главным затейником был Фоля. Он приносил какие-то совершенно нелепые песенки, про то как «эскимосы бегали за моржой», и «по улице три курицы», декламировал «Парнас дыбом» и виртуозно рассказывал еврейские анекдоты... все это я много раз где-то уже написала!

Мамины брат и сестра, Юра и Таня, военнообязанные, сначала отсутствовали, вообще в Москве отсутствовали по понятной причине, позже бывали.

Из военнослужащих бывала у нас мамина сестра Татьяна. Во время войны она училась в Институте военных переводчиков, рыла окопы под Москвой, переводила допрос пленных итальянцев в какой-то землянке, позже ездила в командировку в Румынию, потом какое-то время, чтобы не ездить по ночам после занятий в Лосинку, жила у нас. Красивая и кокетливая. Как-то раз в компании, собравшейся после долгой разлуки, стали хвастаться, у

кого чин выше. Рядовые помалкивали; а кто-то младший лейтенант; а кто-то лейтенант! - Тогда уж я, - говорит Таня, - я старший лейтенант...

Татьяна Герт – вторая слева. Очень уверенная особа. Год, наверно, 44.

Тетка умерла год назад в 97 лет. И она, и ее муж оставили записки. Наш кузен ими сейчас занимается. Вряд ли они что серьезное раскрыли из своей деятельности.

Итак, посетители, родные, близкие родственники, отдаленные родственники, друзья старшего поколения, друзья среднего поколения, потом и младшего — наши, поднимались по мраморным ступеням на площадку и стучали в дверь квартиры № 12 медным кольцом, пять раз. Все жильцы квартиры слушали и считали громкие удары: пять раз — опять к Майковым. У нас, в дальней комнате, кто-то вскакивал и спешил открывать, любопытствуя: кто это?

Очень часто тогда в гости не «ходили», а забегали. Сговориться можно было разве что во время предыдущей встречи; телефонов практически не было. Дом стоит на перепутье между Музеем и библиотекой, от Арбата и Арбатской площади два шага, Красная площадь вот она, от Университета, Александровского сада, от Мюра и Мерилиза чуть подальше (тут же и главные театры), а друзья и сами живут на Арбате, на Кропоткинской, на Метростроевской... вот Лидочка Андреева, та далеко жила, в Замоскворечье.

Итак, мы услышали пять ударов, и кто-то идет открывать. Неожиданность, радость. Прогулка по коридору, оживленный разговор на ходу, встреча с какой-нибудь соседкой: здравствуйте, здравствуйте... И вот мы у двери (можно посмотреть рисунок в начале). Высокая двустворчатая дверь, открыта одна половина, на другой вешалка для пальто, под ней сундук и какой-то коврик. Другая половина уже открыта, интересно же, кто пришел.

Сейчас коридор выглядит так, но скоро все будет, как раньше. Почти как при царе. Может быть, нас пригласят еще раз.

А пока, там, в прошлом - милости просим! Кто-то уже спешит ставить чайник.

НАША КОМНАТА

*О милых спутниках, которые сей свет
Своим присутствием для нас животворили...*

В. Жуковский

Задача для школьного сочинения: вот КОМНАТА. Опишите ее. Или: расскажите, что нарисовано на картинке. Таня нарисовала картинки по общим воспоминаниям, можно вспомнить, кто где сидел (может даже кто-то знаменитый) и где спал (иногда на полу), когда переклеили обои. Но история стен наполняется историями тех, кто в них обитал, и тех, кто их посещал. Не так много времени мы здесь прожили, но время было значительное, а мы, сестры, были маленькие и стали большие. Жизнь делилась между домом и школой. А был еще Музей...

МУЗЕЙ будет отдельно. Мы выросли под сенью Музея. Если подумать, Музей сформировал нас, наш образ мира — мы входили в вестибюль, не думая даже про Древний Египет, в Итальянский Дворик, ничего еще не зная о Флоренции. Жили в мировой культуре, и этот мир был един и вечен, а мы думали, что просто ходим смотреть любимые картинки. Вот так и выросли.

В нашей КОМНАТЕ постоянно бывали разные люди, и дети, и взрослые, и старые. Гостей можно разделить на:

Родственников;

Старинных друзей;

Друзей мамы и отца;

Друзей, которых привели мы.

Внутри этих категорий существуют Великие люди.

Отдельно, то-есть вовсе не отдельно, была ШКОЛА.

СТУДИЯ — в известном смысле вторая Школа.

КНИГИ — третья школа.

Конечно, мы будем рассказывать про предметы: мебель, игрушки, мало ли что попадется.

И мало ли что в голову придет!

НАША КОМНАТА.

Трудно отвечать молодым, как можно было жить шестерым в такой комнате? Ну, во-первых, комната была роскошная в сравнении с другими: сколько пространства над головой, и сколько Москвы, сколько неба в окне! В двух больших окнах! И все большое: коридор, ванная кухня — два туалета! - лестничная площадка, лестница! Клаустрофобии неоткуда взяться. Здесь на картинке правая половина комнаты, в ней жили дед и бабушка. И только половина половины!

Пустые комнаты всегда кажутся меньше. Обстановка менялась, мебель переставляли. Мебель была случайная, из каких-то разных времен и помещений, например дачный венский диван. Пока не выросли, мы лазили на нем или в нем, сквозь кольцо на спинке. Буфет слева — у многих стояли такие казенного вида буфетики, в четыре кажется полки. Такого, как сейчас, количества посуды тогда конечно не было. Было по тарелке и чашке с блюдцем, а теперь чашка для утреннего кофе, чашка для дневного кофе, чайная чашка и множество дареных кружек, фарфоровых и стеклянных. Конечно, сколько-то запасных было, гостевых. Запасов крупы-муки-сахару не было, кто бы дал запастись! Очередь и килограмм в одни руки! Нас конечно брали в очередь за мукой, два раза в год.

Туалетный столик бабушки справа в углу почему-то получился очень маленький, трудно по памяти сохранить пропорции. Это был как раз «остаток прежней роскоши», весь сплошь резной, фигурный, ни одной прямой линии, какого-то темного дерева. Наверно, от гарнитура, подаренного молодым деду и бабушке на обзаведение. Как-то назывался этот богатый тяжеловесный стиль, «третьей империи», как-то вроде. Не ампир, гораздо пышней. Парное к нему кресло стояло у этой же стены, в другом углу.

Слева, за буфетом, занавеска отделяет другую половину комнаты - с большим окном. Между окном и буфетом очень странная тумбочка; по замыслу наверно прикроватная. Она металлическая с толстой мраморной доской. На ней вольно разросшаяся монстера, на самом деле был еще и огромный, с большими глянцевыми листьями, фикус, но его рисовать не стали. Перед окном на высоком табурете тоже очень обычный папирус в миске с водой. Не пытались передать конструкцию окна: массивные двойные рамы, пространство между ними — оно вмещало большую банку, зимой заменяло холодильник, летом там ставили на солнце настойки. Форточки, тоже двойные, с полу недостижимые, надо было лезть на подоконник. Тогда был виден весь купол нынешнего *Мусейона*, бывшего дворца, в то время детского дома. Должно быть, этот купол замечательной архитектуры, поэтому такой красивый, спокойный, можно было смотреть сколько угодно. По нему ходили вороны, один раз я видела на нем рабочих. Двое мужчин и женщина сидели, разговаривали, никуда не спешили — наверно, им было хорошо...

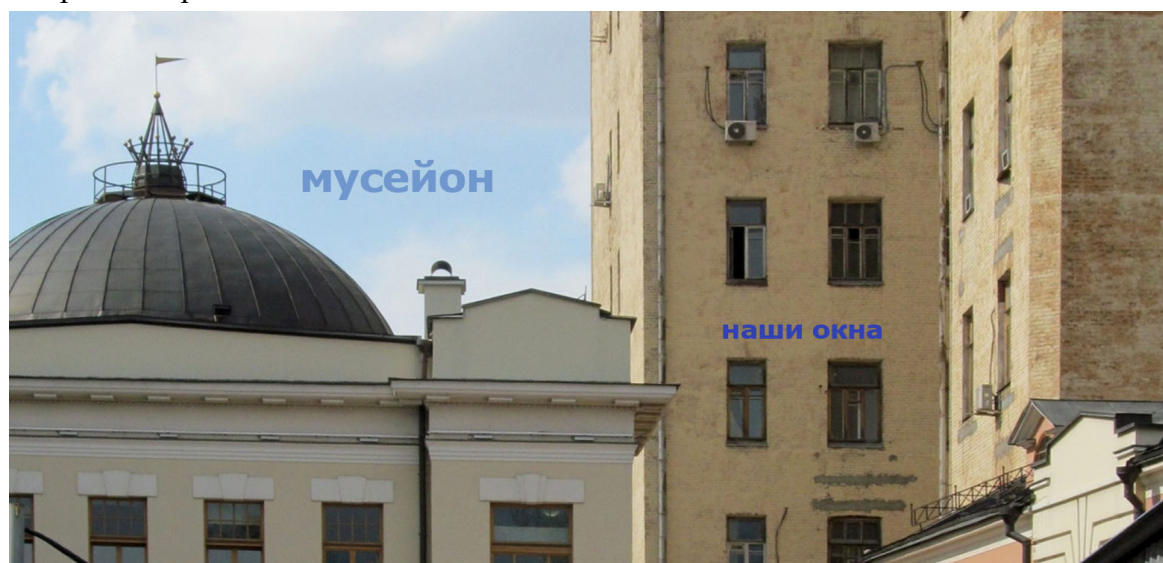
А наши подруги жили в полуподвалах, в углах за занавесками. Интересно, ведь это исследование наверняка сделано, как и кем заселялась послевоенная, растущая Москва? Как и кому удавалось получить московскую прописку? Кто заполнял подвалы, полуподвалы? Как делили площадь в пресловутых «сталинках»?

Когда наконец, при Хрущёве, стали строить пятиэтажки и понемногу расселять коммуналки, кто-то сказал горестно: они не нас жалеют, они себе центр освобождают.

Таня как-то раз вместе с классом навещала девочку в церкви на углу, в Антиповской, где потом были мастерские Грабаря. Было принято в порядке воспитания советского человека. Там тогда жили какие-то несчастные семьи. Было хуже барака: клетушки лепились как попало, отгороженные чем попало, теснота, темнота, убожество страшное. Вода из колонки на дворе (колонки во дворах продержались кое-где до 60-х), там же сарай, помойки, лужи. Все это между Музеем и шикарными домами, № 7 и № 8.

Однажды из-под купола повалил дым, было даже пламя, шум, гром, пожарные — потом говорили, что загорелись опилки на чердаке, и пожарные, когда тушили, нашли клад — серебряный самовар, столовое серебро... Дворник детдома напился с горя.

В детдоме Таня бывала часто, дружила с девочками, там было прилично, чисто. В большом зале рядами стояли кровати, и с гигиеной было лучше, чем в некоторых семьях. Детей брили наголо, девочкам оставляли челочку, никого это не смущало ни в школе, ни на улице. Увы, эксперимент с обучением сирот в обычной школе пришлось скоро свернуть, не тянули программы бедные дети. А воспитатели так радовались, когда сверстницы их навещали, уговаривали приходить почаще.

ШКОЛА. Подруги.

В детский сад нас не водили, наши друзья и подруги остались в деревне.

Школьные подруги бывали у нас, мы у них, нам было интересно, но... было и прошло. Кстати, я вспомнила, мы тоже ходили навещать подругу! Класе в 3-4. Девочка много пропустила, болела, школа проявила должное внимание. Было это весной, нас привели во двор, типичный тогдашний двор, где-то близко, они везде были одинаковые, что в центре, что на окраине, и люди там жили такие же, окраинные. Предполагалось, что мы пришли «помогать». Растерявшаяся мама раздала нам наскоро поручения, мне со Светкой Васильевой — прогулять ребенка. Светка была тоже из дворовых, приспособленная.

Мы прошились немного с бутузом, вернули, а тут из соседней двери парень выглядывает: девчонки, отнесите письмо, скажу кому, я вас шоколадом закроплю! Объясняет, показывает: сперва туда, потом сюда, во двор, за угол, крыльцо, окно, Нине (или Зине, или Клавье...)

Я положила на Светку, она в какой-то двор и дом меня привела. Нину/Клаву мы не нашли. Собрались какие-то люди, письмо мы кому-то отдали, за шоколадом не вернулись.

Замечательная была девчонка, смешная, веселая, бойкая, белобрысая. В самодеятельности изображала смешные сценки с песенками. Ее позже очень любила наша литературша — за огонь жизни, как у положительных советских героинь. У Любви Шевцовой.

Раз уж вспомнилась школа, теперь от нее никуда не денешься. И то: чем мы были заняты десять лет сознательной жизни в этой комнате? Ходили в школу и делали дома уроки. Школа была та самая, на которую мы смотрели из окна в комнате напротив. Знаменитая 57.

Ходили то в первую смену, то во вторую, возвращались в темноте. Сидели дома и читали книжки. Часть старых книжек перевезли в новый дом и в новую жизнь.

И.Д. В церковных катакомбах и я побывала, когда раз отключили воду и все бегали на ту самую колонку. Я была потрясена. Мы как раз проходили «Дети подземелья». Это оказалось еще страшнее - как так!!! в Советском Союзе...

Детдомовские, обритые наголо были и в моем 1Е. Кажется, 3-4 девочки. Когда и куда они исчезли - не помню. Но скоро. А в детдом мы не ходили. Часть детей не возвращалась в школу после 4 класса, уходили в ремесленные, мальчики особенно. После седьмого число классов сокращалось, оставались А-В, Г, Д, Е исчезали. С 8-го обучение становилось

платное, не очень дорогое, но для семьи с тремя детьми очень существенное. Офицерские сироты освобождались, солдатские — нет... татарских девочек из подвала уже было не видно. Шли в техникум, но редко, обычно в РУ, ремесленное училище. Моя алма-атинская коллега, старше меня, рассказывала - ее как военную сироту удалось устроить в РУ с интернатом. Как они гордились, проходя строем в шинелях с форменными пуговицами, в крепкой обуви мимо своих оборванных ровесников.

В отличие от сестер Тани и Наташи, до поры до времени я не испытывала тотального отворачивания к школе. Класс наш был 1Е. Раньше больше чем «Д» не встречалось. Позже, кажется, тоже. Не удивительно, 39 год был рекордным за все время Союза по количеству новорожденных.

В первый день меня сразу посадили на первую парту в среднем ряду с Милкой Серегиной, потому что мы были самые маленькие.

Оказалось очень удачно, мы стали главными друг для друга на много лет, даже когда после 7-го наш класс перевели в другую школу, а меня оставили в этой, в смешанном классе. Эксперимент совместного обучения.

После разлуки мы все равно были очень нужны друг другу вплоть до ее замужества и переезда в какой-то новый район. Но у нас никогда не было общей компании.

Сергея жила в Лебяжьем переулке (дом 1) в хорошем старинном особнячке, превращенном в такие же коммуналки, как наш. Она жила с родителями матери, бывшей в то время где-то замужем. У них была комната над аркой, перегороденная временкой, но в нашем распоряжении часто была пустая половина, чем мы с наслаждением пользовались. Помню, в этой коммуналке в одной из комнат молодая семья еще держала деревенскую няньку - лет 15 наверное. Тоже примета времени. Мы с ней тоже немного дружили.

Дружба наша держалась на готовности все время выдумывать истории с приключениями - нынешние «ролевые игры». На уроке можно было устроить кукольный театр, нарисовать персонажа на полоске бумаги и просунуть его в щель откидной крышки парты.

Как ни странно, меня любили учителя и даже говорили об этом маме.

Была у нас завуч младших классов Зинаида Николаевна по прозвищу Селедка, историческая достопримечательность. Не любили и боялись. Как-то еще в первом я неслась по коридору, она меня остановила, отчитала, а потом, я услышала, сказала кому-то — «шуркина дочка».

В 1947 году было принято первоклашкам обожать своих учительниц, что хорошо показано в вышедшем в том году фильме «Первоклассница». Вот и мы любили и вешались на них на переменах. Первая была молодая красивая из нашего дома из 2ой квартиры в цокольном этаже, там в свое время управляющий жил. Как звали не помню, что-то вроде Олимпиада.

В тот же год в нашу школу поступила дочка Васьки Сталина. Они жили на Гоголевском бульваре. Помню, что длинная белая коса — показывали: вот она. По этому случаю шефами школы стали ВВС, приезжали, и в актовом зале знамя стояло. Говорили, что из-за нее сменили директора. Была полная и приветливая, пришла суровая, с выправкой унтер-офицера, Татьяна Никитишна. Она была и до конца. Вскоре внучка вождя исчезла.

Васька жил в чудесном особняке за высоким забором, знали все, кто гулял по Гоголевскому. Однажды после войны дядюшка наш Юра, красавец, бывший моряк, прогуливается и встречает на бульваре школьную приятельницу — тоже красавицу замечательную. Слово за слово, девушка приглашает в гости. - А ты где живешь? - Вот здесь, - и показывает на особняк. Юра бочком, бочком... - хорошо, хорошо, как-нибудь...

А еще в нашем классе была очень хорошенькая девочка Таня Иванова, у нее тетка жила в Кремле, иногда за ней приезжала машина.

Тоже не помню, когда растворилась в пространстве.

Со второго класса у нас стала Ольга Степановна, тоже любимая. До одного случая. Наверное, третий, а может быть и четвертый. Вдруг на уроке О.С. стала проводить опрос о национальности каждого. То есть все по списку вставали и радостно объявляли - русская!!!! А рядом плакали татарки, дворниковы дочери, плакала Людка Жолквер (ее младший брат Сашка потом был в 80х годах известным журналистом, следила за знакомым именем в Алма-ате по телеку), плакала француженка Люда Портафе - только имя осталось и что беленькая, откуда появилась и куда делась — не помню. Но каждую поднимали и заставляли произнести. То есть каждая, что не могла с гордостью выкликнуть заветное «русская», чувствовала себя опозоренной. Только Майя Миценмахер, отличница, лидер, встала и с улыбкой громко сказала — еврейская!!!

Это и было концом моей любви к школе и учителям. Мы даже с Серегой не говорили о происшедшем, но что произошло что-то не должное, остро чувствовали. Не даром я эту сцену и сейчас помню, как кадры из фильма.

Через год было дело врачей. Миценмахеры мать и отец были как раз врачами, кажется, довольно высокого ранга. Они жили как все в коммуналке в том дворе, где теперь музей Рериха, с характерными приметами достатка в интерьере - довоенной (дореволюционной) мебелью, пианино, статуэтками. В эти дни на Майку было невозможно смотреть. Ходила вся черная, не поднимала головы. Это шестой класс. Пришло 5 марта, дело сразу было закрыто. Когда практикантки из пед. института на английском ставили Золушку - каждый класс по одной сценке - я была Золушкой, а Майка феей. Она была самая крупная в классе. Потом она, как и моя Серега, училась в другой школе, получила, разумеется, золотую медаль и поступила в медицинский.

И Таня, и я школу не любили, терпели, с тоской ожидали лета. Школа вспоминается холодом, темнотой, насморком и кашлем, скукой уроков, беспокойством за невыученное... Серега очень скоро стала нашей общей с сестрами подругой, игры стали общими, происходили иногда в конце коридора, сразу за входной дверью, на фоне корзин и сундуков. Сюжеты игр обогащались за счет прочитанных книг.

КНИГИ

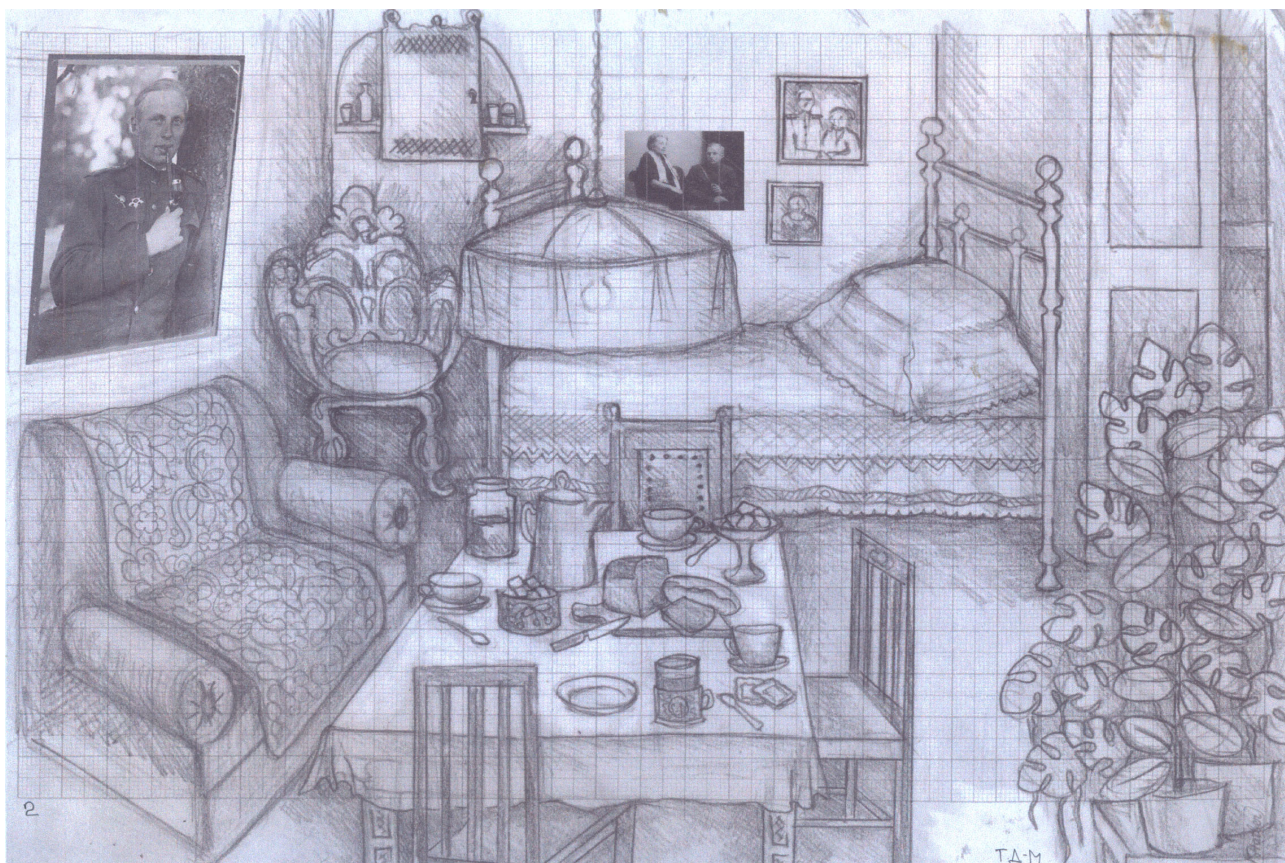
Взрослые читали, что могли достать, что читали все, что появлялось в библиотеке. Книг практически не покупали, интересных не продавали. Надо было дружить с библиотекаршей. Мы сначала читали, что было в доме. Русские былины в школьном издании, с ятем. Там была забавная картинка: былинный плеейбой Дюк Степанович въезжает в Киев, как какой-нибудь махараджа, «перед ним несут подсолнечник» - в смысле солнечный зонт, а на картинке так подсолнух и несут. Нам больше всех нравился Алёша Попович, баба Валя писала Ире от него письма, в былинном стиле. «Руслана и Людмилу» мама прочла, как только мы вернулись в Москву, мы в них играли в меру своего разума - Ире едва исполнилось пять. По старой орфографии читали, не замечая. Чарскую — у нас была ее книга «вечера княжны Джавахи», старая няня рассказывает девочке грузинские сказки. Антология мировых сюжетов! О прекрасной сестре семи братьев-великанов, о прикованном Прометее, которого раз в сто лет можно увидеть и освободить, если дотянуть конец цепи до его руки. Но случайный путник не смог, и все скрылось из глаз в тумане.

Чарская попалась потом еще раз. Однокласснице принесли почитать на неделю, мне она дала на один день роман «Паж цесаревны», огромный распухший том с картинками, про мрачную Анну Иоанновну, сурового Бирона и его горбатую дочь. Мальчик, главный герой книги, служит цесаревне Елизавете. Я прочла за вечер и ночь! Мне не мешали, не требовали погасить свет и лечь спать. Как потом самиздат...

Первая моя книга была «Чингисхан», в первом классе, я только научилась читать, вторая, «Белеет парус одинокий». Наверно, была весна, тепло, но мы еще не уехали. Помню, что я лежала на пузе на венском диване у открытого окна, оттуда веяло свежестью... Такой мебели ни у кого не было, никогда больше не видела. Как вытянутый стул с гнутой спинкой и подлокотниками. В своем шкафу стояли «Принц и нищий», «Всадник без головы». Были «Сын полка», «Настоящий человек», конечно Гайдар, много Гайдара. Позже в школе начались увлечения, о книгах рассказывали, передавали. И читали на уроках. Парты были устроены очень удобно, можно было прижать книгу изнутри и читать в щель по строчке. Меня так засекли с «Собором Парижской Богоматери», и кто? Любимая ботаничка! И любовь была взаимной! Но она сурово отняла книгу и после уроков не отдала, а книга была не своя! Пришлось маме идти в школу.

Мама в школе была свой человек, сразу, как мы пошли учиться, вступила в родительский комитет, занималась там серьезными делами — помощью бедным ученицам, сиротам, с классной руководительницей (той самой ботаничкой) почти дружила. Наверно, поговорили, что хорошо, когда дети много читают, но, конечно...

...За общим столом, под оранжевым самодельным абажуром, мы писали сначала палочки, потом буквы, потом примеры решали, мама с бабушкой шили, штопали, вязали, на столе стояли рукодельные шкатулки — одна у нас до сих пор. Может и не одна. Кажется, в прошлые времена полагалось еще кому-то читать вслух журнал «Нива». У нас такое не было заведено, хотя комплект «Нивы» в шкафу хранился - за 12 год, юбилей Бородина. Журнал должен был читать главный мужчина в семье, у нас единственный — дед Сергей Александрович Доброхотов-Майков. Но он уставал на работе, а читали мы сами.

В углу стоит кресло, парное к туалетному столику. Настоящий трон! Орла в спинке вроде не было, но композиция похожая. Какое-то время в нем еще можно было сидеть, но потом одна ножка подломилась бесповоротно. Тогда его отдали Сергею Викторову для его исторических картин. Еще что-то отдавали, блюдо, медный кувшин «в натюрмортный фонд». Он же написал по фотографии портрет отца, не очень удачный, кажется.

Над креслом висит деревянный кустарный шкафчик, похожие или такого типа были у многих — домашняя аптечка. Пресловутая «кровать с шарами» накрыта вязаным ажурным покрывалом из кроше или даже из катушки, бабушкина работа, и накидка и подзор тоже. На стене фото бабушки с отцом, справа фанерный гардероб.

Роскошный абажур, как в лучших домах — большой, над общим столом, где собиралась вся семья, у нас появился году в 46. Очень стильный. Оранжевый, с черным абстрактным орнаментом по краю. Сделан он был из марли, купленной «с рук», и выкрашен смесью таблеток акрихина (пронзительно-желтый) и красного стрептоцида (темно-красный). Таблетки, может быть, покупали в аптеке. Каркас для абажура был свой, старый.

Много лет спустя хороший журналист, детский писатель, наш друг Юра Крутогоров написал роман о детстве и юности – «Бабушка». В войну он был уже почти подростком и вместе с бабушкой, самым близким человеком, участвовал в схеме реализации марли...

И бабушка, и мальчик знали, что дело это подрасстрельное.

Вряд ли марлю крали из госпиталей, она до них просто не доходила. Как и многое другое, как провизия до солдат. Вот и мы были соучастниками.

Диван матерчатый, стулья из разных гарнитуров, но в одном стиле.

А стол — волшебный!

Почти как сундук в коридоре, где скрывалась Волшебная шкатулка. Если снять скатерть и клеенку, стол открывался — половина крышки поднималась и откидывалась...

Там оказывался склад абсолютно ненужных и ужасно заманчивых вещей. Там хранились открыточки и коробочки, очень хорошая готовальня — она нам всем послужила в школе на уроках черчения (с нас требовали исполнение тушью, в лучшем виде). Готовили инженеров! Коробка для акварели, черная жестяная, на полный набор цветов — для живописи на пленэре. Чертежи и макетики склеек попроще, маленьких граммофончиков, размноженные на каком-то тогдашнем копировальном оборудовании.

У деда была дореволюционная книжка, учебное пособие по истории, со статьями очень модного сейчас содержания - «Повседневная жизнь», скажем, древних германцев или придворных Людовика XIV. Самое главное — были картинки! Эти же иллюстрации, цветные и большого формата, приносили нам на уроки истории в школе. Возможно, они хранились с *тех еще* времен. Самая волнующая картинка изображала средневековый замок. Кажется, это именно она - картинка, или он - замок.

Дед клеил макет этого замка полгода или больше. Мы подходили и смотрели ему под руку. Все было рассчитано, вычерчено циркулем, прорисовано со всеми окошками и камнями во дворе, раскрашено акварелью. В нужных местах оставлены клапаны. Кто клеил мелкие модели из плотной бумаги, знает, какие нужны аккуратность и терпение. Но наш дед натренировался в детстве. Им с братом Борисом родители и родственники дарили большие листы с деталями, страшно сказать, броненосцев! Развивали у мальчиков усидчивость и аккуратность. И развили, и любовь к этому занятию.

Замок получился маленький, но как настоящий. Он стоял на горе из картона и бумаги, но его можно было откинуть, как крышку, под ним был тайный «подвал», можно было прятать секреты. При переезде мы его не взяли — клей пересох, швы расходились.

Сфотографировали, но в спешке, неудачно получилось.

Однажды дед рассказал нам, как они с братом завершили очень долговременный проект. Новый линкор торжественно погрузили в коробку с подобными изделиями, за которые их очень хвалили родители и друзья семьи. Ложась в постели — в детской комнате они стояли параллельно, ящик посередине — братья переглянулись, прыгнули в ящик и все свои драгоценные склейки старательно затоптали. Потом уткнулись в подушки и заревели...

Но занятие это дед не разлюбил, частенько что-то вырезал и клеил, книжечки для нас, мебель в кукольные дома. А замок, он затеял в тайной надежде предложить в Детгиз...

Замок, который построил дед

Многие люди с несостоявшейся жизнью надеялись, вдруг удастся еще что-то и заработать на любимом хобби. Что поделать, в Детгизе ниша была занята профессионалами, им и заказывали — тему, возраст. Нам тогда покупали очень популярные детские календари с картинками, стишками и раскладками для склейки. Попроще, но вовсе не такие уж простые, тоже требовали аккуратности. Мы не все доклеивали до конца и вообще календарь забрасывали. Одну коллекцию склеили целиком — народные костюмы республик СССР, женские, ну понятно, фунтик, а на него сверху плоский торс. В одном из этих календарей была сказка про кого-то вроде эльфов. Они были солнечные зайчики, их звали Зой и Зоя, прелестные существа и приключения, предполагалось, что мы будем их читать по отрывку каждый месяц, но конечно мы не утерпели и прочли еще весной.

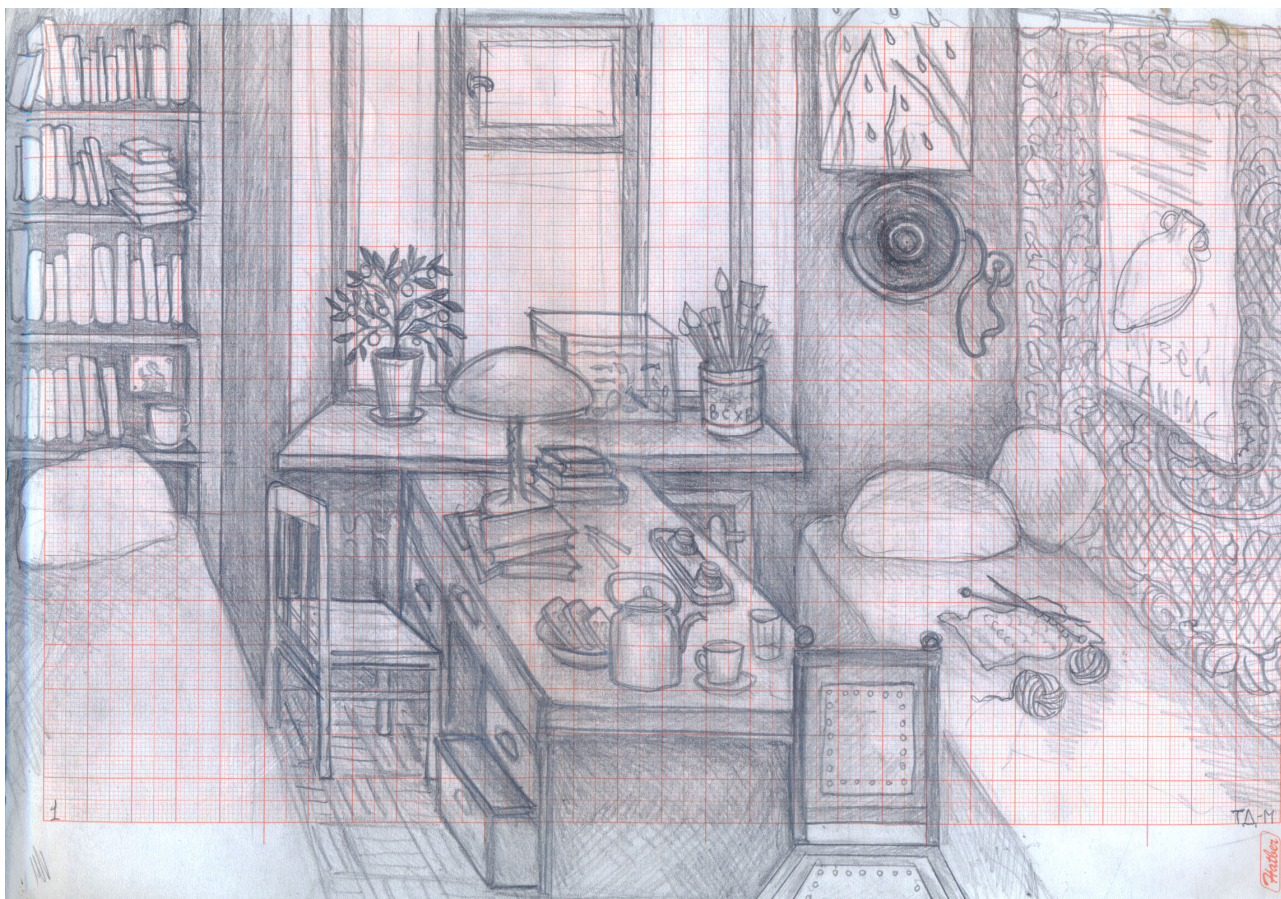
Иногда наши родственники и знакомые пытались напечатать что-нибудь, в надежде подработать на сыр к бутерброду — у деда была сказка в стихах, он нам ее читал, мы смеялись. В 30-х у нас наехали на детскую литературу во главе с Крупской, дескать нечего детям всякий бред грузить, бабу-ягу, аленький цветочек. Надо готовить детей сначала к реальной жизни и затем к революции. Кстати, талантливые люди к реальной жизни готовили талантливо, у нас были книжки Маршака с Лебедевым — про стол, про лампу. Жалко, не сохранились. Про эти книжки писала Цветаева в эмиграции, сравнивая с кокетливыми буржуазными книжонками про ангелов-деток, куколок и котятков, с аляповатыми олеографиями. Такие книжки у нас тоже были, тоже не сохранились. Но дед сохранил и познавательные, интересные.

Так вот дед написал юмористическую стихотворную сказку в восточном стиле, про глупого пашу и революцию, с красавицей-комсомолкой. Не взяли! А друг наш Щетинин Ю.А. на исходе Сов. Союза записал серию «сказок у изголовья», рассказывал детям, видит — ничего получается! Взял и записал. Нам рассказывал, когда приезжал и мы ходили гулять в лес. Как раз про бабу-ягу: как она сидит на балконе и кофе пьет, со сливками и с лимоном сразу. Потому что она богатая. Она была вредная, а Иван-дурак герой.

Стулья из одной и другой половины комнаты, всего вроде бы четыре, мы перевезли на Открытое шоссе, в надежде скоро от них избавиться и заменить чем-то современным. Другие части обстановки тоже мечтали заменить, процесс растянулся на много лет. Последний стул с украшением из медных колец на плетеной спинке прожил на Открытом почти 20 лет. Наконец, году в 81-82, мы от него избавились, т.е. вынесли в подъезд, добрым людям. Представьте, не проходит и часа, являются гости из Ленинграда — поэтесса Кари Унксова и художник Глеб Богомолов. Глеб даже дверь не закрывает: - Посмотрите, что у вас там стоит! - Что стоит? - Стул стоит! Старинный, надо скорей забрать, пока никто... - Да это мы выбросили. - Как выбросили? - Поставили, может кому понадобится, возьмут себе... - А можно я возьму? - Ой, на здоровье! Ничего антикварного в наших стульях не было, мебель средней руки, только довоенная (до первой мировой). Авангардисты тогда употребляли такое для своих произведений, у Евгения Рухина на картине был уже сплюснутый стул.

Венский диван пришлось, увы, оставить там... надеюсь, он пригодился потом Мильрудам, Соне, Ефиму, Борьке. У близких знакомых, увы, не было дачи, а если была, то для картошки и смородины, не для чаепитий в беседке. Старые вещи оставляли весело, азартно, стряхивали прошлую жизнь, ну ее. Не то чтобы собирались завести все новое, нет, да это и трудно было бы (дефицит), просто думали обойтись. Кое о чем, сознаюсь, пожалели. Почему одни ненужные книги оставили, а другие взяли? А может те были бы как раз нужнее. У нас троих были альбомы с открытками. Случайные открытки, дореволюционные, поздравительные. Чепуха, конечно. Очень один наш знакомый потом жалел: считайте, что выбросили кучу денег. Но мы все равно не понесли бы их в комиссионку.

НАША КОМНАТА. Другое окно, левое.

Когда вспоминаешь и пробуешь нарисовать, трудно соблюдать пропорции. Помнишь, что подоконник был большой, но насколько большой? На нем помещалось очень много всего. Стояли большие горшки с лимоном и олеандром, банки с кистями, просто банки, вазы с цветами, аквариум... это очень печальная история. Аквариум был прекрасный, литого стекла, в нем водились гуппи, самые простые, не очень красивые, но не капризные — размножались и мелькали цветными искорками. А «на Арбате в магазине» были подсвеченные аквариумы, с разными растениями, с гротами, с меченосцами, с такими плоскими серебряными рыбками в полоску — как будто маленький уголок райского сада, а рыбки — райские птички. Сейчас в Аптекарском огороде еще и не такие...

Наши гуппи погибли в одну ночь все. Внезапно сильно похолодало. Больше мы рыб не заводили. На просьбы «завести птичку» мама отказывала категорически: как будет грустно, если погибнет! Птички такие нежные. Но мы могли слушать пение соседских канареек.

Расстояние между рамами позволяло зимой устроить там зимний пейзаж со снеговиком, домиком, деревом. Другой домик стоял какое-то время на подоконнике, это была ярко раскрашенная копилка из папье-маше. Когда нагрязнула одна из деноминаций (в 10 раз), мелочь, чтобы не возиться, принимали по номиналу, и волшебный домик накопил как раз на ботинки Тане.

И.Д. В первые послевоенные годы кошмаром домов вроде нашего были обвалы штукатурки. Городской фольклор полнился ужастиками о гибели целых семей или по частям. Помню такой рассказ: мать с детьми лежала на кровати, на них упал потолок и придавил всех насмерть. Я ужаснулась: этого же не может быть в нашей стране, при советской власти! Там, у капиталистов... и успокоилась: теперь конечно примут меры, чтобы это больше нигде не случилось. Не минула эта напасть и нашу комнату, однажды ночью проснулись от грохота.

Отвалился здоровый кусок потолка, но к счастью на обеденный стол посреди комнаты, отделались испугом. Рабочие из домоуправления какой-то доской простучали оставшийся потолок, выявляя слабые места, и так все осталось на много лет - дыра с пол-квадратных метра с деревянной арматурой и внутренним слоем известки, как раз рядом с нашим самодельным абажуром из марли, крашеной акрихином.

А вот в каком году был ремонт? Потолок заделали и побелили, отмыли панели с гирляндами роз, ободрали клочки штофных обоев и наклеили бумажные.

Стали с какого-то года устраивать лотереи, розыгрыши, и дед выиграл ружье. Мама и бабушка скорее взяли деньгами и пошли на Арбат, в тот магазин на углу, где только и можно было купить обои, меня взяли. Выбора практически не было, один рисунок — капустные розы, золотые на красном, серебряные на зеленом. На наше счастье, были бежевые с изящным орнаментом, спокойным ритмом. На некоторых фотографиях он выглядит так четко — хоть копируй. Примерно в 49 году.

У нас, кроме дыры в потолке, был еще один дефект: разбитое стекло в левом окне. Моя работа. Мне было лет пять, Ире соответственно три с небольшим. Мы были одни в комнате, бабушка тогда работала, мама была в кухне. Мы мерили мамины туфли с небольшим каблучком, расхаживали, что-то изображали. Я сказала: сейчас я махну ногой и переброшу туфель через голову. Только надо стать к окну лицом, чтобы не попасть в стекло. Ну и дрыгнула так ловко, что угодила в верхнюю часть. Оба стекла правда не пробила, туфель упал между рамами. Мама прибежала испуганная...

Вставить стекло такого размера нам, конечно, было не по средствам. Осколки убрали, дырку заклеили с двух сторон зеленой бумагой и еще отдельной полоской трещину. Продержалась эта заплатка много лет, до ремонта.

На окне могли стоять пластилиновые фигурки (лошадки), всякие сувениры. Позже, когда мы поступали туда, где на экзамене сдают рисунок, на окне стояла гипсовая голова Антиноя (больше натуральной величины). Другая, Гатамелата, стояла на шкафу (откуда они взялись и куда потом делись?) Еще стоял глобус, когда-то лежала лошадь из папье-маше на колесиках. Мы ее перекрасили не то в вороную, не то серую в яблоках, но все равно не полюбили. Когда-то окне стоял кукольный дом. Потом его переставили на отдельную тумбочку между столом и подоконником, и Таня играла, сидя на скамеечке, ее никто не видел. Кукольный дом лучше всяких игрушек! Его сделал дед из очень хорошего фанерного ящика, в нем было окно с оконным переплетом и стеклом, дверь открывалась. Мебель была из сосновой коры, особенной. В Медном, где мы два или три лета жили у бабушки в конце войны, росли удивительные сосны. У них внизу была очень толстая кора, она растрескивалась и легко отслаивалась. Больше нигде таких сосен не видели. Из нее мебель получалась почти красного дерева: стол, диван, кресла, напольные часы, пианино. Когда-то нам вырезали из нее целый зоопарк. Кукол мы рисовали и вырезали из бумаги.

Когда стало ясно, что у нас вот-вот будет три ученицы, мама купила у Натки письменный стол. Настоящий, солидный, дубовый стол, две тумбы с ящиками и большой плоский ящик посередине. Нет ничего лучше настоящего письменного стола! Куда до него жидконогим канцелярским и студенческим. Сколько помещается в его ящиках и тумбах, и под ним тоже. Он не дрожал ни под швейной, ни под пишущей машинкой, радиоприемником и электроутюгом. На том наткином столе мы еще иногда и обедали, хотя редко все одновременно, в нем и тарелки с вилками держали. В левой тумбе было три ящика, в правой — два: нижний был двойной, глубокий, доверху полный обрезками тканей, иногда очень красивых! Ведь Натка шила довольно богатым дамам! Повезло: мы с Ирой были как раз в возрасте, когда шьют куклам.

Стульев в нашей половине комнаты помещалось только два, нас было четыре, и очень часто — гости. Устраивались на застеленных постелях. Справа неизменное ложе, мамина тахта. Тахту покрывало что-то красивое... а где тогда был наш знаменитый текинский ковер? Может быть он лежал сверху на тахте? Тахта имеется в виду — пружинный полуторный матрас на березовых чурбаках. Другой мебели такого назначения не было, кушеток там всяких. Вообще никакой мебели не было. Матрас может быть менялся раз после войны. От другой половины комнаты отделял ковер на палке, упирающийся концами в стену и книжный шкаф. Шкаф открывался в нашу сторону, с той стороны стоял маленький буфет. Ковер здесь висит временно, очень яркий, шелковый, плюшевый, привезла Татьяна кажется из Италии, оставила у нас, пока обзаведется своим жильем, это произошло не так скоро, и у нас долго было нарядно.

Над постелью висит черный бумажный репродуктор. Над ним чья-то картина. Помню, мы с мамой сидим на тахте, все три. Темно. Погас свет — это часто бывало. Год 45-46... Мама собрала нас к себе, в кучку. - Давайте во что-нибудь играть. Вот мы сейчас здесь сидим, и вдруг из-под кровати появляется нечто ужасное... - Кто это, Мечта Ужасная? - спрашивает маленькая Таня, ничуть не испуганная. Мечта Ужасная поселилась в комнате навсегда.

Дома даже скучать было не скучно. Можно было прилипнуть к широкому подоконнику и пялиться в пространство, в большое небо, над Замоскворечьем, за Домом правительства. Темнело, и в домишке напротив, во дворе, зажигалось полукруглое окно. Казалось, за таким волшебным окном живут очень хорошие и счастливые люди: вот они пришли с работы, из школы, сидят за столом и едят жареную картошку. Мы тоже приходили, собирались за столом, и картошку мама и бабушка иногда жарили. Но у нас не было такого окна...

Этот дом, это окно, только днем, мама написала еще до войны. Справа на холсте выступ старинного особняка, тогда детского дома. Сейчас там Мусейон, Дом Муз под покровительством Афины и ее совы. Красивы особняк на Волхонке, в нем была булочная, дальше Дом Правительства, Замоскворечье.

На тахте лежит вязанье, естественно. И.Д. Мама всегда старалась хоть немного подзаработать вязаньем. Приносили всякие остатки, распущенные моточки, мама их красила в черный цвет. Для закрепления цвета тогда пользовались мочой. Ведерко с окрашенной пряжей мама ставила в туалете и просила нас туда писать.

На излете военной моды, перед «ню-лук», были престижны жакеты с «волнующим задом» - приталенные с баской, разведенной на спинке фалдами. Помню один такой заказ - вязаный черный жакет с объемными рукавами с ярким орнаментом, с преобладанием розового цвета. А у мамы был простой формы с такими же яркими полочками.

На ковре приколот плакат «Музей Танаиса», но это позже, начало 60-х, сестры ездили в экспедицию. Привезли воспоминания и юных друзей — они остались нашими друзьями на многие годы. Плакат раньше висел китайский - «Пусть расцветают все цветы», пышное изобилие китайских цветов, из замечательного магазина «Плакат» на Арбате. Там продавались репродукции, открытки, небольшие книжки по искусству. А мы завидовали! Вот, мудрые китайцы у себя объявили свободу творчества, а у нас Ахматову не издают... Ахматова вскоре появилась на прилавках — в качестве переводчика китайской поэзии...

Домик года два назад был такой. Видите кошку на крылечке? А теперь его нет.

Спальное место напротив, перед книжной полкой - Танин деревянный топчан. Таня спала с мамой, пока на медосмотре в школе, лет в 9-10 у нее не обнаружили искривление позвоночника. В поликлинике хирург посоветовала спать на твердом. Заказали деревянный топчан, на нем она и спала до переезда, при переезде взяли с собой. Над ним тоже что-то висит, но здесь не видно. Ближе к двери наши с Ирой койки, узкие кровати с сетчатыми

матрасами, тонкими тюфячками, байковыми одеялами и «покрывалами конёвыми» - такой термин даже в торговле бывал, словно это попоны. На самом деле, *тканевыми*.

Этот замечательный стол мы перевезли на Открытое шоссе. Какое-то время ему было нечего делать, его сначала разобрали, ящики использовали как подставки под матрас (тахту), на крышке гладили, доски от ящиков сохраняли — но жизнь стола закончилась. Остался только один ящик, он служит полкой-шкафчиком. Поставлен вертикально, полочки вдвинуты в пазы. А нам пришлось уже тут купить письменный стол у соседей — он и сейчас работает. Себе мы с Таней заказали рабочее пространство из деп во всю ширину комнаты, под окном, на нем я и пишу.

ИГРУШКИ. Куклы и др.

С куклами у нас отношения не складывались. Нам когда-то подарили по кукле, как у всех (не мигающей), с волосами, мама шила им рубашки, трусики, даже лифчики с чулочками, платья и сарафаны, мы радовались, а про кукол очень скоро забывали. За исключением роскошной итальянской куклы, привезенной взамен той, похищенной вместе с чемоданом по пути из Румынии. Таня ее любила и гордилась. Она была небольшая и складненькая, смуглая, с настоящими волосами и длинными ресницами, она говорила «мама» по-итальянски. Раздевать и переодевать ее не стали, очень уж ей подходил иностранный наряд, шелковая юбка и нижняя с кружевами.

Правда Ира в первом классе принесла в школу куклу, тряпочную, и начала на уроке переодевать. Но это чистый эпатаж: училка, нет чтобы посмеяться, вызвала маму.

Мне кажется, куклы перестали интересовать девочек давным-давно, а им упорно дарят — мамы, которые сами-то в детстве любили мишек, зайчиков и плюшевых тигров. Или папы, чтобы росли дочки женственными, наверно. А что вообще делать со старыми забытыми куклами? Их нельзя выкинуть на помойку — и что, зарыть в землю, или сжечь? Нездоровая мистика получается. Меня всегда пугали выставки и музеи игрушек (особенно советских, т.е. «ностальгических»). Есть какое-то условное соглашение между детьми и взрослыми — как будто родители верят, что дети верят, что игрушки живые, пока в них играют, это примерно так и есть, а когда бросают, куклы становятся псевдомертвыми, перед ними стыдно, словом Гофман. Ожившая кукла — это кошмар, она мертвее мертвого...

На самом деле игрушки не произошли от ларов и пенатов, домашних идолов, этнографы на Аляске и Чукотке знают, что в быту язычников это разные вещи, их изготавливают отдельно.

Из прошлого, идиллического, довоенного, казалось, еще чуть-чуть, и будет совсем счастье

Зато у нас в семье всегда шили кукол. Одна из первых у нас была с довоенного детства, негритянка Топси, самая привлекательная героиня «Хижины дяди Тома». Ее сшила бабушка дочерям Люсе и Тане еще в Твери, в 30-х. Кукла всегда была личностью, часто литературным героем. После эвакуации, в первый приезд в Лосинку к бабушке, мы у нее на тахте увидели две дивные игрушки — моряка и красавицу. Потом уже, познакомившись с русским искусством, вспомнили, что это были любимые персонажи Лебедева в 20-е годы — матрос и девка. Куклы были для бабушкиной сестры тети Шуры. А здесь, на Открытом шоссе, мама сшила для Мити Джона Сильвера с рыжей бородой, в матросской куртке и на деревянной ноге — на картофельной толкушке. Что тут было! Митя чуть не рыдал. Пришлось пожертвовать такой важной деталью, сшить ногу, связать еще один полосатый носок и как-то склеить, сшить еще один ботинок (сама знаю, сама делала мужских кукол, обуть их сложнее всего). Маленькая Валя тогда встретила Митю - он вернулся из школы — радостным сообщением: «Я видела Джонни! Он с двумя ногами!»

А тогда, в старом доме, мы делали «Баб на чайник», и не баб, а Дам. После войны в Гастрономе в Доме Правительства стояли на полке замечательные особы, с фарфоровыми лицами и ручками, в платьях с кружевами условного XIX века... трофейные, наверно. Может, кто-то и покупал. Не думаю, что мы о них мечтали. Нам очень рано прочли «Козетту», где обездоленной девочке дарят изумительную куклу, вождение самых богатых девочек городка. «Ну, играй» - говорят. Она сажает куклу в кресло, становится перед ней на колени и созерцает. Мы-то не были обездоленные, мы любили Топси и затрепанного тигренка, и «Баню», обезьяну.

Дам и баб «на чайник» время от времени шили в подарок родным и друзьям. Это было тогда и актуально: кухня, как правило, далеко, конфорки заняты, тепло надо беречь. Тем более часто его не хватало. Тем более часто купить в подарок было нечего.

Последний раз на Маркса-Энгельса, уже большие девицы, затеяли подарок на день рождения кавалеру. Славный он был, с юмором, и воспринимали его юмористически. Смастерили конечно не «даму на чайник», куколку размером с Барби (у нас их еще и не видели), такого же сложения. Очень постарались: сшили модное платье - тогда было «платье-мешок», очень некрасивая мода - даже колготки, туфли на каблуке склеили, прическу, глаза накрашили. Называлась «Девушка твоей мечты». При ней был кожаный чемоданчик, размером со спичечную коробку, в нем ночная рубашка.

У нас были в детстве любимые крошечные голышки (тоже немецкие, наверно, больше таких никогда не было) из какой-то массы, у них двигались ручки и ножки, пропорции были натуральные, а мордочки, разрисованные тремя касаниями тонкой кисти, разные, мы их узнавали. Вот им мы шили распашонки и роскошные конверты, с кружевами и носили их с собой на прогулку, на Арбат. Гуляли, любовались роскошью, до Вахтангова и обратно. Постельки у них тоже были. Каждой из нас выделили ящик в столе, можно было отгородить дощечкой место для «детской комнаты». Предполагалось, что в остальной части мы будем держать в порядке книжки и тетрадки, ручки, карандаши и ластики. Постепенно ящики заполнялись ненужными бумагами, книжки и тетрадки ночевали в портфеле и расползались по книжным полкам.

ШКОЛА. Наставники и наставницы.

И опять школа, та самая, №57. Когда ее предназначали под кремлевских детей, развернули грандиозное строительство спортивного зала. Наверно, он был лучший в Москве. И назначили нам физкультурника Джемса Ахмеди. Он тоже был лучший из лучших возможных. Вот уж кого не забыли!

Он был легендой 57-ой школы! Умер 21-го июля 2006 года, на 90-ом году жизни! Вот вспоминает его правнук:

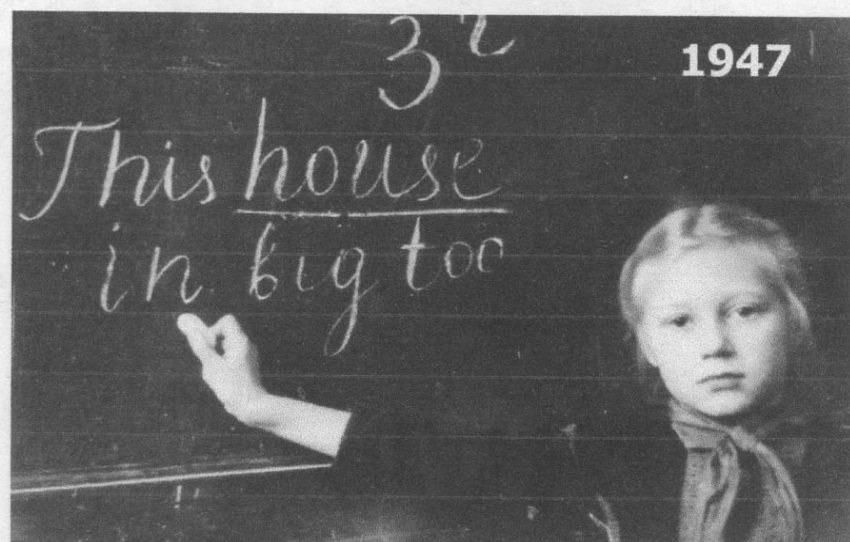
...Сын иранского торговца коврами, возглавлявшего в Москве «Ковёрскуэксспорт», он учился в 25-й образцовой школе, поступив туда с помощью МИДа. В классе его брата Чарли был Василий Сталин, которого [пра]дедушка учил боксировать. Долго ещё после школы младший сын Иосифа Сталина поддерживал с ним отношения.

И вообще... когда же он ушел из школы? В этом или все-таки в том тысячелетии?

Первые два года вместо физкультуры у нас была пресловутая ритмика: «тюльпаны распускаются, на ночь закрываются». Вела хрупкая старушка, бывшая балерина, в актовом зале, в чем есть. Кажется, тогда еще форму не ввели. А Джемс — сразу: всем родителям выдали майки с рукавами и трусы, все белое, велели покрасить в черный цвет. Тапочки — чешки тогда еще не появились, наверно были какие-то тенниски с носочками. А просто так ведь и майки были по талонам или по ордерам! А 57 пожалуйста!

ШКОЛА

В начале жизни школу помню я... А.С.Пушкин.

1947

1951

Татьяна Никитишна и Джеймс

Директор
Руденкова Л.Н. Завуч
Ахмедов С.В.

Классный руководитель и завуч
младшей ступени

Кл.рук. Фомин Л.А. Завуч Мертешева С.М.

Шура Мертешева.

Чему-то научились, ну и ладно...

Мне нравились занятия на снарядах, а профильный баскетбол — нет. Но роль Джемса была гораздо значительней. Когда где-то в старших классах возникала нештатная ситуация, директриса, наш унтер, совершенно не умевшая ладить с подраставшими девицами, посылала разбираться Джемса. Его любили, его уважали, ему привыкли подчиняться, а на бунтарскую реплику он отвечал мгновенно и без промаха. И все хохотали.

Жена Джемса, типичная физкультурница не первой молодости, тоже вела уроки, помимо зала ее не видели. Джемсу приписывали роман с англичанкой. У нас она тоже была особенная: явно училась не в пед, если не она сама, то кто-то в служил за границей, очень уж она была элегантная. Стройная, подтянутая, живая — уроки вела весело. По нашей системе язык выучить было нельзя, но уроки проходили без напряжения.

Она позже съездила за границу, в Англию, когда вернулась, провела целый урок в рассказах. Ее замещала совсем молодая и совсем красивая, одетая даже еще моднее. У нее были красивые узкие юбки и коротенькие жакетики эффектного заграничного покроя. Пока она у нас вела уроки, как раз умер Сталин. Уроки шли своим чередом, все не знали что будет, что надо чувствовать. Завуч Пелагея ходила с опухшим лицом, другие тоже. И вдруг Дунька (так мы звали молодую англичанку) является в ярко-красном жакетике, стройная, прямая, кудрявая. Стоит перед классом, подняв лицо, ни на кого не смотрит. Урок проводит без всяких отступлений.

Ей тоже приписывали роман с Джеймсом, но кажется она скоро ушла, а прежняя, Нина, вернулась. Тогда в некоторые вузы был экзамен по языку; я сдала.

Кроме баскетбола и английского, нас учили академическим предметам, неплохо, можно было поступать в ВУЗ. Были оригинальные предметы, например, логика. Непонятно зачем, в 6 кажется классе. Преподавал учитель истории в младших классах, огромного роста старик Тихон Данилович. Может быть, он и знал логику, но говорил так медленно и со скрипом и так непонятно спрашивал, что логику мы не усвоили. Нас учили пению — взрывная особа со щитовидкой, рисованию — тихая бесцветная пожилая женщина, и рукоделию - миловидная тетенька помоложе. Очень жалею музыкантшу, каково человеку со слухом терпеть беспомощное блеяние 40 напуганных дур. Хотя на самом-то деле большинство девочек неплохо пели просто так, многие очень хорошо, а кто-то учился в музыкальной школе. Как научить рисовать, до сих пор не придумали. Кажется, они так же рисуют натюрморт из яблока и огурца и раскрашивают, и требуют обязательно ленинградскую акварель. Считают, что до 14 лет учить рисовать бесполезно, а дальше можно научить кого угодно.

Зато в каком-то, 7 или 8 классе, нам ввели стенографию! Нам понравилось: вроде тайнописи. Разумно, могло пригодиться, если бы учили как надо: в течение месяца каждый день, с уроками на дом. Черчение было серьезное, это правильно, кто хочет в инженеры, без него нельзя. Учили как надо, тушь, циркуль, измеритель, рейсфедер. Форматки, чертежный шрифт — все как надо. Строили проекции. Требования были строгие.

Что же, так и не было у меня любимого предмета? Мы же любили читать про путешествия, даже нон-фикшн: Обручев, «Дерсу Узала» Арсеньева, Гончаров «Фрегат Паллада», про Беринга, про Крузенштерна, «Плавание Колумба» - а потом сразу Кон-тики, Кусто! Все равно географией не наслаждались. Их было три, физическая, политическая, экономическая. И во всех трех наша страна занимала почти полмира, да! А мировая колониальная система рушилась на глазах: когда мы начинали, Индия была доминион, а вдруг взяла и стала независимой (про Ганди и резню нам не рассказывали). И Африканские страны расправляли могучие плечи, что красиво выглядело на плакатах и в скульптурах.

Были совсем экзотические предметы, Астрономия и Конституция. Их преподавала одна и та же учительница два года подряд, молодая, приятная, спокойная. Экзаменов по ним не было. Но наш поток сдавал какое-то немыслимое число экзаменов! В 4 классе их было не то два, не то четыре; кажется, все-таки 4: изложение, письменная арифметика, устная арифметика и устный русский. Дальше это число растет в арифметической прогрессии. В 10 классе их наверняка было больше 10. И какое это было напряжение для тех, кто «шел на медаль!»

Ужасная история случилась с моей одноклассницей Лидой Аустриной. Она была отличница до мозга костей, по складу и по склонностям, по образу жизни — единственная дочь в благополучной семье, но не очень здоровая. О ней никто и не беспокоился. Сочинение она написала на 5, а в письменной математике, тоже безупречно решенной, сделала ОДНУ орфографическую ошибку! Эти изуверы поставили ей в аттестат 4 по «русскому и литературе»!

Десять лет трудов и стараний насмарку!

Она собиралась, естественно, в МГУ, на химфак, в новое здание — первый первый курс! Мы с ней вместе собирались, но у меня-то никакой медали не было, а у нее серебряная. Ей полагалось сдавать физику, а мне все. И она, наверно, так перенервничала, что не сдала... А я сдала с грехом пополам на пятерки, и Володя Пятницкий тоже. Ну и много мы им наработали? Неправильная это была система, ничуть не лучше нынешней. Самое безобразие было с этими медалями, разная цена медали была в московской и поселковой школе, где учили не больно грамотно. Какое горе ожидало детдомовских девочек из Башкирии, Бурятии. Они ехали в Москву победительницами, а возвращались, потеряв семестр...

Школа хороша тем, что в ней активно идет процесс обучения тому, что не входит ни в какую программу. На переменках, в разговорах на уроках, потихоньку заполняются пробелы в знаниях, утоляется любопытство: кто нашел на полке «Россию во мгле», а кто «Золотого осла». Прятали и на переменках, сбившись в кучку, читали и хихикали — девочки, которые ходили на танцы и встречались с мальчиками. Мы — нет, нам бы героизма, романтики, Бразилии, динозавров. Но тоже ведь любопытно было...

КНИГИ. Подруги

Гюго ворвался в наш класс р-роковым, р-революционным «93 годом!» Его принесла Шура Мертешева, девочка, изувеченная полилмиэлитом, на костыле, она жила с бабкой-уборщицей в углу коридора, отгороженной занавеской из газет. Она приходила к нам, но чаще я к ней — мы были одни. Говорили о возвышенном, сидя на полу.

Недавно внук читал «Отверженных». Проломился сквозь риторику — но ведь кому-то она была нужна, для кого-то писалась? На наше поколение хватило; сейчас странно...

Шура прекрасно пела, у нее был сильный звонкий голос, как у комсомолки в кино. На школьных праздниках она пела: Вижу чудное приволье... Мечтала поступить в педагогический, на дефектологию, учить таких же обездоленных, как сама. Заявление не приняли, пошла работать.

С 8 класса записывали в Ленинку. Дома рылись на полках. Один томик «Жан Кристофа», один «Очарованной души». Тоненькая, заповедная - «Алые паруса». Еще тоньше — Ахматова, Пастернак, да, и Тихонов, и Сельвинский, и сам Багрицкий, и Луговской, Уткин: «подари мне на прощанье пару милых пустяков: папирос хороших, чайник, томик пушкинских стихов»... Пьесы Метерлинка в Горьковской «Всемирной Литературе». «Синюю птицу» мы видели. Во «Всемирной» же «Фауст», часть вторая, Шиллер. Да, еще Вера Инбер! Детские стихи были очень даже ничего: «Собачье сердце устроено так: полюбило — значит навек»... или про веснушчатого Боба.

КОМНАТА часть вторая. ШКАФ

Вот он, дорогой многоуважаемый шкаф. Он работал еще перегородкой, делил комнату на две неравные половины, вместе с занавеской. Помимо книг за стеклом, как в витрине, стояли черепа. Два. Один — учебное пособие студентов-медиков, он был распилен на части, разнимался на пружинках и крючках, такой белый, красивый, с нижней челюстью, зубами.

Однажды, почти сразу после войны, к нам приехал младший мамин брат Юра, ему только-только исполнилось 20, он успел послужить на флоте — в Кронштадте, в блокаду, дослуживал на Кавказе, вернулся, пришел к сестре и заночевал. Постелили на полу возле шкафа. Среди ночи всех разбудил вопль ужаса: луна осветила шкаф, и он увидел, что сквозь стекло на него скалится череп... И это флотский лейтенант, недавно ходивший строем по набережной Кронштадта, под вражеским обстрелом!

Второй череп больше подходит для натюрморта. Отец подобрал его на строительстве станции «Кропоткинская». Этот у нас, а первый мы отдали Ване. У мамы есть натюрморт с двумя черепами. Так что у нас, как в любой порядочной семье, в шкафу если не скелет (куда уж по нашим достаткам), то хоть череп. Кстати, мы в детстве обожали «Кентервилльское привидение», нам его часто читали.

Еще семейный анекдот. Когда отец был школьник, зашел к нему приятель и сразу схватился за медицинский череп. Не трогай - воскликнул наш папа - это череп моего отца!!!

Юра иногда ночевал, а мамина сестра Таня во время войны жила, пока училась. Году в 44 ее командировали в Румынию, переводчиком. Молодая тетушка накупила игрушек для племянниц, какие-то платица себе и маме, духи — и в поезде у нее сперли чемодан... Больше всего она убивалась из-за куклы: перед отъездом она обещала нашей Тане (в ее честь называли), совсем малютке, привезти куклу. И оказывается, Таня куклу ждала! Когда Татьяна с бабушкой Валентиной Витальевной приехали к нам, Таня, стоя в кроватке в рубашечке, сказала горестно: «Баба. Таня кутю пивез не...»

Мы долго смеялись над этой сценой, а Татьяну не отпускал комплекс вины, пока она через несколько лет не привезла из Вены роскошную, говорящую, мигающую длинными ресницами, в шелковом платье... Разумеется, эту Софи Лорен называли Кутькой. И вскоре тетка уехала, теперь в Италию, надолго. Классно было получать открыточки из Италии! Татьяна много потом рассказывала занятного. Вот сидит она в кафе, а на нее печально смотрит нестарый человек.
- Какое, - говорит, - у вас хорошее русское лицо.
- Я русская. - Нет, вы не русская, вы советская...

Или - как она поддержала честь страны в Ватикане. При входе в одно из сакральных мест ей говорят: - мадам, сюда нельзя дамам с непокрытой головой. Накиньте что-нибудь... - Высокомерный взгляд. - Ну хоть носовой платок на голову положите... Хотя перчатку, чисто символически! - Нет, не дрогнула, так и прошла с группой. Остальные были мужчины. Нам привезла сувенир, хорошенькую куколку швейцарского стража, в красивом форменном костюме, мы потом узнали, что это «костюм ландскнехта».

Сколько можно было, она поехала. Прислала фото с голубем на руке из Венеции. Во время одной прогулки возле озера к ним подошел интересный синьор и пригласил на свою виллу. - Вы из Советского Союза! Как я рад! Я тоже член партии, коммунист! О, я вам покажу свою виллу! Я миллионер! Я очень люблю Советский Союз! Конечно, они к нему не пошли, а мы удивились: как это может быть, коммунист и миллионер?

И про бездомных, которые замерзали на улице при +3. Про безработных. Тут и пропаганды никакой не надо, им тогда в самом деле было здорово хреново, но из этого хрена они, молодцы, сделали прекрасное кино, новую волну. Снова Италия по части искусства впереди планеты всей!

Рядом с мольбертом стоит кресло, дешевое, но модной в конце 50-х формы обтекаемой формы. Откуда взялось? Кто притащил? Ужасно, ужасно выросли у людей потребности! В Манеже тогда примерно прошла выставка современной мебели. Ирин приятель из Строгановки, мебельщик, дежурил гидом на выставке и говорил потом: я рассказываю, как обставить комнату из трех метров. А что там рассказывать, все ясно: торшер, трехногий журнальный столик в виде кривого эллипса и два кресла. Ловерс дайм, по Стругацким, они почти того же поколения. Отгородиться от мира двумя спинками кресел и задумчиво курить в кругу своего света...

В кругу света можно было, например, вышивать. Научились мы рано, не крестиком, конечно — фи, какое мещанство. Гладью, так называемой живописной, считается высший класс вышивки! Мы начинали, в долгие вечера темные вечера, что-то великолепное. Подушку, дорожку. Откладывали, так и лежало, пока мама не закончит... Приходишь домой в темноте, после неестественного, насильственного яркого света в классе, после второй смены. Дома тоже желтая лампа, круг света, темные углы. Слегка знобит, от озноба откуда-то поднимается легкий жар, и как будто уплываешь... уроки делать сил нет. - У тебя температуры нет? Да нет, наверно. Ну вот: 37,1. - Ладно, завтра еще раз померяешь. И залезаешь в постель раньше времени, согреваешься под одеялом и открываешь книжку, лучшую книгу в мире: Затерянный мир... третий раз... (неправда, книгу нам дали, мы ее вернули, только по разу и смогли перечитать).

Раз уж притворилась больной, можно делать что хочешь. Рисовать принцесс и платья для них. Рисовали все девочки, но наши были наряднее и красивее! Во-первых, мы лучше рисовали, во-вторых, у нас были какие-никакие модные журналы, книжки и открытки с настоящими принцессами и герцогинями. В деревне, в плохую погоду, из этих модниц получался своего рода театр, они становились персонажами, вели светские беседы. Лучше всего выходило у Ирки: ее сценки и туалеты были с подковыркой, с юмором, у ее героинь были имена и характеры. Однажды она начала писать роман про женихов своих дам, под названием «Тысяча и один жених»; тут к нам приехал Юра, дядюшка Юрий Алексеевич, пришел в восторг, мы переработали начало сюжета в поэму, не совсем приличную и политкорректную, хохотали ужасно.

В одиночестве занятие быстро надоедало.

Так уж получилось, что мамины родственники, Герны, Таня и Юра, которые жили где-то там, иногда вовсе за границей, бабушка в Лосинке, а дед Алексей Павлович в деревне Даниловке, были нам ближе, чем родственники отца и его родителей, с которыми мы жили.

Напишу для порядка, для справки, чтобы младшие поколения знали на всякий случай.

РОДСТВЕННИКИ. Доброхотовы-Майковы.

Знакомых деда не помню. Вроде он работал в разных местах, учреждениях, но ни с кем не подружился. Был брат Борис, его жена Нютка и двое сыновей, кузены отца Роман и Юрий. Они приезжали изредка навестить сестер Лёлю и Лену, заходили к нам. «Нютка» (Анна...) родилась в поповской семье, Бориса пристроили по этой же части, после войны он работал бухгалтером в Елоховском. То-то хлебное местечко! Тёте Лёле они что-то подбрасывали. Но братья не были особенно близки, хотя дед любил вспоминать детство: дача в Пушкино, лошади, тренер, собака Альма, голуби...

У Майковых до войны был рояль, дед играл (мама говорила, плохо), позже его продали. Вот интересно: у Солженицына в «Пире победителей» Доброхотов-Майков играет на рояле в замке, где происходит «Пир». Учился ли отец хоть немножко, чтобы сыграть в офицерской компании сентиментальный мотивчик — или А.И. добавил и это к образу идеального русского офицера? Никогда не узнаем. Как не узнаем, кто из них был Сашка, а кто Шурка... К мальчикам ходил учитель музыки. Ходил-ходил, и обратился к отцу, Алесандру Карповичу: Сережа учится неплохо, старается, а у Бори слуха нет, может быть не мучить его? Отец говорит сыновьям, что Боре музыкой заниматься больше не надо. Борис разрыдался. Серафима Петровна бросилась утешать: что ты, Боренька, если хочешь, занимайся, конечно! - Я от радости... - еле выговаривает бедный мученик.

Сыновья Бориса — Роман и Юрий, кузены отца, тоже навещали изредка деда с бабушкой, но больше по обязанности. Роман готовился стать адвокатом, позже стал. Кажется, братья в армии не служили, Роман учился в ВУЗе, про Юрия не знаю. Он дружил с Алексеем Горюновым, другим кузеном, вместе пьянствовали. Кто-то из их потомков нашел Катю в интернете, прислал фото, на этом закончилось.

Оппозиционер Роман Доброхотов нам, к сожалению, не родственник. Мы думали — имя не очень распространенное, может потомок того Романа, лишнюю фамилию отбросил для простоты. Но все-таки нет.

Где-то недалеко жила семья прабабушки Серафимы Петровны — Дунаевы. Один из них до войны был довольно известный советский певец. Может быть «коку Симу» они когда-то навещали, но мы эту фамилию ни разу не слышали. Доброхотовы-Майковы не очень поддерживали родственные связи.

А французские родственники, Бежо и Биркель, сами, как стало можно, разыскали бабушку Ирину Генриховну, приезжали. Старшие говорили по-русски, младшие учили. Звали в гости.

У бабы Ляли, урожденной Бежо, и друзей было много. Дядя Володя, бывший учитель физики нашего Юры, по фамилии Вибке, жил в Лосинке с дочерью Любой и ее сын Андрей, Вигилевы. Был сюрприз, когда сочлись родством. Изредка мы их навещали в их деревенском доме, там на чердаке иногда попадались занятные вещички, физ. приборы для школы. Люба приезжала к нам довольно часто и каждый раз спрашивала деда: Сереженька, а война будет? И дед ее успокаивал. Андрей был биолог и таксидермист. Работал в Зоомузее. Ездил в Сибирь, привозил шкурки, продавал их и чучела делал, тоже на продажу. Мама как-то у него купила шкурки белого зайца, сосед скорняк сшил шапку и воротник, очень неудобные. У нервной Любы, наверно, муж на войне погиб.

Дядя Володя справа, рядом его жена, за ней бабушка.

Баба Ляля сохранила подруг и друзей детства и юности. Две Маргариты - подруги по французскому пансиону. Маргарита Владимировна, немного замкнутая старая дева, играла на скрипке в оркестре Большого театра, жила где-то совсем рядом, на нас не обращала внимания. Она играла и вела занятия в Доме Ученых, когда там работала Ирина Генриховна, мама ходила в студию рисовать, а мы на ритмику по системе Далькроза. В дом ученых мы с мамой попали под видом племянниц Губера.

Маргарита Федоровна (Маргоша), в девичестве Кошке, у ее мамы была известная на всю Москву корсетная мастерская, на углу Арбата и Серебряного переулка, над самым углом, над большим нарядным магазином.

В том же доме, со двора, жил однокурсник отца и мамы, художник Фоля Закин (Рафаил Матвеевич). В тот же двор мы после ходили смотреть телевизор в семью уже нашего друга, Сани Тихомирова, очень хорошего и скромного человека и скромного поэта.

Маргарита Федоровна жила там же, где когда-то было семейное ателье, только две комнаты осталось (и темный чуланчик, в котором жила бывшая прислуга Анна Ивановна, все ее боялись, особенно муж хозяйки). Занималась тем же семейным делом. Муж ее Шадрин Александр Константинович был большой любитель преферанса. Говорили, много проигрывал, ездил на встречи куда-то в Крым, М.Ф. шепотом делилась с бабушкой... Когда-то он сидел по «шахтинскому делу». Он считался моим крестным, дарил Пришвина на дни рождения. Один раз предложил выбрать, что я больше хочу: нарядный белый фартук или глобус? Конечно, я хотела глобус! И сейчас бы не отказалась, он так уютно стоял на шкафу.

И.Д. Оказывается мы застали еще и категорию старых преданных слуг. Анна Васильевна у Шадриных, которую я не помню. Полина Егоровна в Потаповском. Аннушка у Лавровских — она вырастила Юрия Константиновича, потом Аллу и Галочку а потом еще и Митю.

Это не слуги были верные, а хозяева добрые. Куда их было гнать? На улицу? Семьи своей они не завели. У Щетининых нянька так жила, да еще и бывшая горничная.

У Шадриных было двое очень красивых детей, Игорь и Марина. Игорь был непутевый, но выучился на архитектора. Он как-то пришел в нашу квартиру, но не к нам, а к Боковым, когда Виталькиного отца не было, и Наталья Ивановна понемножку распродала книги из «Боковского шкафа». Купил роскошное издание про какую-то эпоху. Мне тоже удалось, когда Алексей Петрович уже был дома и отпирал шкаф, попросить у него почитать что-нибудь, он дал книгу «Художественное оформление сводов», очень полезную. Он еще подарил нам несколько листов из роскошного немецкого альбома «Орнаменты», видимо были дубликаты. Может быть эту книгу Игорь у него и купил.

Марина Шадрина работала манекенщицей в доме моделей и на киностудии, была замужем за кинорежиссером, он снял ее сына от первого брака, Николеньку, в фильме «Приключения Кроша», довольно тогда известном. Этот мальчик прежде играл с нами на наших детских праздниках, в «кольцо, кольцо, ко мне» и прочие караван.

(Была еще одна игра, очень активная, но места не требовала, называлась «путаница». Становились в хоровод человек 5-6, один ведущий. Хоровод начинал заплетаться: не отпуская рук, подныривали под другие пары, сколько получится. Получался очень тесный клубок. Ведущий должен был распутать, распахать обратно по местам, не разнимая рук).

Когда дед с бабушкой собирались к ним в гости, бабушка говорила: пойдём к Кошкам. Дед играл с Шадриным в шахматы. Шадрин почему-то взял и перевел какой-то старинный французский роман, чуть не Шатобриана. Приходил в гости и читал вслух. В самом деле отменно длинный, длинный, длинный. Бабушкины подруги обращались друг к другу: ну ты Бежо завралась! Ну ты Кошке... девичьими фамилиями, или как звали друг друга в пансионе. В романе Рыбакова «Дети Арбата» описывается роскошная жизнь героини после удачного замужества и упоминается что корсеты она заказывала «у Кошке на Арбате».

Тонечка, Тошенька была в молодости самой красивой из подруг, в 20-е муж-нэпман ее роскошно одевал и баловал, и однажды на Кузнецком ею увлекся с первого взгляда восточный человек («грузин», как она говорила). Он шел за ней, уговаривал куда-то ехать и предлагал все большие суммы. Она не оглядывалась, смотрела, куда бы скрыться, и он наконец в отчаянии выкрикнул: Ну, хотите тыщщу рублей!

Подруги долго веселились, муж стал называть «моя тыщшерублевая». Они жили на даче, приглашали гостей, устраивали богатые обеды. Потом муж куда-то сгинул.

Сын Александр был географ и биолог. Он в детстве ходил в кружок юннатов при Зоопарке, там была какая-то история с «кружком Мантейфеля», подростков посадили.

Потом он долго работал и жил в Сибири, занимался разведением соболей и фотографией.

Лялечка (баба Ляля) и Тонечка

У нас где-то есть несколько – пейзажи и звери. Сашка вернулся в Москву и жил с матерью и двумя детьми и с женой, болел, кажется, у него был туберкулез, он пил, жили очень бедно. Когда-то — мне было лет 10 — он подарил мне свою школьную коллекцию марок. Бабушка из ВИЮНа приносила иногда заграничные марки. Все тогда читали «Марку страны Гонделупы», считалось чуть не обязательное хобби для хороших мальчиков. Какому-то мальчику я потом ее отдала. Помню одну: большая длинная марка, пролетарий приветствует

восходящее солнце, кажется синяя, и цена проставлена: 400 000 р. Я спросила деда, можно ли ее продать, заплатят ли за нее такие деньги? Увы... Что бы ни врал, о деньгах тогда мечтали все. Волновали намалеванные на брандмауэрах рекламы 3% облигаций: они сулили 100 тысяч! При зарплате меньше 100 руб. У кого-то ведь были же дачи, машины... Сперва говорили: у генералов, потом стали говорить: у завмагов. Завидовали. Коллекционера из меня не вышло, но мы еще жили там, когда в Ленинке открылась международная выставка марок, это было потрясение: крошечные цветные миниатюры, все что угодно, шедевры живописи, экзотические животные, города, старинные корабли... такие мы потом покупали, польские и Монгол Шуудан, альбом стоит до сих пор.

Часто бывала Бобочка (Варвара), она была машинистка, в ВИЮНе они познакомились. Муж ее пропал где-то в лагерях. Добрая и хорошая. С ней когда-то произошла типичная для того времени история, до войны или во время. Работала она тогда в журнале. Однажды её вызывает в кабинет главред, протягивает только что отпечатанный текст (наедине) и говорит: читайте. Она пробегает страницу... СРАЛИН. В обморок она не упала, но уже очутилась на Лубянке и на Колыме. - Возьмите, - говорит редактор, - уничтожьте все экземпляры с копиями и напечатайте заново.

Еще она делала очень красивые искусственные цветы — не лишнее в то время искусство. Ирка у нее училась печатать вслепую, когда пошла работать корректором в Бауманский институт, в какой-то научный вестник, провалившись в пединститут (чему после очень радовалась). Делать цветы тоже научилась, инструменты настоящие достала (бульки), руководство, делала розы и букеты в подарок, даже на заказ — Нютке и кому-то еще. После в Доме моделей очень пригодились.

Бывал друг детства Юлий Эрнестович Стурцель. Жил в Загорянке с женой и дочерью Татьяной, Ириной ровесницей. Когда дед с бабкой к ним ездили, брали нас. Деревянный дом с садом, удивительная у них росла желтая малина. Кажется, преподавал где-то английский, немного занимался с Ирой и Таней.

Их было два брата, Юлий и Арнольд (Юля и Ноля). Юлию повезло, а Нолю с женой сослали на Арал как немцев Поволжья. Юлий Эрнестович писал и помогал брату.

Вернулись они где-то в 55-56 году. Тоже к нам приезжали, рассказывали, как тяжело там было. С Юляшей дед играл в шахматы, когда он к нам приезжал.

Есть фото этих друзей, но не всех и уже здесь, в Метрогородке. Это когда к нам приезжали бабушкины родственники из Франции.

Не думайте, что у нас на шкафу помещен портрет императора. Ни в каком случае!!! Это портрет генерала Куропаткина!!!

Вот почему он здесь, другой вопрос. Его принес кто-то из молодых гостей, нашел выброшенный, взял и принес. Нам показалось смешно, мы и повесили. Кажется, Куропаткин — антигерой русско-японской войны. Было много шуток насчет «благословить портретом генерала Куропаткина» (как у Чехова — писателя Лажечникова). Скрещенные сабли — у нас тогда водилось холодное оружие, но не семейное. Текинский ковер исторический, куплен и

подарен бабушке на свадьбу до или во время первой мировой.

Стоят сзади Арнольд и Юлий Стурцели.

Сидят справа: Ира в самом низу, выше Таня Стурцель. Рядом с ней мама, выше — Таня и я. За столом в торце Маргарита Федоровна Шадрина, рядом Ирина Генриховна, дед Сергей Александрович, дядя Ося, гость из Франции. Снимает на полароид гостя, Дениз или Жанна.

Дядя Ося — бабушкин дядя, может быть двоюродный.

Здесь не видно у него маленькую ленточку Почетного легиона за Резистанс. Чудесный человек. Это поколение говорило по-русски, он потом писал Ире, посылал ей модные журналы.

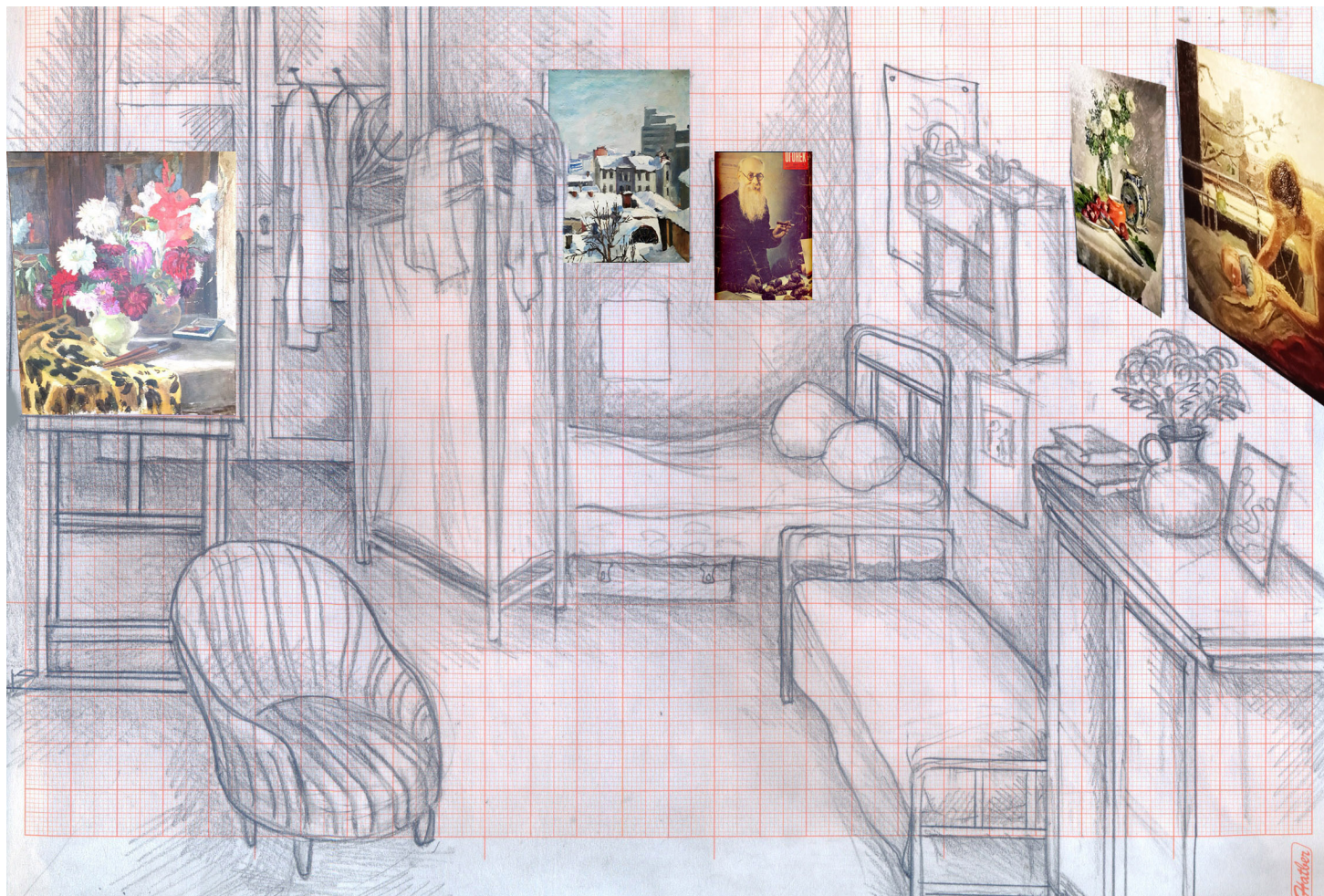
И.Д. Несколько раз я гостила у Стурцелей в Загорянке. Таня катала меня на раме велосипеда и водила на деревенские танцульки. Потом Таня попала под поезд, причем так, что пролежала между рельс на всем движении состава. Осталась почти цела, но все же стала инвалидом.

Здесь мы совсем недавно переехали. Оригинальный абажур — мое изделие из ириса, вязала когда-то и бросила, мама закончила. Натянули на хула-хуп.

На Маркса-Энгельса бывал у нас некий дядя Женья, чей он был дядя неизвестно, дальний родственник, кажется все же дедов. Маленький старичок, очень бодрый и энергичный и слегка сумасшедший. Любил ходить в Политехнический музей, оттуда к нам и заходил. Пришел и рассказал, какое там выставлено замечательное изобретение, типа фонографа, всем предлагают что-нибудь сказать. Он отважился и прочел собственную басню, очень по его словам острую. Его записали, он послушал, и все кто был рядом. Прошелся по залам, вернулся и захотел еще прослушать. А они уже стерли! Ага, испугались!

Еще любил маму и однажды подарил ей облигацию 3% золотого займа, все растерялись. В трудную минуту мама ее продала. Был он художник-любитель, писал маслом маленькие пейзажи, один. Жили они где-то в Сокольниках, в одной из некогда роскошных дач, помните у Чехова все уезжают на дачу в Сокольники... Что это было! Как будто все в доме, включая лестницу, двери, стены, полы, стулья, все состояло из пепла истлевших бумаг и старых кружев... а за обоями и под полом... что клопы — мыши...

Наша комната в другом конце. Дверь, высокая, двустворчатая, открывалась только одной половиной, вторая продолжала стену. На ней внутри висела наша одежда, пальто, а со стороны коридора верхняя одежда гостей. Главные действующие лица здесь — мольберт и ширма. Кресло отчасти тоже. В нем и на нем обычно лежало выстиранное белье или сменная одежда. На мольберте висели полотенца, если только не стояла свежая картина. На ширме тоже что-то висело. А на постелях часто лежало, под кроватями стояло...

Мольберт присутствует и на довоенных фотографиях. Его поставили, когда отец поступил в училище, а может быть и раньше, пока готовился. Войну мольберт пережил, не ушел в буржуйку, и дожил почти до переезда в 63 году, мама писала на холсте натюрморты. Ставила на несколько дней. На этом шкафчике, наверно — вот на нем и ваза стоит, тоже часть «натюрмортного фонда». Этюдник должен быть под кроватью, под одной из них — здесь нарисован большой чемодан, но мог и этюдник поместиться. Кажется, позже у нас было два этюдника. А вот где держали холсты? Холст на подрамнике довольно громоздкая вещь. Но их не заготавливали впрок. Подрамник заказывали мастеру, натягивали холст и грунтовали сами, грунт тоже сами готовили из столярного клея и зубного порошка. Большею частью писали, конечно, на готовых грунтованных картонках, в крышке этюдника можно было хранить 2-3. Писали натуру, природу, натюрморты в студии. Складывали в стопку и куда-то задвигали. При переезде мама не взяла с собой целую стопку летних этюдов, из разных мест — Медное, Раменье... в Раменье мама писала закаты, наш палисадник очень удачно смотрел в ту сторону, мама пыталась несколькими мазками уловить мгновенно меняющееся представление. Мы много тогда побросали. Писать мама бросила еще раньше. Может быть, когда ушел из студии Хазанов. О СТУДИИ расскажем отдельно.

Дед, Алексей Павлович Герн, мамин отец.

В начале войны мы с мамой отсиживались у него, на селекционной станции «Петровская», под Пензой, деревня Даниловка. Младший сын деда, мамин сводный брат Олег, мой ровесник. Наверно, мы с ним играли на полу, нам книжки читали. Ирке позволяли залезать деду на колени и дергать за бороду. После войны мы провели там два лета, очень интересно, совсем другая зона, другой климат, растения. Почти степь. Собирали колоски, сено ворошили, зерно сушили. С Олегом слегка озоровали. Дед приезжал в Москву по селекционным делам, останавливался у нас. Спал, наверно, на раскладушке — или мама кого-то из нас брала к себе.

Многое о жизни селекционных станций мы узнали из романа Дудинцева «Белые одежды». В школе мы проходили открытия Лысенко. Дед получил кандидатское звание и орден Ленина в 65 году, одновременно с пенсией, и прожил после этого недолго, но мама успела побывать у него и показать ему правнучку, Катю. Традиционное «Лето в Даниловке».

Когда Музей занимала «выставка подарков» сами знаете кому, наши люди и там отметились! Одним из экспонатов был квадратный стеклянный шкаф, он

вращался на ножке, в нем, в ячейках со спичечную коробку, помещались семена сортов, выведенных нашими учеными. От Петровской станции было льняное семя. Кстати, дед занимался льном еще в Твери. Это был очень красивый экспонат! Мы всегда сначала шли к нему, вертели и отыскивали свою коробочку.

И.Д. Помню, как неожиданно приехал поздно ночью дед Алексей Павлович, «Липал». Борода, сапоги и мешок за плечами, рюкзаков не было. Привез какие-то сельские дары, кажется, мед и сало. Пока его встречали, другой дед, Сергей Александрович, собрался и пошел докладывать о госте - кажется дворнику, в обязанности которого входило в том числе следить за подозрительными и докладывать куда следовало. Мне кажется, что дед приехал тогда на ту самую сессию ВАСХНИЛ (значит, 48 год). Потом еще несколько раз приезжал. Привозил или присылал продукты. Мы любили чечевицу, тогда она была редкость...
На предыдущей странице это же фото – на обложке журнала «Огонек». А.П. тогда присудили кандидатскую «по совокупности работ» и дали орден Ленина.

Однажды на каком-то важном совещании в Минсельхозе, рассказывал, встретился у лифта с Буденным. - Только после вас. - Пожалуйста, проходите, вы старше. - Вы старше, Семен Михайлович. – Нет, вы. У вас же борода, а у меня только усы.

Еще одно приключение с Буденным. Мамин сокурсник, Митя (Дмитрий Николаевич) Домогацкий, выставил на отчетной выставке МОССХа, осенней или весенней, в Доме Художника (Кузнецкий мост) картину. Мы на все эти выставки ходили: у кого из знакомых портрет, у кого натюрморт — а у «Мити Домогацкого» картина во всю стену! «Над родным простором».

На Родном Просторе на первом плане резвятся рыжие лошадки, а дальше все табуны, табуны... И на совсем главном плане — вожди: И.В., иже с ним, и Сем. Мих. А напротив, на том же плане, жеребенок тонконогий, рыженький (они гораздо умильней котят, верьте слову) выбежал и с восторгом взирает на И.В.

Это Сем. Мих. демонстрирует Вождю свое достижение, буденновскую породу лошадей, выведенную его трудами и усердием. Они правда очень хорошие лошадки.

Картину у Домогацкого Буденный тогда же на выставке купил (искала, не нашла). Торговались они, художник потом друзьям рассказывал, чисто как барышники.

- Куда же больше? - вызывает покупатель. - И так по 300 рублей за голову!

- А за эти головы, Семен Михайлович, сколько? - ехидно спрашивает автор, указывая на группу вождей

Изредка навещали нас сестры деда, Юлия и Варвара Павловны, Юля (в середине) и Варя, старые народоволки, дворянки с гимназическим и педагогическим образованием, жили они в Лосинке при больнице, в приспособленной для прозябания террасе второго этажа. Нищие, бесконечно добрые старухи. Ничего они не ждали от жизни, но от нее не отказывались: видите — на стене карта мира. У них был когда-то приемник, в начале войны они его сдали, как положено, а когда все кончилось, забрали обратно. Мы когда приезжали, слушали. У них были друзья, они ходили навещать какую-то неадекватную знакомую женщину.

Там же, на половине террасы, жила бабушка, Валентина Витальевна Герн (баба Валя), о ней речь будет идти то и дело. Почему расстались бабушка и дед — не знали даже их дети, что уж говорить о нас. Что-то было серьезное, Алексей Павлович даже сестер не навещал, когда бывал в Москве, не заезжал в Лосинку.

Терраску наконец снесли вместе с домом и больницей, теткам дали комнату в коммуналке. Они вызвали и поселили в той же комнате родственницу, калеку, которая жила прежде в Вышнем Волочке с сестрами, и осталась одна.

Мама любила теток, хотя мы над ними между собой смеялись над Варварой, ее изречениями. Юра особенно уважал Юлю, ездил советоваться с ней. Они к нам изредка приезжали на детские дни рождения, с подарками, мы к ним ездили и детей возили.

Юра Герн советовался с теткой по важному вопросу. Он закончил ВИЯГ, закончил блестяще, ему готовили работу в Европе, оставался пустяк: заполнить анкету, ответить на вопрос: В какой партии состоя ваш отец? Написать «не знаю» или написать «эсер»? Татьяна, сестра, прошла это испытание. Откуда ей знать? Отец оставил семью, когда они были еще детьми, в семье ни о чем таком не говорили. Ей сошло. А Юра не мог решиться. Юля посоветовала: напиши правду. Они наверняка уже проверили, и к тебе всегда останется подозрение, что знал и попытался скрыть. Они кое-что повидали в своей жизни, забытые старухи.

Юра так и сделал. Вместо Парижа его отправили в Казань преподавать в Суворовском училище французский язык. И это было лучшее время его жизни, у его учеников тоже: они собирались со всей страны на юбилей училища, на встречу с ним, почти до начала 10-х. Там он и женился на Веронике, она преподавала английский в каком-то ВУЗе. Они встретились и договорились давать друг другу уроки.

За границу он ездил потом на важные дипломатические встречи как синхронист, преподавал в Сорбонне, преподавал в ВИЯГЕ — главный его дар был, конечно, в этом. Устраивал лыжные походы, в юности он был чемпион московского округа.

Командовать парадом буду я...
Юрий Алексеевич Герн
1924 - 2018

Герн Олег Алексеевич
1938

Мамины братья, родной — Юра и сводный Олег. Олег мне тоже почти брат, по возрасту и детским воспоминаниям: как мы с ним лазили по чердакам в Даниловке.

Мамина сестра Татьяна после стажировки в Италии вышла замуж за своего начальника и уехала с ним в Бельгию, в посольство. Он был культурным атташе. Как все понимают, должность ответственная, он организует культурные мероприятия, на которых, например, Жолио Кюри встречается с Улановой. Или собираются вспомнить Родину, поговорить по-русски, бывшие оstarбайтерки, благополучные гражданки Бельгии. Михаил Сергеевич и Таня застали там Международную выставку в Брюсселе, в 1958 году, Атомиум видели своими глазами. Они там махнули на все рукой, не скряжничали, снимали квартиру. Тетка, вернувшись, иногда плакала: как там все было хорошо, удобно, просто... какая у них машина была — игрушка!

Зато они застали там начало конца колониальной системы! Бельгия потеряла Конго! Кончилась лафа, электричество дорожало, шахтеры бастовали. Ну вот тут как раз они и уехали. Отдохнули немного и уехали в Марокко. Там тоже что-то началось...

ДРУЗЬЯ, СТУДИЯ, МУЗЕЙ

Искусство жизни, или жизнь Искусства.

Друзья мамы и отца. Коля Маслов.

Один друг папы и мамы носил меня на руках, до войны. Я тогда была пеленыш, а маме очень захотелось чуть-чуть погулять. Она попросила отца присмотреть за мной, а сама быстренько отправилась в Музей западной живописи — лучшее место в Москве, благо совсем недалеко, с Колей Масловым. Это был школьный друг отца и мамин официальный поклонник. Не успели они насладиться любимыми полотнами, в зале появляется отец с младенцем на руках. - Что случилось? - Мне скучно стало. - В музее меня носил Коля.

Коля водил маму на прогулки и провожал домой, на углу Фрунзе и Маркса-Энгельса они целовались. Тогда на перекрестке стоял милиционер (как же, кремлевская трасса!), он нашу семью знал и грозился: смотри, Шурке скажу!

По одной версии, он как-то спас мне жизнь. Мама везла коляску по тротуару, и вдруг из окна дома вывалился цветок в горшке, а постовой успел подскочить и подхватить... Это невозможно, мама рассказывала по другому: горшок упал в коляску, но поперек, большой фикус или кто там, накрыл меня целиком, а милиционер подбежал и сунулся в коляску с криком: - Наташка! - а я даже и не проснулась.

Коля Маслов, как было у многих тогда принято, договорился с отцом: если отец погибнет, он возьмет его семью. Но погиб первый, в самом начале войны, не в бою. Ехал со своей частью на машине, немцы бомбили шоссе. Сколько их, за кого и молиться-то некому, карточки хранить!

Я знала в жизни человека, который такое условие выполнил — женился на вдове фронтового друга, у нее дочь была. Тоже художник. Удивительно добрый и несчастный человек. Его очень многие знали, он был долгие годы художественным редактором журнала «Пионер». Почему эти создания, которым благородному человеку бы ноги мыть и воду пить — считают своим правом выместить на нем свои утраты и обиды? И мать, и дочь совершенно помыкали бедным Павлом Ивановичем, жаловались что денег мало, попрекали, что не умеет в жизни устроиться. Своих детей у него не было. Он пил, за это ему тоже доставалось. В редакции его жалели и покрывали. И ценили — работник он был прекрасный. И художник хороший, пейзажист, это выяснилось во время посмертной выставки. У него была мастерская на Нижней Масловке, он там отсиживался и отлѣживался.

- Да разведитесь вы, - говорили ему сотрудники уже в 60-х, - они вполне устроены, дочь работает, все у них есть, вы сделали что могли. Оставьте им все, живите в мастерской. Зачем вам терпеть издевательства?

- У каждого человека должна быть своя повозочка, - отвечал Павел Иванович.

Удивительно, почти такая же история была в жизни К.С.Льюиса. Только он взял на свое попечение мать погибшего товарища, заносчивую эгоистичную особу. Он мучился, терпел и не жаловался. Можно же было как-то разъехаться... но он исполнял свой долг. И эта особа, возмущались фанатки Нарнии, была привередлива до невозможности, буквально изводила его капризами. - Мне ничего не надо, - говорила она, - я ничего ни от кого не требую. Но современная прислуга такая невнимательная! Мне нужно только в меру сваренное яйцо и в меру поджаренный тост на завтрак... И такого пустяка я не могу получить!

Прислуга у них не держалась. А Льюис отомстил ей в Письмах Баламута, изобразив такую даму как готовое блюдо на столе Сатаны. Как легкий завтрак.

Белорусский партизан Аркаша.

Недавно на волне страстей какой-то политолог открыл, что в случае чего «белоруссы вспомнят войну и уйдут в леса партизанить». Положим, люди не те, леса не те, белорусское КГБ покруче немецкой разведки; вольно же мечтать, сидя на диване...

Аркаша был одноклассником, возлюбленным и женихом маминой младшей сестры Татьяны. Оба они были очень красивы, учились в подмосковной школе, в городе Бабушкин (Лосиноостровск). Лет им было 19-20 к началу войны. Аркаша ушел воевать, Таня уже училась в ин-те военных переводчиков, ВИАГе.

Было это зимой 43-44 или 44-45? Мы жили в центре, и у нас то и дело бывал тот или иной фронтовик. Однажды появился фронтовик в невероятно роскошном, огромном белоснежном тулупе. Аркаша с группой товарищей получал обмундирование для переброски в тыл врага. Наверно, в Белоруссию.

Он остался ночевать. У нас были две кровати, на одной — мама с крошечной Таней (назвали в честь тетки), на другой мы с Ирой. М.б. кто-нб еще тогда ночевал? — не помню, но Аркаше постелили его шикарный тулуп на полу, наверно подушку и одеяло нашли. Нам дали посидеть на тулупе и потрогать мех. Стали укладываться, и тут Ирка — было ей 4-5 лет — завопила, что хочет обязательно спать на полу. «Ведь я еще никогда в жизни с партизаном не спала!»

Взрослые почему-то засмеялись.

Аркаша с войны не вернулся.

Серёжка Виктор и Фолья Закин.

В войну заезжали друзья отца, заезжали как-то и позже, проездом, но не запомнились. Ещё один однокурсник по училищу «5 года» воевал и вернулся — Сергей Виктор, Серёжка, похожий на долговязого подростка с маленьким лицом и встрепанной шевелюрой. Тоже рядовой. Иногда ставили в пример: вот Виктор ушел на фронт с тяжелой язвой желудка, и всю войну прошел, и ничего (чуть ли не вернулся здоровым).

Пожалуй, из всей компании он был самый способный художник. В МОССХ они все вступили, но он один жил живописью. Получал заказы на большое сюжетное полотно. Скажем, «Студенты выпускают стенгазету» - висит в МГУ, я там где-то сбоку, и на другой картине иду с толпой счастливой молодежи по Тверской. На Тверской у него была мастерская где-то под самым небом, пополам с Фёдей Глебовым, мы все ему позировали, особенно дед. Однажды я поработала Чапаевым: нужен был этюд бурки на сидящем человеке. В огромной неподъемной бурке усадил меня на табурет и велел обернуться и сказать что-нибудь через плечо. Я сказала: «коммунисты продали Россию...». Он сказал, что тех лихих рубак надо писать с женщин: они маленькие и пластичные. Этой картины никто потом не видел, их заказывали для

провинциальных музеев.

Картина есть картина, тут одного согласия писать не по зову сердца, а по заказу недостаточно, надо много уметь. У других вот не получалось. Фолья Закин зарабатывал на жизнь перепиской с художниками-любителями, инвалидами. Затея, чтобы инвалиды войны могли приобрести профессию, на самом деле маленькая кормушечка. Инвалидам это очень нравилось, они ставили натюрморты, писали, тоже и портреты жен и детей писали, присылали в Москву, получали указания, как им себя совершенствовать. Ведь это в большинстве были «лишние люди»... Позже он обобщил свой опыт, защитил диссертацию.

Фолья часто бывал у нас, приносил гвоздики шабо и шоколадные наборы с оленем. Кажется, ухаживал за мамой, водил ее в кино. Смешной грустный человек, маленький, худой, с копной пепельных волос и большими голубыми глазами. Любимый гость: входил и очень смешно рассказывал еврейский анекдот. Тоже фронтовик. Призвали рядового необученного, дослужился до сержанта. С ним тоже там был анекдот: приказывают сесть на коня и скакать в штаб. Что делать! Взобрался на седло и поскакал. По дороге потерял валенок. После войны оказалось, что в своей компании боевых наград у него было больше всех.

Мама часто болела, легкие, последствия частых воспалений в детстве, позже это обернулось туберкулезом. Тогда она часто температурила, быстро уставала — работала, как почти все женщины, сверх сил, боялась, что подумают: притворство... Когда могла, ложилась пораньше. Фолья со своим приглашением иногда заставлял ее уже в постели, но она немедленно вскакивала, одевалась и шла с ним в Художественный. На какую-нибудь «Сестру его дворецкого», «Маленькую маму», «Петера». Бабушка Валентина Витальевна, «баба Валя», поддразнивала её:

*Какая хрупкая натура!
У ней всегда температура.
Когда ж в кино надежда есть -
Тогда, конечно, 36.*

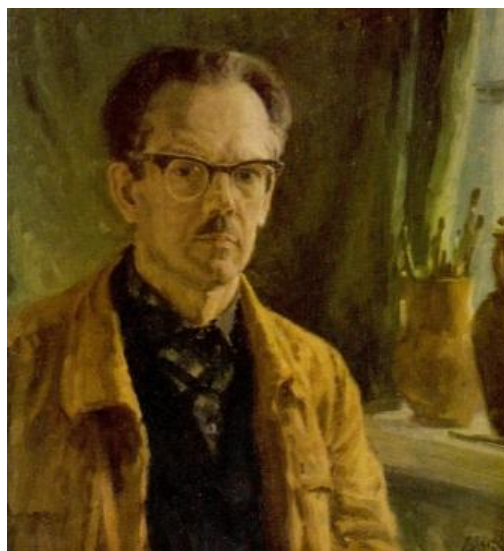
Если мама не могла встать даже ради кино, Фолья приглашал Ирину Генриховну.

Когда в Музее открылась Дрезденская галерея, к нам то и дело заходили мамины друзья и подруги, художники, кто из очереди забежал выпить чайку, кто приходил поделиться. МОССХ был на подъеме: правительство решило, для-ради культуры и просвещения, сохранить копии знаменитых картин — может не самых знаменитых, а так, попроще. Все, кто мог, добивались заказов. Сережке Викторову повезло получить заказ - «Святую Инессу» Рибейры. Под эти заказы художники выписывали себе краски чемоданами. Викторов ликовал: а на неё надо-то - тюбик охры, тюбик умбры и тюбик белил (у неё распущенные золотые волосы до полу на темном фоне)! Запаслись на многие годы. Куда-то потом эти копии дели, по провинции, наверно, разослали. Не создавать же «Музей копий» в Москве.

В то же время заканчивали строительство МГУ на Ленгорах, готовили открытие, была художникам еще одна приличная кормушка: заказы получали даже не самые шустрые, и платили отлично. Кто-то из их компании рисовал с мамы углем портрет Марии Кюри, я его потом видела на физфаке.

Кроме заказов, Союз художников мог купить у художника одну картину в год. Их куда-то складывали, в какие-то подвалы. Еще член Союза имел право на посмертную выставку. Там МОССХ тоже мог купить какие-то картины, «творческие», если были такие, на радость семье. На выставке Викторова видно стало, что художник он был замечательный. Несколько натюрмортов, которые он писал для отдыха и развлечения, и потрясающий автопортрет — он тогда уже почти ослеп, у него была глаукома. Он и умер от глазной операции, не вышел из наркоза.

На какой-то выставке в Манеже была его последняя попытка - Маяковский и Блок у костра - дни революции.. «я узнал, удивился, сказал - здравствуйте Александр Блок..» Очень слабая, даже старая дружба не позволяла найти достоинства. Лебединая песня не удалась.

Однажды Викторов пришел к нам с перевязанной рукой: сломал мизинец. К нему ночью забрались грабители. Он проснулся от шороха, вскочил (в постели перепуганная жена), на него поперли, он схватил стул и стал отбиваться. Испугались шума и убежали. В милицию обращаться не стал. Через несколько дней, говорил потом, встретил на улице одного из них; тот выразительно поднес руку к кепке, выразил уважение. Жена его почему-то называлась «Бармалеиха», в гости к нему никогда не ходили, и она с ним тоже нигде не бывала.

Еще один художник, Юрий Щетинин, преподавал рисунок в Доме Ученых, потом в Суриковском, там же вел курс промышленного дизайна, коллекционировал фирменные знаки. У него были большие претензии, он собирался совершить нечто невиданное в живописи... Смешной был человек. Они все были смешные, но Щетинина никто не принимал всерьез: он же не воевал. Он был старше их компании года на три, успел поступить в Суриковский, дошел до старших курсов и оказался в эвакуации в Самарканде. Сталин любил художников, ценил наглядную пропаганду. Много рассказывал потом о Самарканде. Не об архитектуре тимуровского времени, о том, как им жилось. Мы с ним долго дружили, почти до его последних лет. А познакомились году в 44, в Медном, он вернулся из эвакуации, приехал навестить «Люсю Майкову». Смешной круглый человек в панаме. Его отправили с нами в лес — Ире-то было года 4. И мы тоже в панамках и в беленьких сарафанчиках.

Лес начинался сразу за забором, прекрасный, свежий лес, цветы, ручей — в ручьях тогда водились раки, во множестве, но раков мы ловили в другой раз, а тогда очень скоро мы набрали на лисички. Щетинин был страстный грибник, он чуть не в последнее свое лето ездил из Москвы куда-то на электричке за грибами, хотя уже еле ходил... Тогда мы сняли панамки и набрали их до полна. Наш гость снял рубашку и в нее набрал, а лисички все так и лезут! Мы сняли сарафаны и тоже в них по горсточке завернули. Он подговаривал нас еще и трусики снять.

Вместе со студентами в эвакуации были преподаватели, великие Фаворский, Кибрик. Фаворский справлял день рождения: во дворе общежития сидел в пальто у керосинки, жарил оладьи. Угощал гостя — Кибрика.

Щетинин не мог понять, как Фаворский, известный художник, со многими знакомствами, даже не попытался освободить сына от армии.

Странный он был человек. Тоже построил мастерскую на чердаке, на верхнем этаже большого дома у Парка культуры. В порядке той же компании Союза художников: кооперативное строительство на очень выгодных условиях, получалось почти даром. Но обязательно на двоих. У Юрия Александровича с соседом вход был отдельный, вообще лафа: огромная, высокая светлая комната с водопроводом и туалетом, с газовой плитой, живи не хочу, как в «Хищных вещах»: хотите монастырь устраивайте, хотите бордель. А можно было явочную квартиру. Щетинин боялся, что сосед следит, кто к нему ходит, и доносит (не исключено). Он всего боялся. Его старший брат сгинул в лагерях.

Реальность и мечты. Щетинин оформлял книги Бёлля, очень неплохо - в суровом стиле. Эту свою работу и писателя ценил высоко. Но мечтал о другом... У него был проект роскошного издания Франсуа Вийона, огромная книга в А3, с узкой строчкой текста посередине страницы и полосными иллюстрациями - вот эскиз. Намечалось что-то жестокое, грубое, сюжет на эскизе просматривается... но ни одного рисунка он не завершил. И даже издатель нашелся, в перестройку, основатель надомного полиграфического предприятия... Но тоже ничего не издал.

Кстати, он был дальтоник и работал поэтому в графике — иллюстрации, плакат, фирменные знаки. Сначала, в юности, он готовился стать строителем, учился где-то, проходил практику в рабочем поселке (в 30-х). Быт и нравы барака потрясли маменькиного сынка. Всю жизнь, уже став официальным художником, он работал над серией монументальных картин и эпической повестью о двух сестрах в этой среде. Писал черной и белой гуашью на оргалите мрачные сцены, но ни одной не закончил. Книгу, кажется, закончил, отправил в Израиль родственникам, многие из семьи уехали, какие-то его картины увезли в Штаты.

Кажется, в начале нулевых у него взяли интервью для «Свободы», мы слышали. Интересная история, интересная семья, рассказчик он был прекрасный. Какое-то время до войны он посещал студию Филонова, тоже оставил воспоминания.

Рассказывал про свою няню, сущая была Арина Родионовна; вынянчила его и осталась в семье во время революции. Сокрушалась: вот Шурочка успел поесть куриных котлеток, а Юрочка не успел... полагалось ребенку с года или двух давать куриные котлетки (не путать с рисовыми у Льва Толстого!). Шурочка и был тот брат, который погиб в заключении. Он и здесь дождался выставки в Лосиноостровске... ого, да про него огромный материал вот здесь <http://www.togdazine.ru/project/shetinin/>, с картинками!

Зачем вообще мечтатели шли в живописцы? Сейчас практически невозможно попасть в цех (теоретически тоже). Понятно: эффектная кормушка, если к ней пробиться. Вдохновляет пример Глазунова и Церетели. Тогда - может, недораскрутилась пружина, которая в конце-начале века произвела революцию в искусстве и что-то очень существенное прояснила в общественном сознании? Всё-таки их учителя учились у тех, кто учился в Париже. Кто-то из маминых преподавателей учился у Машкова, в другой группе живопись вёл Крымов. Фамилии вспоминаются с трудом: Фортунатов, Хорошкевич, Ряжский, Руцай, Хазанов. Никто следа не оставил ни в чём.

Когда я, в старших классах, начала активно рисовать в каком-то декоративном стиле, мама спросила кого-то из них, не поступить ли мне в школу при Третьяковке, и кто-то, наверно тот же Ряжский, сказал: Люся, что это за профессия? Вот мы, вроде уже известные, а какое у нас положение, какие перспективы? А если есть талант, там засушат. Пусть так рисует.

Все они были одержимы живописью: халтурить, чтобы прожить, и писать, писать для души, когда только можно. Щетинин говорил, мы думали, будем иллюстрировать книги, а для себя творить... ничего не вышло. Разве иногда выезжали на пленэр. Да у них иллюстрации тоже были фиговые.

Был ещё замечательный Глебуша, Глеб Миронов. Особенно горькая судьба: он был старше однокурсников, его призвали на финскую войну. Он не выдержал - писал домой: не могу видеть человеческие мозги на колючей проволоке. Пытался застрелиться, только ранил себя. Его судили за самострел, приговорили к смерти. Всё училище писало прошения, почему-то сжалились. Он говорил потом: самый счастливый день в моей жизни был, когда я узнал, что мне дали десять лет. Вернулся после войны по амнистии, пришёл к нам с огромной красной рыбой. Он был высокий и страшно обаятельный, хотя не красавец. В Пушкинском внизу стоит раскрашенный бюст Лоренцо Медичи - вылитый Глеб.

Живописи его не помню: он ездил на Домбай зимой, привез кучу ярких, солнечных этюдов, но не превратил свои впечатления в картину. У нас есть его скромный пейзажик.

Он занимался организацией и постановкой знаменитых капустников в МОССХе.

Отец его был богатый книжный коллекционер Миронов, и была невеста - миниатюрная хорошенькая Шурочка Калганова. Тоже занятный персонаж. Не стала дожидаться Глеба, вышла за однокурсника Жору Сателя, оказалась вместе с ним в Самарканде. Они с кем-то ещё рисовали продуктовые карточки и продавали на базаре - дело подрасстрельное, но очень уж кушать хотелось, Щетинин рассказывал. Сам он правда не рисовал - не рисковал. Зато он с приятелями убил и съел собаку, не бродячую, а у кого-то из эвакуированных. И пожертвовали кружку собачьего сала другому эвакуированному, чахоточному. Шурочка ничего не боялась. Однажды у вокзала обнаружила кучу угольной крошки и пыли - быстро сбегала за ведром и всю её распродала.

Позже, в Москве, Сатель получил сталинскую премию третьего разряда за небольшую картину про ремесленников - «Мастер и ученики». Чистенькие умненькие мальчишки, все явно с одного подростка, и умудренный рабочий-наставник. С этой семьей мы дружили, у них были мальчик и девочка наших лет, приезжали к нам на праздники, которые бабушка Валентина Витальевна тут же превращала в детские праздники с шарадами, играми, выступлениями, «письмом в ТАСС», «чепухой»... Места хватало и на подвижные игры, «кольцо-кольцо», «каравай», «сиди-сиди Яша». Однажды бабушка устроила маскарад для узкого семейного круга, но он получился такой удачный, что она повезла нас, сестер, к Сателям на метро, прямо в костюмах. Ира была чертенком.

И.Д. Раз уж пошел разговор о семейных переплетениях.

Жора Сатель учился в одном классе с отцом, а потом вместе в Училище 905-го года Шурочка Калганова жила с нашими тетками и бабушкой в одном дворе в Лосинке. Кажется, дочка дворника. Дружила с Таней, была первой возлюбленной Юры.

Спросила Юру о первых подружках, сказал: забыл, но вот Шурочку помню. А она один раз дала бабе Вале свое фото *ню*. Бабушка поняла правильно и отдала Юре, который уже был женат на Веронике и жил в Казани. Это не прибавило Веронике любви к бабушке.

Самарканд. Живопись. Г.Сатель.

подарок богатого деда, оставившего в свое время семью, его там не очень любили и от слона отделались.

В Училище у Шурочки был роман с Глебом Мироновым, а когда его забрали на Финскую а потом и посадили, вышла замуж за Жорку Сателя. Была с ним в Самарканде. Сатель стал художником и даже лауреатом сталинской премии за картину с ремесленниками.

В дом к Сателям на Котельнической мы ездили с бабой Валею, она поддерживала отношения с Шурочкиной матерью и кажется Жоркиной, первой женой Эдуарда Адамовича. Саша ровесник мой, девочка Леночка — Танина. Были какие-то детские праздники, один или два. Еще раньше. В витрине Военторга среди детских игрушек был огромный (как нам казалось) слон, сшитый из ткани.

Однажды нам такого привезла от Сателей баба Валя. Я догадывалась —

Марина Сатель, сводная сестра Жоры, училась в 57ой одновременно со мной, но в параллельном классе. Я про нее знала, но не была знакома. Когда в 8-м классе нас соединили с мальчишками, мой класс вывели в другую школу, а я осталась в одиначенька в чужом, она тоже. Подошла ко мне и сказала: будем дружить. Стала моей главной подругой на много лет. Я очень много времени проводила в их доме, благо у нее была отдельная комната. У нас на Марксэнгельса она конечно тоже бывала, вернее заходила.

В Самарканде, в общежитии эвакуированных художников, Щетинина разыскал наш отец. Он там долечивался после ранения и контузии. Подарил буханку хлеба и перевернул восприятие жизни полностью: мы все, говорил Ю.А., думали, что война проиграна, остались какие-то месяцы, и что тут с нами будет в Узбекистане? У отца даже и сомнений не было: мы победим, что еще может быть. «Он был прирожденный военный», сказал нам Щетинин.

Кажется, все мамины друзья были художники. Неудивительно, дружба юности.

Родители занимались в «Училище памяти 1905 года» живописью, композицией, анатомией, графикой, конечно изучали общественные науки, а также историю и литературу, а по-настоящему учиться ходили в Музей Новой Западной живописи на Кропоткинской, при них его и закрыли.

Открыт был Гравюрный кабинет Пушкинского музея, там студентам давали смотреть папки с гравюрами XVI века. Сиди и смотри, кому кроме художников это надо. Рисовали гипсы в Пушкинском. Занимались спортом. Мама гребла и плавала. Какая жизнь! 18 лет! Сколько друзей! Сколько романов! Сколько стихов!

Мама легко находила друзей, где бы ни оказалась: в туберкулезном санатории, в Аэгвийду в Эстонии, в литературном поселке Снегири под Москвой, где она устраивала детям романтическое лето, в круизе по Волге, в Алма-ате у Иры. Здесь, в Метрогородке, у нее подобралась замечательная компания, они превращали глиняные канавы и лужи в японские садики. Самой близкой подругой на долгие годы стала соседка в подъезде Ангелина Михайловна, Ангелиночка, геолог, в самые тяжелые годы — начальница геологоразведочных партий в самых недостижимых местах. Они встречались почти каждый день, Ангелина Михайловна училась у мамы вязать — с нуля до вполне модного свитера для старшего сына. Мама в это же время изучала на курсах макраме.

Маме хотелось учиться всю жизнь. Она всегда где-нибудь училась, на курсах кройки и шитья (чтобы нас кормить), в студии - для души, после войны пробовала поступить на вечерний Истфак. Не приняли — русский язык сдала на тройку. По диплому училища она могла преподавать рисование в школе... более жалкое положение трудно себе представить. Друзья посоветовали поступить в студию ВЦСПС, к Хорошкевичу. Там требовалось подтвердить свой уровень, показать работы. Всю весну и лето 45 года в Медном мама выполняла задания, писала натюрморты, писала нас, пейзажи. В студию ее приняли.

Одна из студий

Да... Хорошкевич был, оказывается, не просто учитель живописи.

Леонид Николаевич Хорошкевич - сын архитектора-модерниста. Сначала учился у отца и крестного, Машкова, потом в студии Юона, с 17 лет сам преподавал рисунок и черчение в детских колониях и школах, продолжая учиться в Строгановском училище и во ВХУТЕМАСе у Архипова. В 1924—1926 годах служил в Красной Армии. Преподавал с 1926 года в школах, в училище Метростроя, в Училище памяти 1905 года. Участвовал в выставках, работал как график-станковист и иллюстратор, увлекся живописью, преподавал в Строгановке. В 41 году остался в Москве и в 1942 г поступил в Студию Изобразительных

Искусств ВЦСПС, преподавал до её закрытия в 1948 году, позже в студиях театральных художников и модельеров. Попал под «кампанию по борьбе с космополитизмом» за «буржуазный формализм и эстетизм». В 1955 году исключен из МОСХа. В 1956 году скончался. Мама и все ее друзья собрались проститься с учителем и... в общем, это был шок. Учителя отпевали в храме. Некоторые вошли внутрь; другие постеснялись.

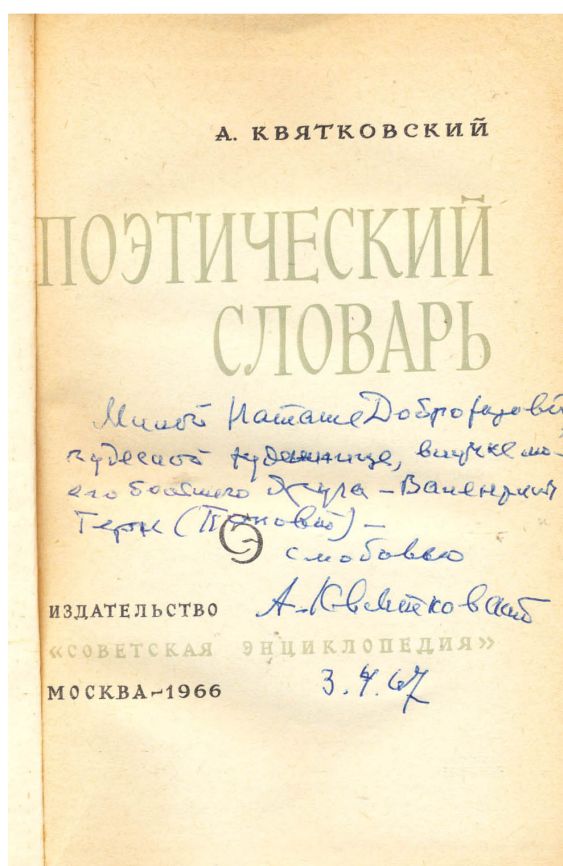
И вдруг неожиданно: *Был близким другом Даниила Андреева.*

Это уже не ниточки судьбы, это сеть с ячейками. Понятно, студенты и молодые художники про Д.А. не слыхали, но когда наше поколение его открыло и разговоры дошли до Щетинина, он сказал: а я ведь его видел. Очень молчаливый красивый мальчик. Он вырос в семье Дурново (семья врачей, близких друзей матери Щетинина, она сама была врач).

Один из наших случайных посетителей году в 60 был племянник Д.Андреева, внук Леонида Андреева, парижанин, переводчик-синхронист, международник. Звали, кажется, Александр.

Как не запутаться в друзьях? Мамиными друзьями были друзья бабушки Валентины Витальевны: Александр Павлович Квятковский, Губеры, семья сестер Ивановых — и наши друзья становились ее друзьями. И почитателями. А мамини и бабушкины друзья нашими. Как-то бабушка пришла и сказала: Я встретила Сашу Квятковского. Он завтра придет в гости. Назавтра я и ждала какого-то «Сашу»...

Пришел стройный лысый старичок. Немножко посидел, немножко поговорил с мамой, познакомился с нами. И стал другом на всю жизнь. Его давно нет, а он все равно наш друг.

Александр Павлович Квятковский
1914 - 17 ?
рисунок Валентины Герн (Поповой)

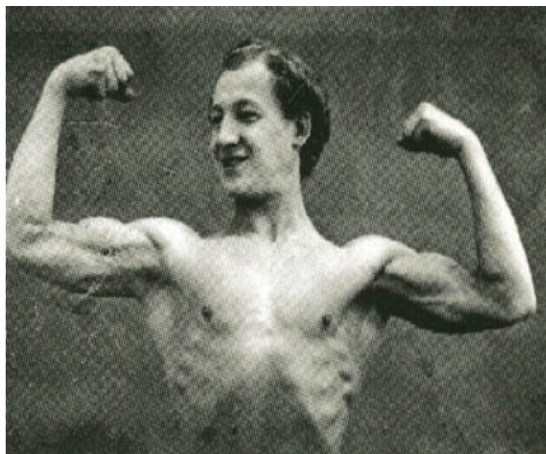
Приходил он не часто, ненадолго, на общих праздниках не бывал. Заходил, наверно, из библиотеки. Мы стали бывать у него в Козицком, когда подросли, познакомились и подружились с его сыном Володей в студии. Знали, что он литературовед, но плохо себе представляли, чем занимаются литературоведы. И все это время, как и много раньше, А.П. мечтал издать «Поэтический словарь». И даже уже почти не мечтал издать «Ритмологию».

Поэтический словарь издали, трудами и под редакцией Ирины Роднянской, и переиздали, и наконец «Ритмологию» - но до этого торжества он не дожил. А тогда, в первые дни, получив и раздаривая авторские (нам тоже), он, как говорила Ирина, ходил с расстегнутым портфелем, где лежал весь гонорар, и советовался с ней: кому еще дать?

Все предыдущие годы А.П. жил практически без денег и без работы. Припомнили ему и Колчака (был принудительно мобилизован, бежал), и какие-то барнаульские газеты, и кружок конструктивистов. Арест в 33, ссылка в зону Беломорканала, про это мы не знали, но что не мог устроиться на работу и почти нигде не печатался, было видно. Войну переживал в Москве. Старший его сын, Ярослав, говорил, что военный дневник отца совершенно не интересный: нет денег. Нет хлеба. Холодно. Володя болеет. Идеологически неблагонадежный, репрессированный, формалист.

В порядке оттепели в 64 его приняли в Союз писателей, в 66 издали наконец «Словарь поэтических терминов», в 68 он умер. Издать «Ритмологию» просили Лихачев и Шкловский, но издали совсем недавно, в 2008 году какие-то безумцы в Петербурге. Она запоздала лет на 50 — что там, лет на 70. Какую она бы тогда вызвала дискуссию!

Это так, канва. В жизни был вход со двора на узенькую лесенку, какой-то очень неудобный поворот к узкой двери, маленькая комната сплошь в книгах, с довоенными обоями в редких

просветах, с маской Пушкина на стене. Хозяин встречает с радостью, он никогда не занят, хотя раскрытые книги и бумаги только что отложены.

А.П. двигался легко, как юноша, и так же был сложен. (В юности занимался гимнастикой). Смотрел на жизнь взглядом любопытного ребенка. Мог рассказать

множество интересных вещей о литературе, о своей жизни, и рассказывал... ну хотя бы про свой пеший поход из Петербурга в Норвегию к Кнуту Гамсуну — не дошел, а вернулся, его арестовали, и он потом мог сравнить царскую тюрьму с советской.

Но охотнее он слушал нашу болтовню о каких-то новых интересных поэтах, левых художниках, о дурацкой нашей фронде... самым серьезным образом воспринимал стихи Горбаневской и ее саму, принимал Губанова с Басиловой, какое-то их изобретение включил в Ритмологию. Вознесенский прямо зачастил к нему, очень много получил из Ритмологии, А.П. радовался, что дружит с таким молодым, талантливым и уже знаменитым поэтом. А Вознесенский просто перестал к нему приходить.

С ним не чувствовалось никакой дистанции, при всем уважении к его огромным знаниям, жизненному опыту, к рассказам о Беломорканале, тифозном бараке, о людоедстве на Украине. О «Зырянском Рерихе» Жакове, открывшем родство зырянского языка с японским. Книжки давал почитать о поэзии. Вспоминал, как они с бабушкой дружили в Петербурге.

Однажды я ввалилась к А.П. прямо с ребенком, с Катькой (года два). У А.П. было настроение, он говорит: выпьем по рюмочке? Он любил иногда. Вытащил маленький круглый столик, что-то собрал — и мы сидим, разлагодствуем о поэзии, а Катька у меня на коленях тычет пальчиком: пей, мама, пей... Обычно мы за этим столиком пили чай, но один раз я на нем же выгладила А.П. рубашку. Он все переживал: довольно, довольно, только чуть-чуть спереди...

С Володей Квятковским мы дружили отдельно. В студии рисовали и писали, иногда ездили «на этюды», писали где-то какие-то пейзажи, один раз пришли в Козицкий с этюдниками и посадили А.П. позировать. Увлеклись, а он и заснул. Свою работу я там оставила сохнуть, а потом так и не забрала. Кажется, она где-то у Ярослава есть.

Ярослав был женат, инженер, жил отдельно серьезной жизнью, но семейное обаяние никуда не денешь. Пару раз посетил нас на Маркса-Энгельса. Отца он уважал безмерно, позже с Роднянской занимался подготовкой и изданием Ритмологии — мы это втроем отпраздновали. У А.П. было уникальное произведение - «Санная луната», «тактовик», исключительно ритмологическое, Ярослав еще помнил, как его читать, но тогда не смог. Попробовать, что ли? По специальной схеме.

Володя... грустно все с ним получилось. Он был такой же открытый и увлекающийся, как отец, но не защищенный большой культурой. Недаром Талочкин говорил про улицу, куда лучше не соваться. В послевоенные годы Володя попал в плохую компанию. Сидел. Учиться не стал, профессией не обзавелся, чем-то случайно перебивался, увлекся живописью, любительски. Занялся парусным спортом, ходил на яхте по Селигеру, но позже. Дружил он с известными представителями (представительницами) полудиссидентской богемы: Аленой Басиловой, Кирой Сапгир. Приглашал по ночам «на грабеж»: во дворах, у них в частности, сохранялись еще частные кладовые; Володя при них профессионально, невозмутимо взламывал замок и открывал кладовую. Конечно, хранилась там все больше фигня, которую выбросить забыли, но Кира находила занятную старинную мебель.

Володя тогда был уже женат, жил отдельно, дочка у него родилась. Работал во дворе, в мастерской, где писали огромные портреты наших властей, членов ЦК и др. Проецировали фото на огромный холст и раздраковывали. В праздники их развешивали по всему городу.

Время и правда было любопытное, Александру Павловичу должно было напоминать молодость, творческие группировки, эксперименты, родной формализм. Там квартирную выставку устроили, там Бекета поставили, то вдруг литобъединение при заводе устроило чтение Цветаевой... Одним таким литкружком руководил друг и ученик А.П., член Союза писателей. Им было положено нести общественные нагрузки. Он потом был назначен хранителем наследия А.П. Одно время он вместе с Ярославом хлопотал о издании Ритмологии, в конце 70-х, мы тогда втроем встречались, на что-то надеялись. Как бы жизнь как бы кипела. Этот ученик А.П., Сергей Поделков, был высокий могучий красавец, воевал на танке. По старой памяти взял к себе в литобъединение Кари Унксову, тоже ученицу Квятковского. Она хлопотала о публикации своих стихов, а у нас поэт не мог материализоваться из воздуха, он должен был сначала состоять в низовой организации. Но это совсем другое время.

Слова «эзотерика» тогда не было, но всякой чернухи теософского склада было полно. Володькин приятель Парфен доставал спиритические журналы, про полтергейст рассказывали всерьез, мы и сами блудечко крутили, смеха ради, конечно. Главное, чтобы не так, как партия учит.

Александр Павлович живо этим всем интересовался. Да и то, в их юности Брюсов аж некрофильства нагородил (и Блок туда же)!

Словом, Володю занесло к Мамлееву. Он страшно этим гордился, один раз водил меня слушать, так что я и живого этого гнуса видела, не только слышала его байки от Пятницкого.

Остальное рассказывала Ира Роднянская, она была с А.П. до конца.

Квятковского упростили «помочь» какой-то девочке из тяжелой среды, надо было её спасти от плохих людей. Писатель тогда имел право нанять «секретаря» за свой счет. Этим пользовались родственники и друзья, их дети, «тунеядцы» и заочники, справку получали, зарплату конечно нет, платили сами налог за работодателя. А.П. бездомную «кроткую» взял в дом. Многие говорили ему, что не надо бы, очень уж особа сомнительная. Он горячился, ссорился с друзьями... может, последняя любовь, кто знает? Но Володю она соблазнила, украла у А.П. какие-то деньги, чуть не чужие, и исчезла.

Жена от Володи ушла, ребенка забрала, уехала в Ленинград. Володя остался с компанией, как говорили, Циферова, детского поэта. Его там кажется крестили и отправили к бабке колдунье лечиться от эпилепсии. У Володи она была терпимая, припадки довольно редкие, и были лекарства, и постоянно, и на время приступа. Знахарка убедила от лекарств отказаться, у него случился приступ ночью, он был один. Так и умер, на три года пережил отца.

Ира Роднянская была с А.П. до конца. Очень страдала о его душе. Рассказала, как он отпал от веры. Отец его был священник и сурово исповедовал детей (мне кажется это же нельзя?). А.П. вспоминал: он на коленях, под епитрахилью душно, сверху суровый голос: кайся! кайся! Как она его ни убеждала, как ни упрашивала, он уже сильно страдал, и только говорил сквозь зубы: не буду молиться... не буду...

Так она за него теперь и молится. А уж сколько она для него сделала! и Ярослав тоже. Пока они оба живы.

С Володей мы много бродили по Москве. Однажды встречали Пасху на Новодевичьем. Это уже становилось традицией, еще раньше мы с мамой и бабушкой ходили смотреть Крестный ход, стояли под окнами, слушали тихое пение, людей приходило немного, войти внутрь никому и в голову не приходило. Потом это стало модой, правда вполне искренней, тогда и начали организовывать хулиганство. Этим занимался ВЛКСМ. Ужасно было противно! Добились они толп у храмов и драк. И разбудили интерес. У кого какой.

Обычно к Новодевичьему шли пешком к 12 часам, обратно ехали на троллейбусе. Вот и в тот раз, постояли, подышали весенним воздухом и собрались ехать разговляться, не к нам, а к Володиной маме. Она с Алекс. Павловичем давно разошлась и жила с другим мужем где-то там же, в Козицком. К нам мы спокойно дошли бы пешком, потому что троллейбус просто штурмовали, а тут все-таки и ехать далеко, и ждут нас! Володя неуверенно спросил: на колбасе поедим? - а что? На колбасе и поехали. В старых троллейбусах это было вполне комфортно, задний бампер и лесенка сверху, чтобы держаться.

Так я познакомилась со второй женой А.П., матерью Володи и Ярослава. Первая ушла, когда у них от скарлатины умерли две дочери сразу — так говорила бабушка Валентина Витальевна.

Александр Павлович писал хорошие скромные стихи, которыми делился с ближайшим другом, поэтом Оболдуевым, после игры в шахматы:

*Ну так что же? Почитаем
Обоюдные стихи.
Ты ведь мною почитаем,
А мои ужель плохи?*

Поэт Оболдуев нынче в большой моде, как и его жена Елена Благинина. Дамы с Оболдуевым носятся, в том числе Ира Роднянская. И при жизни он был женский баловень. Квятковского, кажется, в жизни никто не баловал, и сама жизнь тоже.

Бедно жили люди, бедно выглядел народ на улицах, на площадях, в центре. Много

деревенских, приезжих, одетых в старьё (в валенки с оранжевыми галошами), народ мелкий, нездоровый. Попадались часто лица изрытые оспой или с проваленным носом. Горбуны встречались так часто, что была примета: встретил горбатого — скоро встретишь знакомого. Часто исполнялось, почти все знакомые жили внутри Садового кольца.

Мы в своем доме с мраморными ступенями, с атлантами в вестибюле, с четырьмя метрами высоты, большими окнами, книжным шкафом и серебряными чайными ложечками честно считали себя богатыми. Не помню, чтобы мы недоедали, хотя часто мечтали о вкусненьком. Маришка рассказала как-то, что тётя Лёля ей говорила, как они в детстве, когда взрослые садились пить чай, заходили в столовую и смотрели: если на столе были пирожные, оставались, если просто конфеты и печенье — уходили. «Пирожные от Айнэм», - вздыхала наша бабушка.

От этой самой «Айнэм» - Красного Октября - запах шоколада доносился в открытые окна, а в метро в буфете (раньше были на многих станциях, на Библиотеке Ленина тоже), соблазняли подарочные чашки с конфетами, в лентах, с бантами, и шоколадки в обертках Мануила Андреевича.

Мануил Андреевич Андреев, «шоколадный художник», один из творцов промышленного дизайна, был отец маминой подруги, однокурсницы Лидочки Андреевой. Она у нас часто бывала. Очень хорошая добрая женщина, осталась одинокой. Может, тоже друга сердца на войне убили. Мы в 46 жили на даче в Десне, рядом Лидочка с отцом, он писал на пленере скромные тонкие пейзажи, отводил душу от промграфики.

Слева сидит мама, в середине Кирилл Хохлов, однокурсник, справа Татьяна Коцубей. За ней Лидочка Андреева, третью девушку не знаю.

Другая подруга, Татьяна Коцубей, эффектная, сексапильная, осталась вдвоем с дочерью по другой причине — ее мужа посадили еще до войны. Якобы в портрете Пушкина на обложке школьной тетрадки он намеренно зашифровал свастику. Обе подруги на жизнь зарабатывали промграфикой, рисовали фирменные знаки. Но Татьяна не отказалась от творчества, продолжала писать, занималась в разных студиях и уговорила маму пойти в студию Рязжского. Это была замечательная идея! Целый интересный кусок жизни. А сама Татьяна потом ушла к Билютину, в его одиозную студию, что-то авангардное создавала.

СТУДИЯ

Студия у нас была замечательная, в клубе им. Серафимовича в Электрическом переулке, при каком-то оборонном заводе, у Белорусского вокзала. Каждое приличное заведение содержало рабочий (или студенческий) клуб, Дом культуры, с музыкальной, театральной и т. д. группами. Поэтические тоже были, обычно студийцы к самому предприятию не имели никакого отношения, народ подбирался по общим интересам, а неинтересные со временем переставали ходить. В нашей студии занимались люди, мечтавшие и даже пытавшиеся стать художниками-профессионалами, у которых это не получилось. Поэтому уровень был довольно высокий, и хорошему художнику-руководителю было не скучно. Платил руководителю завод, а выбрать мог и коллектив: когда ушел Ряжский, вспомнился кому-то Моисей Тевелевич Хазанов. Мама поехала его приглашать и меня с собой взяла.

«Здание ДК им. А.С. Серафимовича, построенное в эпоху авангардного течения в стиле конструктивизма, обладает всеми признаками исторического и архитектурного объекта культурного наследия», пытались не так давно снести, но общественность отбила. Сейчас там театр «Школа современной пьесы», огромная надпись на огромном козырьке. Мы заходили с другого угла, а козырька не было вовсе.

Были студии, в которых пенсионеры, часто военные, занимали свой заслуженный досуг, начиная учиться живописи с нуля. Эти люди очень серьезно относились к искусству, любили выезжать на пленэр, дарили пейзажи друзьям и родственникам, устраивали выставки в кинотеатрах. «Полковничья живопись», характерный жанр. Очень правильная была в этом смысле эта наша советская власть. Материалы для живописи стоили дешево. Масло в тюбиках, кисти, растворители-разбавители, и коробка ленинградской акварели, и бумага для акварели, и карандаши кохинор были по средствам, даже когда средства были ниже среднего.

В нашей студии была молодежная группа, кто готовился поступать, кто так время проводил в хорошем обществе. Руководитель наш Хазанов немного поучился в юности у С. Малевича (1919) и позже окончил Вхутеин (1930), где учился у Фалька, в частности, и Шевченко.

Старые дрожжи...

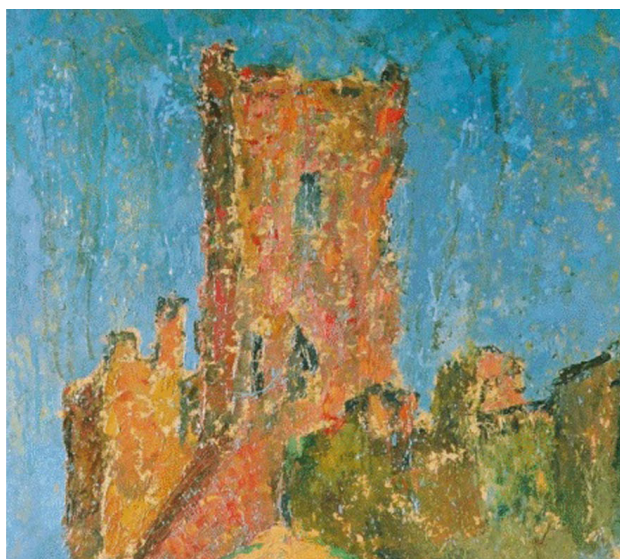
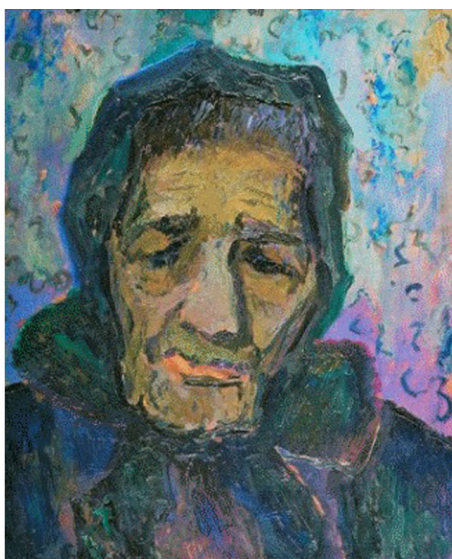
Моисей Тевелевич был хорошо знаком с вдовой Фалька, и наше вольное общество любителей допускалось раза два в мастерскую Мэтра, в васнецовском Теремке возле бассейна «Москва». Собирались в поход в нашем доме. Нам разрешали приводить с собой молодых друзей. Позже Ира познакомилась с бывшими учениками Фалька, Эриком Булатовым и Олегом Васильевым, в доме Галочки Лавровской. Ира и Галочка тогда поступали в разные ВУЗы, обе Гали в Строгановку, Ира в Текстильный. Обе Галочки еще занимались у Васьки Ситникова. Вот тоже был персонаж...

Увы, про Хазанова почти ничего не находится, кроме вот ранних годов и что преподавал в Полиграфе и в Педагогическом, основной жанр его был портрет. Несколько портретов можно увидеть. Но открывается очень важный сайт одного из студийцев, в нем слегка упоминается Хазанов, он способствовал формированию глубокого художника! Среди нас этот художник выделялся особо высоким ростом. Ну что же, сформировал свою манеру, стиль, под названием то ли коррозия, то ли ржавчина... Конечно же художник должен кормиться от трудов рук своих, как всякий взрослый человек. (Танин поклонник. Приятно было посмотреть, как он из кухни несет на вытянутых руках бак с кипящим бельем - как простую кастрюльку, по всему длинному коридору, в ванную).

Самым важным из студийцев был Аджубей, брат «того» Аджубея, тоже международник. Осанистый такой. Время от времени изрекал что-то основательное, напр. в мастерской Фалька: «в Париже тридцать три моста, один красивее другого». Был, дескать! Завидуйте! Он писал миниатюры на слоновой кости, хобби у него такое было, портреты знакомых. Приносил показывать.

Мамин кружок в студии - Коля Панченко, душа общества, остроумец, в любой разговор вставлял к месту цитату из «12 стульев» и «Солдата Швейка», книг не так давно почти запрещенных и потому всем отлично известных. Был Матвей Миронович Машбер, мастер на заводе. Так же как Яков Львович Симкин, одно время близкий друг семьи. С ним случилась интересная история. Он учился в МГУ на филфаке, приезжий из провинции, страстно любил литературу. Перед войной написал диплом по лингвистике, по Марру, как полагалось. Тут Марра посмертно низвергли (1950), что было с профессорами, история наверно знает, дипломантам предложили быстренько сделать новую работу, тезисы выдали. Яша Симкин отказался, пошел в армию, потом на завод. Душу отводил в «Бригаде им. Маяковского», тоже, как сейчас посмотрела, «нежелательная организация»! Маяковского принимался читать в любом месте в любое время — на мой вкус чересчур выразительно.

В 2008 году «Галерея Романовъ» устроила большую, великолепную выставку В. Пятницкого. Во время развески мы смотрели на столике их каталоги — и сверху лежал альбом Якова Симкина! Как интересно, привет из прошлого. Мы попросили подарить каталог, но у них это был последний экземпляр. Зато нашелся в интернете, картинки оттуда.

В позапрошлом, кажется, году в городе Пущино, в доме ученых сестра Ирина (И.Д.) устраивала в пущинском Доме ученых выставку своих коллажей — театральных эскизов в технике коллажа. Это событие отметила местная пресса. А в соседнем зале проходила выставка портретов Якова Львовича Симкина. Была, значит, у нас какая-то незаметная связь.

За мамой все время кто-то ухаживал, бывал у нас в гостях замечательный моряк, очень смешно рассказывал про обычаи мореходки. Где он потом плавал, не помню, но нас возил кататься на яхте по Московскому морю. Наверно, потом уплыл.

За нами тоже кто-то ухаживал. Ходил в студию какое-то время Володя Квятковский.

В 1961 году в недавно открывшемся выставочном зале в Манеже состоялась Выставка Самодеятельного Творчества Народов СССР. Кажется, после чешского стекла, но перед той, на которой Хрущев разбушевался, где была героическая эпопея с «Обнаженной Валькой» («Обнаженная» Фалька) и героической отповедью Неизвестного.

(Начавши рассказывать старые анекдоты, трудно остановиться.

Едет художник после этих событий в электричке на этюды, с этюдником. Напротив колхозник. Спрашивает, как мол, вам, художникам, живется?

- Нам очень повезло, - отвечает с энтузиазмом живописец, - Никита Сергеевич сам к нам приходит, объясняет нам, как надо рисовать...

- Вам хорошо, - вздыхает колхозник, - в искусстве-то он разбирается...)

А на выставке Самодеятельности, наряду с дагестанскими бурками, туркменским серебром, русскими деревяшками (там правда было много интересного) где-то в углу развесили произведения нескольких студий, нашей тоже. Конечно, и Симкина. Моя графика была. После всяких-разных семейных событий, маминой болезни, появления Катки и чего-то еще мама писать бросила, и студию бросила. И Хазанов ушел. Так что мольберт мы оставили при отъезде в пустой комнате... этюдники правда увезли. Их было точно не меньше двух. Заодно я ушла из своего НИИ, а заочный Полиграф просто бросила, неявочным порядком.

Вскоре после переезда на Открытое шоссе маму навестила Татьяна Коцубей. Из клуба им. Серафимовича она ушла давно, ей там было неинтересно, она вступила в студию Билютина, был такой оригинальный тип. У него были собственно две студии, одна официальная, для широкого круга, чтобы он мог числиться где-то и не считаться тунеядцем, и внутренняя, для посвященных, которых он учил всяким штукам. Видит, Вейсберг пишет белый кувшин на синей тряпке, и говорит: ты зачем пишешь белое на темном? Пиши белое на белом! Так Вейсберг всю остальную жизнь белое на белом и писал.

Не знаю, в какой круг входила Татьяна Коцубей, но она уговаривала маму присоединиться к ним. Их группа собиралась на рассвете на Красной площади писать маслом. Мама поблагодарила, а потом посмеялась: Вот еще, буду я картины писать! Я лучше кукол буду шить!

*Тиль Уленишпигель и Джон Сильвер.
В руках у Вальки Буратино, не наши.*

Но пока еще начало 60-х, мы живем на Маркса-Энгельса. И учимся, все усиленно учимся! Особенно Ира и ее Галочки!

И.Д. С Галочкой Лавровской мы познакомились на подготовительных

курсах в Строгановке, где занимались три раза в неделю. У них была своя компания, ученицы Васи Ситникова или соседи по Николиной горе — Галя Ивановская, Лиза Радлова, Лена Минаева. А я одна. Но я как-то предложила закурить и достала пачку «Фемины». Все очень обрадовались и побежали в туалет вести светскую жизнь, и я стала членом стайки. Галочкин отец Юрий Константинович (двоюродный брат Лидии Дилекторской) был директором авиационного завода. Мама Валентина Кирилловна работала на ВДНХ в павильоне авиапромышленности. Родители были в разводе, Юрий Константинович иногда появлялся, Валентина Кирилловна часто ездила в командировки. Старшая сестра Алла окончила пединститут и сбежала из дому на Урал, в Сведловск, из романтизма. При очередной командировке В.К. Галочка, которая осталась одна, пригласила меня к себе пожить. С тех пор мы были неразлучны. И близки до сих пор. В ее большой квартире у Белорусского вокзала (Ленинградский проспект дом 3) я жила наверное больше, чем дома. В наши долгие вечера с Галочкой мы сочиняли всякие истории. Кажется в 1962 обе Галочки и я предприняли замечательное путешествие по маршруту будущего Золотого кольца. Владимир, Суздаль, Боголюбово, Покрова на Нерли, Юрьев Польский, Переяславль Залесский. Только начинались попытки восстановления Суздальских памятников, все было в ужасающем состоянии, но наше приключение было прекрасным.

Из Университета

Настоящие университетские друзья, с химфака - Ольга Короткова и Алёша Волков. С Ольгой мы познакомились в том же фестивальном году, потом дружили на целине, скоро стали дружить семьями. У них было еще тесней, чем у нас! Мы ездили к ним на их «шесть соток» от Красного Пролетария. Я восхищалась Олиной мамой, Оля — нашей, так и продолжаем. Оля во время диплома вышла замуж за странного юношу, однокурсника Алешу Волкова. Они дружили с Володей Пятницким, у нее много его графики и прекрасные картины. Мы у них там блюдечко крутили. Алеша не так давно умер.

Володю Пятницкого я привела не столько с химфака, сколько из художественного объединения, созданного к Фестивалю. Мы выпускали «Окна университетской сатиры» и устраивали выставки с авангардным уклоном, с горячими спорами и приглашением мэтров. Мэтры Володю и сманили.

Из той же компании, из поэтической секции, Светка Флягина с мехмата. Во время фестиваля она записалась в переводчики, там же в МГУ, с французского. Их инструктировали на случай неудобных вопросов (время было после Хрущевских разоблачений), она кое-что рассказывала, несмотря на подписку. Все тогда были слегка потрясены; до сих пор новые открытия встряхивают. Мы много обо всем этом говорили. Бродили вокруг универа и говорили о жизни и литературе. Вообще - вспомнить, сколько времени мы проводили на улице! На вечерних бульварах. Фонари в листве... Запросто было дойти вдвоем или с компанией от МГУ, с Ленгор, до Старо-Толмачевского в Замоскворечье, или еще проще по набережным к нам, до Библиотеки Ленина, на Волхонку. Иначе как еще было поговорить по-человечески, по душам, сколько хочется и на всякие сложные темы? Я и одна иногда ходила, по настроению, если не хотелось сразу домой. Считалось, что в Москве полный порядок.

Светка была болезненная и болезненно полная. Но ей тоже хотелось «фестивальную юбку», пестрое полусолнце с оборкой, вроде испанской. У меня была яркая, желтая с красным, не помню откуда, а Светка раздобыла большой отрез светлой бязи, и бедная наша больная мама встала с постели, села за машинку и отстрочила ей эту юбку. Мама медленно поправлялась от тяжелого нервного истощения, но над этой историей посмеивалась и Светке радовалась.

Светка бросила мехмат, стала переводчиком, водила экскурсии. Года через три она погибла в Крыму, катаясь с парнем на мотоцикле, ночью.

Там же в литобъединении, в МГУ, я познакомилась и с Горбаневской, но дружить мы стали позже. Случайно встретились, тоже на улице, у Военторга. Я уезжала на целину, мы договорились встретиться осенью — и встретились. Она стала бывать у нас, и часто приходила не одна...

Из Экспедиции

Если стоит что вспоминать, то экспедиции! Ничего в них особенного не было, новых цивилизаций мы не открыли, сокровищ не нашли, недоступных уголков не посетили.

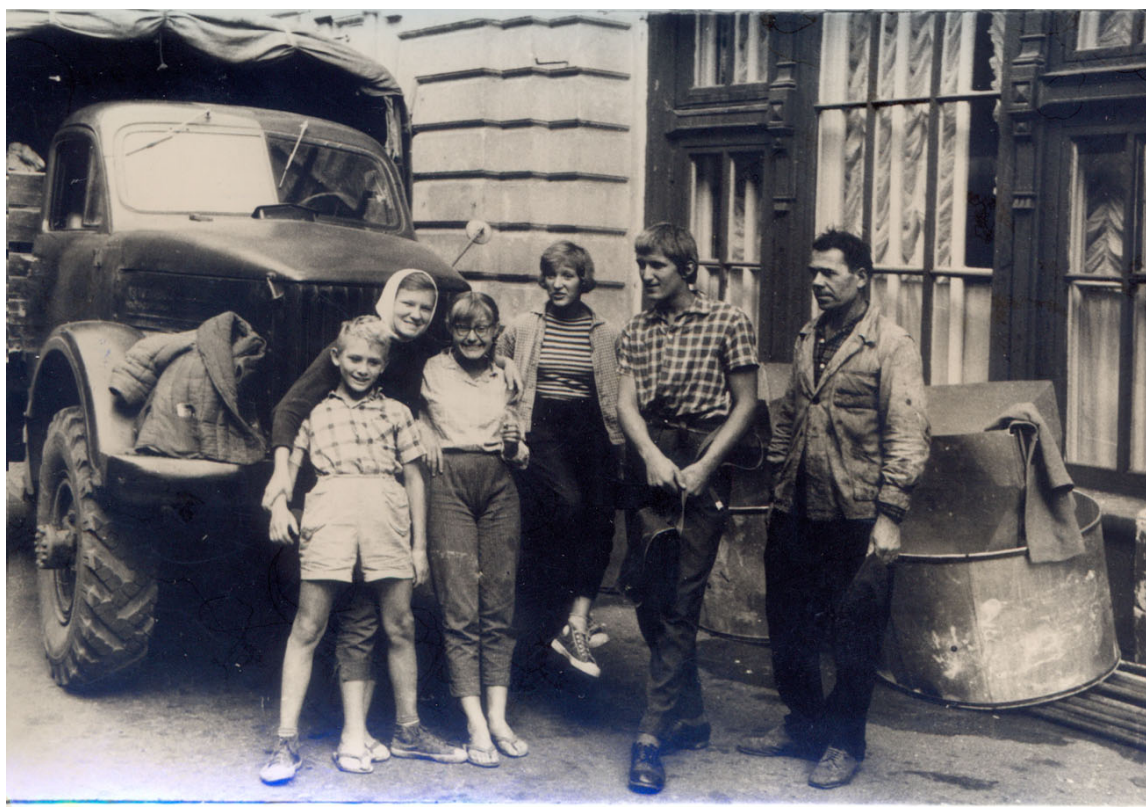
Были житейские неудобства, долгая однообразная работа, часто на жарком солнце, и взаимное раздражение, неизбежное в узкой компании, которую не сам выбрал. Дальние поездки, Средняя Азия, или летний экспедиционный «отдых» с детьми — это потом.

А пока — Таня в 1962 году едет в Донскую экспедицию с отрядом Игоря Каменецкого. Прямо из Москвы на грузовой машине, с небольшими узелками и чемоданчиками. Недалеко от места назначения происходит заминка. Изменение маршрута. Пришлось объехать Новочеркасск. Потом, на месте, им объяснили, что там произошло.

Вскоре прибыло пополнение: розовая рыженькая школьница Наташа Грязнова, а потом студент МГУ - Тёма Карапетянц. Так началась дружба, которая продолжается и сейчас, пусть виртуально.

То, что тогда еще и не снилось - XXI век.: Наташа закончила в МГУ факультет матлингвистики, занималась потом чем-нибудь и как-нибудь, потому что специалисты такого уровня и профиля Родине не понадобились. Уехала в Израиль — просто жить. Живет и радуется.

Доехали! Наташа Грязнова и Ира в Азове, перед музеем. Справа шофер, остальные местные археологи.

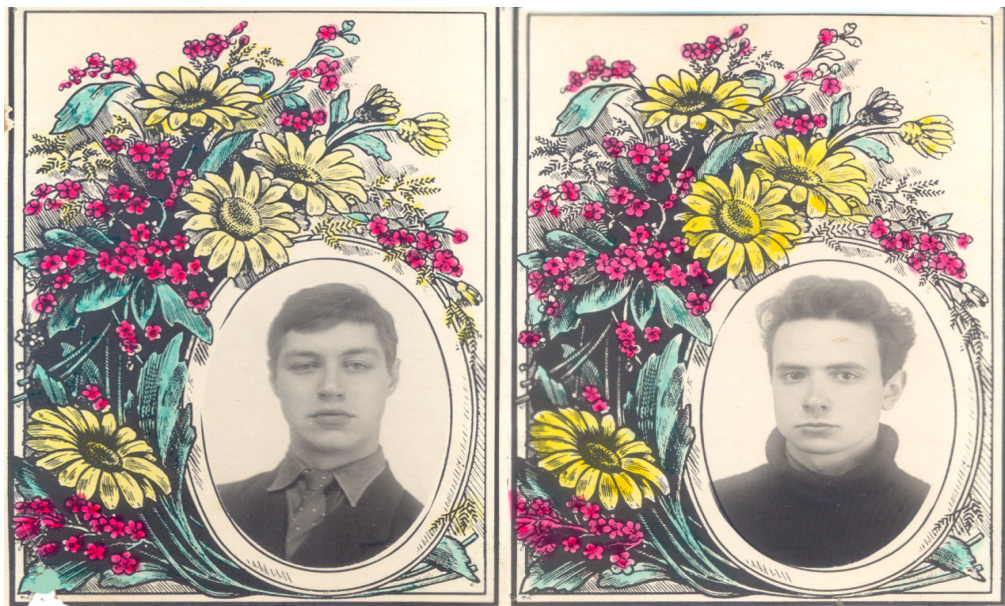
Этот же факультет много-много лет спустя закончила дочь Ольги Коротковой, живет в Голландии. Не насовсем, карантин, домой не может попасть.

Тёма — Артемий Михайлович Карапетянц, известный китаист. Он-то и подсадил нас на Китай, на литературу в первую очередь.

Еще один экспедиционный друг, из Танаиса, Сережа Серебряный, именуемый, естественно, Князь. Работал в Танаисе, тогда уже Ира тоже была в Экспедиции. Он индолог, сын Адели Иосифовны, художницы, которая подарила нам сложный орнамент. Моя идея «орнаментальных тамплиеров» не кажется такой уж шуточной. Некогда, чтобы стать суфием, надо было в совершенстве овладеть изысканным искусством. Гурджиев двадцать лет учился у ткача-суфия, тот его потом во все посвятил (врет, конечно, разве только ткач у него русскому языку научился).

Сказка есть, кажется грузинская, про княжича, который ради капризной невесты учился ткать ковры и тем спасся...

Друзья, которых привела Горбаневская.

Саня Тихомиров и Серёжа Неклюдов. Саня, высокий, очень красивый, очень добрый человек с нескладной судьбой. Он писал стихи, самое интересное у него — поэма про «город Полугород» и цикл «рассказов тети Они» - трогательные и страшноватые. Может быть, это одна вещь, я только раз слышала. Он ужасно погиб, спешил успеть на поезд в любимом Переделкине. Там его и отпевали, там и похоронили. Они были друзья детства, как-то в какой-то поездке в провинциальной фотографии снялись «на память».

Серёжа очень крупный ученый, занимается Монголией, всем, что в ней есть, в том числе фольклором, авторитет в области монгольских (бурятских и других) сказаний. Очень ему благодарны за Гэсэра, наши дети любили его слушать, а мы читать. Наташа кстати привела наших с Таней первых мужей.

Люди, которых приводила Горбаневская по одному разу:

Поэт Вознесенский (читал «Мастеров»).

Поэт Рейн (читал стихи, сидя в кресле, которое нарисовано на картинке).

Позже мы продолжили светское знакомство, пару раз встречались в Питере и в Москве.

Андрей Амальрик. Ничего не читал и ничего не сказал, кроме «Здрасьте» и «Досвиданья». Она его сразу же увела куда-то еще.

Алика Гинзбурга тоже привела, но потом мы сами ходили друг к другу, чаще мы к нему. Может быть был еще кто-то, но не оставил следа в истории.

Кто привел Гарика Суперфина? Таня вспомнила: они с Пятницким где-то или у кого-то встретились и познакомились. Выяснили между прочим, что они с Таней ровесники. И пошли к нам на Маркса-Энгельса.

Под конец нашего там пребывания у нас скопилось общество филологов, самых разных, он Николая Котрелева до Киры Прозоровского. Про Николая Всеволодовича можно не рассказывать, а мы-то его увидели в такой компании, думали тоже шпана. Кира поступал на филфак раза три, Горбаневская впрочем тоже. Но она добилась своего, получила диплом в Тарту, а Кира очередной раз не сдал зачеты и уехал в Таджикистан.

Друзья и сами приводили друг друга. Боря Гинзбург пришел из Ириной компании, которая собиралась на четвертом этаже Елисеевского, и сразу стал своим.

С ним и Володей Квятковским мы совершили безумную вылазку в Новый Иерусалим, в майские праздники 1961 — или все-таки 62? года. Мы приехали «в гости» к соседке Квятковских, глухой сумасшедшей старухе. Старухи не только не было в доме, но она еще и дом после зимы не открыла. Значит, поворачивать от ворот и отправляться в обратный, долгий неудобный путь? И вечер уже...

Вотодя открыл окно с помощью перочинного ножа, даже не особенно и повредил. Мне кажется, он даже насвистывал во время работы, как положено литературным взломщикам. Не помню; кажется он вынул стекло. Потом вставил.

Мы устроились в холодной комнате и заснули. Разбудил нас диалог Володи с приехавшей хозяйкой:

- Баб! Ты ругаешься?

- А?

- Ты ругаешься?

- Я не ругаюсь, я тебя арестую.

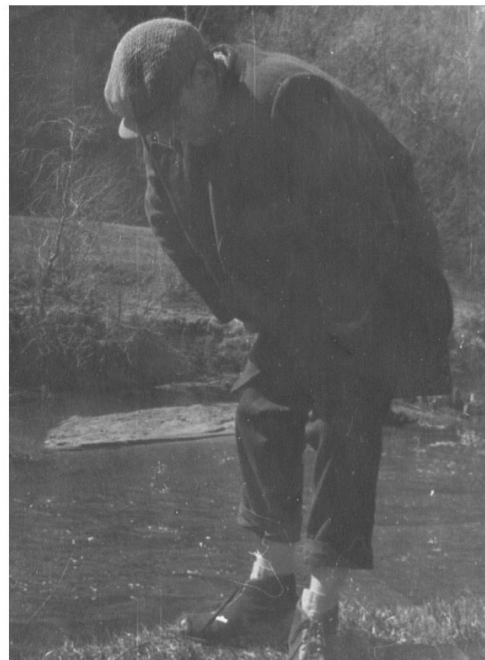
И так далее. Бабка смирилась, дала картошки, вынесла банку бормотухи на морошке.

Погода была серая и сырая, мы бродили по неприютным пустым местам, на развалины смотреть не ходили. Играли в футбол двое на двое. Лазили по оврагам, почему-то в темноте (загулялись, значит), переправлялись в темноте через ручей, который был глубже, чем казался, и хохотали непрерывно.

И Боря, и Володя были известные остроумцы, «поливальщики», но дело не в этом. Молодые были. В это же время были бесшабашные собрания у Гали Лавровской: читали стихи, ставили шарады, подкалывали и разыгрывали друг друга. Боря Гинзбург и там блистал.

Боря Гинзбург и
Володя Квятковский
Новый Иерусалим
1961

Один розыгрыш у нас получился удачно. Горбаневская привела как-то студента-медика Юру Фрейдина. Мы тогда ожидали возвращения Тани из Танаиса. Особенно ждали Володя Пятницкий и Кира Прозоровский. Оба были влюблены в нее, а я в Киру (так мы и шлялись по ночной Москве, страдающие, неприютные, по дворам — тогда еще было много дворов, похожих на деревенские улочки, с заборчиками, палисадничками).

Кира просил Таню послать ему телеграмму, мечтал встретить и похитить...

Таня послала телеграмму домой, мы готовимся к ее появлению с рюкзаком и в степной пыли, с нами Юра Фрейдин, а тут Кира звонит, что сейчас придет. Мы сообразили моментально. Как только Таня вошла, вся такая дорожная, ее отправили в ванную, туда же отнесли самый элегантный костюмчик и туфли на шпильке, сумочку и отрез болоньи примерно в метр, коричневый. Болонья — это была вся мыслимая роскошь тогда! Юру Фрейдина спрятали за дверь.

Кира приходит, обычный треп, мама в нем участвует. Вот, говорим, ждем Таню. А Таня с Юрой в это время на цыпочках, мимо нашей двери, к выходу...

Звонок. Ира бежит открывать. Появляется Таня, на шпильках, с «болоньей» через руку. Направляется к маме, целует: - Здравствуй, мама. А это Юра. - Представляет черноволосого красавца...

Немая сцена.

Сколько всего происходило одновременно! Какая была насыщенная жизнь, страшно вспомнить. Я защитила диплом, поступила в НИКФИ — Кино-Фото-Институт, ушла сразу же ждать и рожать Катю, потом пришла к ним работать, но не надолго. Там было тоже много хороших девочек и довольно противных мальчишек, были и не противные, но все кончилось так скоро, что ни одной дружбы не сохранилось. Мы распростились, с мужем тоже, немножко нервно, ну и ладно. Володя учился в это время в Текстильном, там была очень сильная школа живописи.

Он подарил Тане эту картину, она называется «Адмирал». Самая светлая, самая романтическая его картина.

Ира тоже поступила в Текстильный ин-т и теперь писала серьезные учебные акварели на ватмане, натюрморты, обнаженные модели... на

одной из схем нашей комнаты висит такой лист (только они все были очень темные). Главное, все кругом писали и говорили о живописи. Все успели съездить в Лианозово, в самое гнездо «Жрецов «помойки №8» - название громкой статьи по названию прогремевшей картины О. Рабина. Пятницкий возил меня с моими картинками. Ничего, одобрили, они никого не отваживали. Там были все: Холин и Сапгир читали стихи, был Яковлев (или Зверев?), и конечно Кира Прозоровский.

Брожение умов было неизбежно. Кто-то предлагал вернуться к достижениям февральской революции; кто-то собирался создавать боевую организацию и говорил об этом направо и налево; существовал самиздат, появился «Синтаксис» верили, что свобода искусства — начало и корень всех свобод; Горбаневская...

Горбаневская между тем показала мою графику в таких сферах... стесняюсь говорить, скажут, что хвастаюсь. И я получила заказ, который ну никак не мог мне достаться — знакомые книжники дружно сказали: «так не бывает». Книжку я сделала. Поступила в Полиграф, НИИ (уже другой) бросила. Заработала кучу денег. И тут-то мы и получили ордер на квартиру в Метрогородке — вот сюда.

Мало того. Как-то Наташа привела к нам своего пылкого поклонника Сашу Беляева, он только-только не поступил в ин-т. Он привел своих друзей, и у нас столпился небольшой кружок поклонников Хемингуэя. Они сами ушивали себе джинсы и звали друг друга «Билл», «Вэл», «Майкл», «Вилли»... У нас оказались и средства на переезд, и неограниченная рабочая сила!

Один из этих мальчиков, Майкл, Миша Михеев, был чудесным нашим другом, пока не стал взрослым. Лет десять, наверно, назад — нет, больше — он вдруг позвонил. Сказал, что хочет навестить Людмилу Алексеевну. Мама плохо себя чувствовала, я сказала: лучше другой раз. Он настаивал, я не пустила. Потом сказали: он проститься хотел. Он умер от рака.

МУЗЕЙ

1 декабря 2020 года умерла Ирина Антонова.

Царство Небесное, долгая память, честь и слава грандиозной женщине Ирине Антоновой!

Благодарение Господу за такую замечательную судьбу этой Великой женщины и ей за все что она сделала для нас и мира.

Так и называется фото - «Введение во храм» (очень оригинально, да?) Это папа, это я. На втором фото виден кусочек ноги скульптуры, которой при входе, кажется, сейчас нет. И мы не можем ее опознать.

В детстве мы ходили (сначала нас водили) в Александровский сад и на Гоголевский бульвар. С подругами позже мы бродили по улицам, в основном вокруг Музея. И разговаривали. Моя школьная подруга Ольга Силард (венгерская фамилия, как у физика Сцилларда) жила в доме Лопухиных. Мы встречались на углу Антипьевского, ходили кругами и разговаривали, разговаривали... о чем? о чем-то важном. Но не о школе, не об училках, не о других девочках. Каждый почти день, целыми вечерами ходили по кругу. Постовой у выхода смеялся: я считаю, как девочки на тридцатый круг пойдут, мне скоро смена.

Комната у этой венгерской семьи была на втором этаже, почти напротив лестницы, маленькая, но с антресолями, лесенкой и стенным шкафом, там Ольге отец устроил кабинетик с лампочкой над маленьким столиком, она там делала уроки и читала, я завидовала: уединение, своя дверь, которую можно закрыть... Антресоли были полати с оградкой, там спал младший брат.

Другая подруга, Рая Васина, Васька, жила с другой стороны в полуподвале, потом оказалось, что это палаты XVIII века. Мы с ней оказались в одном 8 классе и случайно разговорились у стола, куда принесли картины перед уроком истории. Обменялись дельными замечаниями и стали дружить. Гуляли по набережным, в Парке Культуры, в Пушкинский заходили, смотрели подарки. Пускали туда, народу не было. Мы еще с сестрами давно там все освоили:

Шагающий Экскаватор, Казахская Юрта, народные костюмы, скатерть дамасского полотна, которой можно было застелить зал... а там и весна 53, мы стали знакомиться с музеем заново. Залов было гораздо меньше, выставили только основное, бесспорное, классику, «Блудного сына», Снайдерса. Помню, что мне нравился Буше, но я стеснялась: знала, что это вроде бы плохой вкус. А так хотелось быть такой же красивой, как эти девушки!

Мама ходила в любой свободный момент, и все сокрушалась: где же картины из музея Западной Живописи?

В музее царили галантные манеры: старенький гардеробщик выходил помочь маме снять пальто, потом помогал надеть — и мама клала на прилавок какие-то копеечки. Как в театре.

В 55 грянула Дрезденская, Москва сошла с ума, очередь терялась где-то вдоль Гоголевского бульвара, стена вокруг музея М.-Э. была исписана (приличными) воплями души...

Старшая сестра Раи Васиной, Нюра, работала на фабрике, а может и на заводе. Статная, уверенная девушка. Трудовые коллективы получали приглашения в музеи, с экскурсиями, Нюра побывала на Дрезденке и хвасталась, какие у них тактичные ребята: в зал с Венерой Джорджоне пропустили сначала одних девушек, потом пошли сами, тоже отдельно.

А нам пожалуйста! Две наши соседки работали в Пушкинском кассиршами, Мария Николаевна Меркулова, мама Риты и Зойки, и Наталья Ивановна Бокова, мама Витальки.

Билеты приносили рулонами, бесплатные, как художникам и учащимся. Мама не злоупотребляла: сводила нас, другой раз пригласила друзей-художников.

Запомнилась взволнованная толпа — обычно музей был полупустой, один человек в зале, теперь многие, наверно, пришли впервые, торопились увидеть что нужно обязательно: Мадонну и Венеру. Мадонна не тронула, от Венеры действительно веяло теплом и покоем. Что там еще было, не помню. «Девушка с письмом» Вермеера — у нас долго потом висела большая репродукция. «Груши» Ван Гога, наверно мамино влияние, она подвела к натюрморту и сказала: смотри, они живые, шевелятся, как утята. Много было прекрасного, разве вспомнишь, какие вещи увидели там.

Была анекдотическая история: почему-то плотная толпа стояла все время перед небольшим голландским натюрмортом. Картинка маленькая, видеть одновременно могли не больше двух-трех человек, все толкались, подходили любопытные и тоже пытались пролезть, и тоже потом отходили с возмущением: они же неграмотные! Почему не проверили? Не заметили, что ту написано - «Натюрморт с ОДНОЙ СЕЛЕДКЕ»! Кто у них тут работает?

Картинка называлась «Натюрморт с ОДОЙ селедке», листок с «одой», красиво написанной и вполне читаемой, составляет сюжет натюрморта.

Мамины друзья и подруги, художники, волновались не только из-за того, что можно было в МОССХе получить заказ на копию. Художники же они были, черт возьми, им хотелось праздника для глаз! Знали же, что больше они этих вещей никогда не увидят. Может быть в какие-то часы по московским билетам и пускали, но, знаете, много вас, художников...

А дальше... дальше начали понемножку, по одной, не самые большие выставять сокровища музея Новой Западной Живописи, где-то замурованные после разгрома музея в 48 году.

Легенда о разгроме МНЗЖ была такая — скорее всего не легенда:

Борьба со всем живым и новым, в том числе в искусстве, велась в нашей стране с 30-х. Хотя что уж такого нового, импрессионисты, прошлый век! А все равно: окно в Европу. Глоток свободы. А народу нужен реализм, и не простой, а соц! Всемогуший Александр Герасимов добился приглашения правительственной комиссии во главе с Ворошиловым. И все подготовил, самые радостные, светлые картины — в запасник, а на стены самое темное, невнятное, и не первого ряда. «Упадочная живопись».

Это и увидел товарищ Ворошилов, первый красный офицер. Музей закрыли.

Свобода приходит нагая...

А у нас она тихонечко появилась на лесенке и оглянулась через плечо — «Обнаженная» Ренуара. Рядом висел маленький натюрмортик с попугаем Гогена и что-то еще — не помню. Может быть картина Ренуара была провокацией? Потому что общество взорвалось. На пейзаж, например, Моне со скалами и корабликами, на яблочки Сезанна может и скосоротились бы — если бы вообще пошли в музей. А тут слух пронесся по Москве, и народ ринулся, как позже (ненадолго) на выставке в Манеже: «а где здесь обнаженная Валька?»

Лесенка скрывалась за портьерой, не всякий еще догадается, что можно отодвинуть и войти.

Мне пришлось объяснять в своей группе на химфаке, почему имеет смысл изображать на картине одну только женскую бело-розово-голубую спину. Не смогла! Но заработала репутацию «синей вороны», т.е., ну понятно.

Это было, кажется, в 56.

В том же 1956 году в музее выставили Пикассо, друг его расстарался, Илья Эренбург. Советские власти разрешили, Пикассо для борьбы за мир голубя нарисовал, встрепанного такого... у него есть картина (или рисунок) «Кошка с птицей в зубах»... вот голубь примерно так выглядит. Знал художник, в чьих зубах Дело Мира... Пикассо еще потом наградили Ленинской премией.

Тогда же в газете, кажется в Литературке, разогнался диспут Грабаря с Соколовым-Скаля о допустимости импрессионизма вообще... Умница Грабарь должен был «оспоривать глупца» в огромных подвалах газеты, причем Скаля был уверен в твердокаменности своей позиции. Потому что искусство должно быть понятно массам.

В то же время примерно в музее стали читать лекции. Очень молодая и очень красивая Антонова рассказывала об искусстве фашистской Германии. По-моему, это был отважный поступок. Смотрим красивые цветные слайды — стадион с беломраморными псевдоантичными атлетами... может и девушка с веслом была. Вопрос из зала: ...у нас ведь кажется тоже так?

— Да, отвечает лектор. Государство, если хочет обращаться к массам, влиять на них, должно выбирать понятные, классические образы и символы. Пропагандисты знают, чего требует народ (подразумевалось, что у них пропаганда со знаком «-», а у нас со знаком «+»).

Так что Грабарь и Соколов-Скаля сравнивали красное с квадратным, что Грабарь конечно понимал. В МОССХе это активно переживали, ёрничали:

*Я намеренно говорю,
Обращаясь к Грабарю:
Об одном тебя молю -
Не расстраивай Скалю...*

Ну и кто сейчас помнит Герасимова и Скалю? А Грабарь — великий ученый. Напротив музея, на углу Антипьевского (ныне Колымажный) работали его реставрационные мастерские. Однажды — в те времена и это был демарш — в Пушкинском устроили «выставку реставрированных работ». Работы эти были в основном иконы. К тому времени западная живопись вольготно расположилась на просторных стенах, а иконы развесили в соседнем зале. И... в этом не хотелось признаваться, но Гоген и Матисс померкли. В кадмиях и охрах старых досок внутренняя энергия была выше. Со Скалей действительно дело плохо.

И.Д. Александр Герасимов неплохой живописец, у импрессионистов учился. Думаю аукционная цена вполне приличная. Маме его розы тоже нравились.

Там в дальнем уголке был Руанский собор. Голубой.

Помню, как произошло мое обращение. В коробке с открытками был Красный ковер Матисса. Воспитанная на малых голландцах, я не понимала этой мазни, однажды лет в 10 спросила маму - что это??? Она ответила: любимая картина твоего отца. Я задумалась и со временем полюбила. Потом поняла.

Именно та открытка не нашлась, эта из той же серии, мамина любимая и моя.

Сестра Ирина уехала из дома, из Москвы, из России в Казахстан больше чем на 40 лет. Вернулась, живет в Пущино и вот что вспоминает:

«Но каждый раз заглядывая в Пушкинский, чтобы посидеть в Итальянском дворике (совсем недавно, сижу себе, поднимаю взгляд и вижу, что у Гатамелаты в стремени босая нога), обязательно подходила к дому №8, по возможности обходила, смотрела изменения — снос бараков, в которых когда-то жили одноклассницы, обновление Антипьевской церкви. И мечтала когда-нибудь подняться по мраморной лестнице мимо окон с мухами».

Первая лекция, на которой я была — о самом начале изобразительного искусства. Читал Андрей Александрович Губер. И тоже запомнилась на всю жизнь. Начал он с орнамента, не помню, с неолитической керамики или прямо перешел к Египту. Вечные розетки и пальметки, на самом деле и те и те — стилизованные лотосы. Потом они же появились у греков, а потом... Если где-то, сказал Андрей Александрович, человек (народ) изобретет или откроет нечто совершенное, как изображение цветка (типа ромашки), оно не будет открыто больше нигде, будет передаваться от культуры к культуре. Флаг императора Японии — хризантема, символ Солнца — оно самое. Еще, кажется, говорил про «парфянского всадника» (обернувшийся на скаку назад стрелок из лука), тоже дошел до Японии. А может и не говорил. Но один из важнейших постулатов утвердил.

Так мы и ходили в музей просто так, с мамой, с подругами (тоже бесплатно, хотя бы в одной кассе сидела соседка — билеты для учащихся стоили гроши, но как приятно...). Ходили рисовать, готовились к экзаменам. Таня училась у Голомштока, о котором шептали: он друг Синявского. Синявский был знаменит еще до процесса.

После Дрезденской стало модно стоять в очереди в музей. И мы стояли! На Москву-Париж, Москву-Берлин, Европейский натюрморт... Как мы стояли на Тиссен-Борнемиса! Семь часов! Все время казалось, что войдем в следующую порцию, не уходить же, отстояв четыре часа.

Нет, это другое время, другая история... Но, конечно... Джоконда.

В конце 70-х эта дама гастролировала у нас в музее им. Пушкина. Очередь на поклонение выстраивалась накануне. Мы собирались не заметить это событие. Но Кари (Кари Унксова, ленинградская поэтесса) заявила непререкаемо, что в такие общественно значимые моменты надо быть, где все. Мы переночевали у Люды Кузнецовой (хозяйки неофициального салона) в нижней квартире на Булгаковской лестнице.

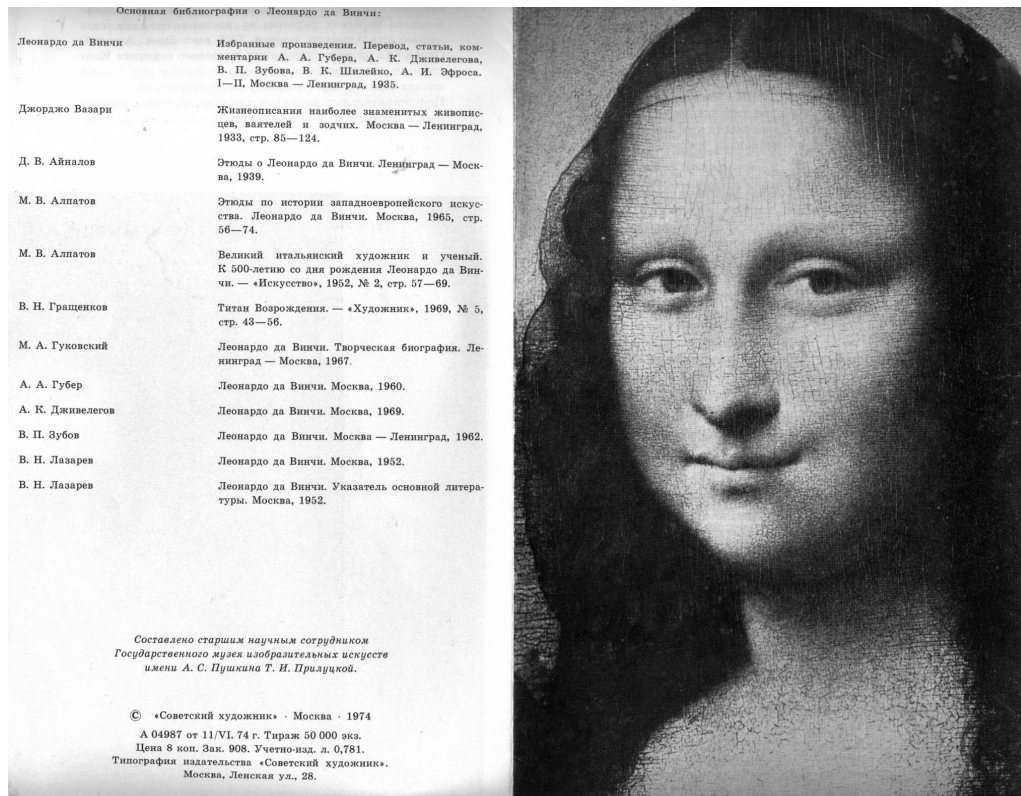

Кари читает стихи у Людмилы Кузнецовой. Картина Татьяны Доброхотовой.

Еще до рассвета пришли к музею. Простояли несколько часов, было и скучно, и занято. Обсуждали, в частности, сколько можно заработать, если прийти к очереди с корзиной пирожков, которые с вечера напечь у Люды же. Сошлись на том, что не допустят. Потом Люда устроила восхитительный и совершенно бескорыстный скандал, когда к студентам, простоявшим всю ночь на посту, стали подваливать целыми курсами. Наконец наступила великая встреча – для Кари; я, по близорукости, увидела только неприятный желто-зеленый колорит. Минута, и все кончилось.

Идем мы вчетвером – Таня, Люда, Кари и я – с выставочными буклетами вдоль Александровского сада. Кари убеждает: если какую-то картину почему-то все человечество

считает не то что лучшей, а прямо-таки единственной КАРТИНОЙ – значит, в ней есть НЕЧТО, и она это нечто почувствовала. Или всемирное почитание придает объекту некое иррациональное, магическое измерение, которого в нем, может, изначально и не было, и т.д. Тут к нам подворачивает мужичок из простых. «Извините, вижу, вы оттуда идете. Что же там за картина такая, постоять-то некогда, что это всем так надо?» «Вот, — говорит Кари и протягивает ему проспект. Он смотрит на репродукцию – и на нее. «Так это же вы» – говорит.

Это было много позже, мы жили уже совсем не там.

Кари и Люды давно нет в живых.

ВЕЛИКИЕ ЛЮДИ, КОТОРЫЕ ПОСЕЩАЛИ НАШ ДОМ, и ДРУЗЬЯ ДОМА

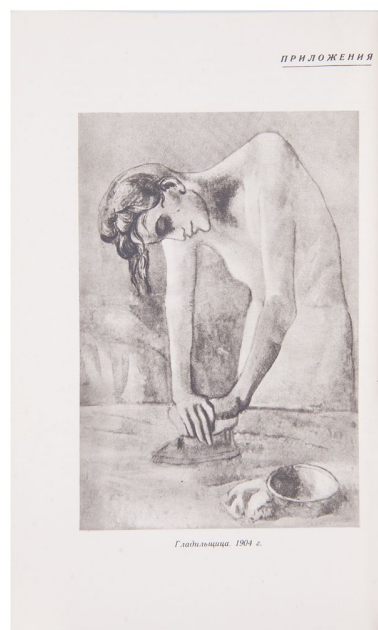
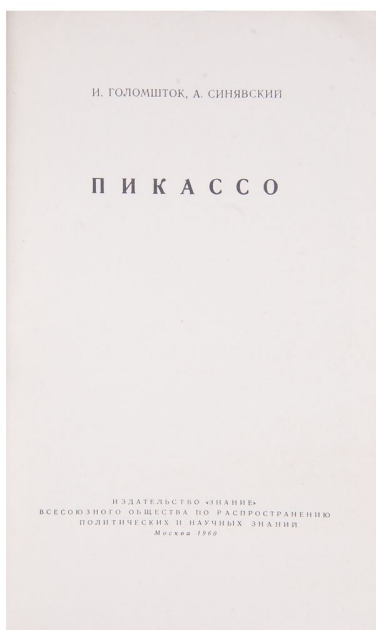
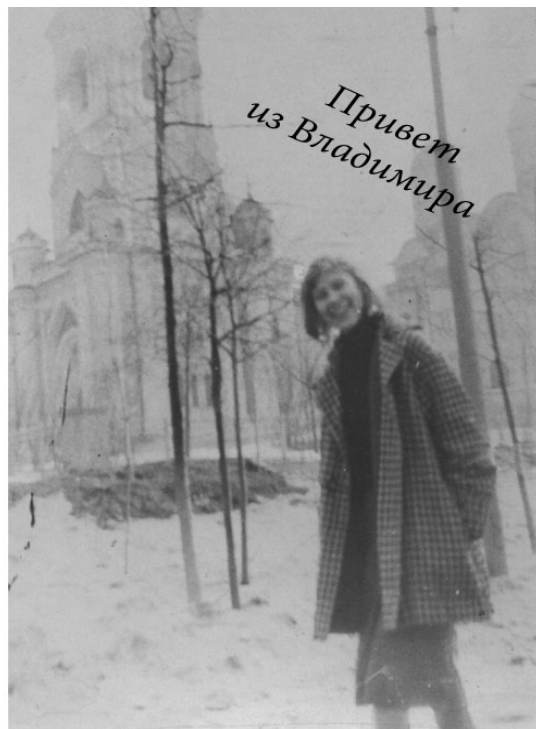
Хранителем музея был тогда Андрей Александрович Губер. Не скажу друг семьи, но старинный знакомый, двоюродный брат Александра Андреевича Губера, близкого друга нашей бабушки Валентины Витальевны, той, что жила в Лосинке. Александр Андреевич в послевоенные годы стал известным востоковедом, дипломатом, директором Института восточных языков, членом Всемирного совета Мира (в компании с патриархом Алексием и Галиной Улановой). В их семье несколько поколений держался обычай называть сыновей перекрестно: Андрей называл сына в честь брата Александром, Александр Андреем. Вот и Андрей Александрович назвал сына Шуркой. А вот Андрейка, сын Алекс. Андр., погиб в юности, после войны, в любительской экспедиции. Он хотел стать орнитологом. Других детей у них не было. Александр Андреевич был особенно привязан к своему крестнику Юре, сыну Валентины Витальевны и брату нашей мамы. Александр Андреевич и Лидия Сергеевна бывали у нас, бабушка к ним ездила из Лосинки постоянно, оставалась ночевать у них в коммуналке, в Земледельческом переулке, где на стене висели индонезийские ваянги и коллекции Андрейки.

Нам часто рассказывали в детстве, что у Александра Андреевича в то время была только одна белая рубашка, вечером после работы Лидия Сергеевна ее стирала, а утром, зимой до света, гладила. А ведь надо было еще утюг на кухне нагреть!

(Полагаю, то же самое проделывали многие жены деятелей культуры, и жена Андрея Александровича тоже).

Потом Александр Андреевич стал большим человеком, и мы ездили к ним на Новопесчаную, в один из первых новых домов. У них было столько прекрасных вещей и книг о Востоке, о восточном искусстве!

Когда в музее стали читать лекции, мама купила Тане абонемент. Таня училась в 7 классе, ей нравилось ходить на такое интересное мероприятие и через вход для сотрудников - им дали карточку. Лекции были традиционные, Египет, античность и дальше по периодам и стилям. Читали разные специалисты, ходили школьники, но и взрослые были. Однажды школьникам предложили вступить в кружок — Таня помнит только, что их первую руководительницу звали Ольга. Они обсуждали лекцию в подробностях, задавали вопросы... Занятия происходили «за Давидом», там в углу лестницы стоял рояль, на нем раскладывали картинки. Детей водили по закрытым кабинетам, например нумизматики. Их возили в Суздаль, Владимир, Переяславль, за счет музея. водили экскурсии. Это еще не скоро стало модой. Бедная Ольга, молодая, внезапно заболела менингитом и умерла. С ней прощались в Белом зале, вся группа пришла. Таня не подружилась близко ни с кем.

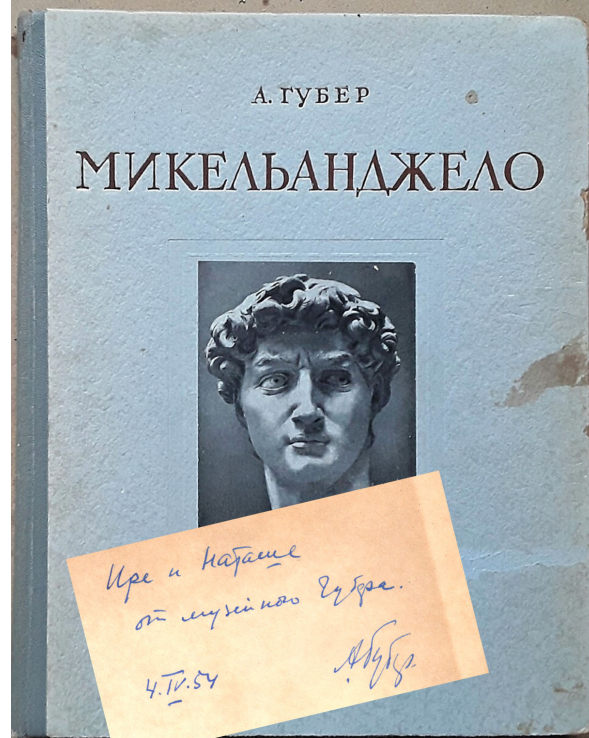

Кружком занялся Игорь Голомшток, совершенно замечательный человек. Они не могли оценить массу его знаний и новизну взглядов, но руководил он очень интересно. Не традиционно. Приносил картинки, предлагал определить эпоху, стиль, художника. Лекции читал очень интересно, по своей теме: импрессионизм и далее. Закончился прямо-таки дадаизмом! Но половина девочек ушла раньше, и кружок на следующий год не возобновили. Игорь Наумович на прощанье подарил ученицам по тоненькой книжечке, написанной вместе с Синявским.

Голомшток ушел из музея, преподавал, но печататься не мог нигде. Позже уехал. Таня вспоминает, что он был красивый, изящный, невысокий и худой, обаятельный.

А.А.ГУБЕР и А.А.ГУБЕР

Андрей Александрович заходил к нам домой раз или два, подарил свою книгу - «Микельанджело». Мы бывали у него в кабинете, если нужно было разрешение рисовать в музее. Головы мы там рисовали в Римском зале, такие выразительные римские головы. Мы уже были постарше и раз в год встречались у Александра Андреевича на дне рождения. Лидия Сергеевна праздновала юбилей мужа и свои дни рожденья одновременно — женское смирение, но так же экономия сил... Лидия Сергеевна на этом сама настояла — устраивала роскошный стол для множества гостей, а назавтра отдыхала... Так же как поступала наша бабушка Ирина Генриховна: у нее с дедом тоже дни рожденья были подряд.

На собственном празднике блистал, конечно, юбиляр. За истекший год он успевал посетить какую-нб экзотическую страну и повествовал о поездке с присущим ему артистизмом. В Индии он ездил на слоне с гирляндой из цветов на шее, живо изображал нелепость происходящего, замедленную качку во все четыре стороны. Про встречу с Неру не рассказывал.

В Японии всю делегацию пригласили на самое крутое достижение японской культуры - борьбу Сумо. Ал. Андр. так живо изобразил обоих борцов, рефери и фанатов, и так описал спортивный режим борцов (с пяти утра дотемна тренировки натошак, потом обед - что хочешь сколько хочешь) - что ода из милых <s>старушек</s>дам, склонив головку на плечо соседке, лепетала: не хочу быть японским борцом...

Ужасное одно воспоминание! Алекс. Андр. с Лид. Серг. приезжали к нам на детские праздники, ведь мама росла у них на глазах в Твери, но нами они особенно не интересовались, и мы относились к ним с почтением — издали. В тот раз наверно был Новый год, может быть даже 45. Они привезли подарки нам всем троим, мне — сборный дом из фанерок, с пропиленными окнами, а дверь кажется была нарисована. Мы поблагодарили и ушли играть в свой уголок. Через несколько минут подходит мама (или бабушка) и говорит шепотом: знаешь, Ирин подарок оказался сломанный, она маленькая, а ты большая, поменяйся с ней подарками, хорошо? Я конечно сразу согласилась. Когда гости собирались уходить, нас подвели проститься с гостями, и Лидия Сергеевна спросила меня: тебе понравился подарок? Я быстро рассуждаю в голове: она в курсе обмена, и если я скажу «да», подумает, что мне жалко Ирке домика. И говорю «нет».

Еще они дарили нам, каждой из трех, сувениры от «Красного Октября», небольшие плоские коробочки, в которых были уложены маленькие шоколадки во всех обертках, какие фабрика тогда выпускала. Что-то их много было! Не меньше 12. Подозреваю, что шоколад был везде одинаковый. Мы потом съедали каждый день по шоколадке, а обертку укладывали обратно, коробочки долго хранили...

Кроме Андрея Александровича бывал у нас еще один Губер — Федя, сын Бориса Губера, младшего брата Александра Андреевича, поэта, погибшего в 37. С Борисом наша бабушка Валентина Витальевна очень дружила в Твери, он считал ее своей наставницей в поэзии. Люди, с которыми мы знакомились на этих приемах, иногда становились нашими друзьями надолго — Мария Николаевна Штединг, к ней я ездила почти до ее смерти. Федя Губер с женой в Германии, издал там книгу, его дочь Лена и сейчас дружит с дочерью нашего Юры, Маришкой.

Справа Татьяна, мамина сестра, и Александр Андреевич. Слева мама, рядом с ней Мария Николаевна Штединг. Молодой человек, который рассматривает чашки, возможно, Федя Губер. Лидия Сергеевна коллекционировала чашки и кактусы.

Андреем Александровичем можно было любоваться, он был красив, в отличие от кузена. Ал.Ан. был сгорблен и похож на гориллу, о чем охотно шутил — его обаяние было непреодолимо. Но обаяние было фамильное; просто при взгляде на Андрея Александровича приходило в голову: какой красивый человек! потом: какой интересный человек и: какой умный человек, какой обаятельный... - это уже в разговоре. Пусть про Андрея Александровича расскажут те, кто знал его хорошо.

Здесь я привожу текст, найденный на просторах интернета — воспоминания об Андрее Александровиче из книги Натальи Рапопорт «ИСТОРИЯ ЕВРЕЙСКОЙ СЕМЬИ. ВРАЧ — ОТРАВИТЕЛЬ».

Мне бы очень хотелось найти ее и получить разрешение, я знаю, что она живет в Штатах. с Наташей Рапопорт мы учились на одном курсе, но только что в лицо и по имени знали друг друга. Нас там была дикая уйма, 250 человек.

Даю ссылку: <https://jennyferd.livejournal.com/582673.html> Вот что она пишет:

С тетей Расей Губер мама сидела за одной партой. Гимназическую дружбу они пронесли через всю жизнь, были ближе сестер. Когда я родилась, мама заболела тифом, и тетя Рая кормила грудью меня вместе со своей Маришкой, родившейся за два месяца до этого. Был там еще Шурик, старше нас на год.

— Я вскормил тебя грудью своей жены, — любил попрекать меня тети Раин муж Андрей Александрович Губер, главный хранитель Музея изобразительных искусств имени Пушкина,

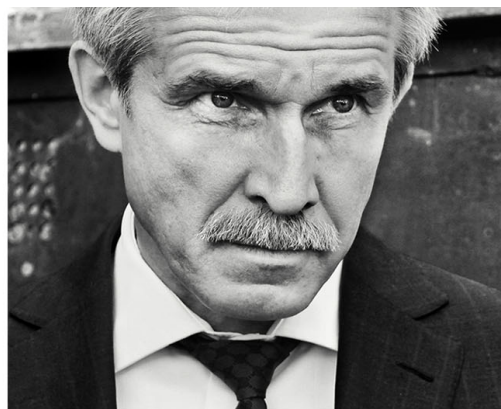
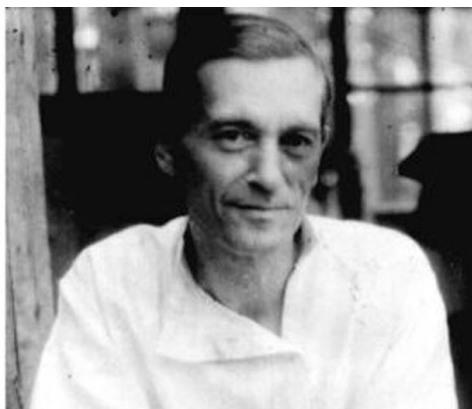
справедливо полагая, что у человека, вскормленного такой грудью, не должно быть таких недостатков. Губеры были моей второй семьей.

Это была очень красивая пара. Тетя Рая – маленькая, изящная, веселая. Андрей – высокий, элегантный, сероглазый, заводила и душа наших игр. Лапта, штандр, салочки, горелки, лото – он играл изобретательней и азартней нас всех!

Андрей был из обрусевших немцев – его предки переехали в Россию еще в петровские времена. Он был профессор-искусствовед, специалист по итальянскому Возрождению. Музей Изобразительных искусств в детстве был для нас – Маришки, Шурика и меня – родным домом. Нас знали все музейные «бабушки», мы бегали туда слушать лекции, шатались по залам, иногда Андрей Александрович брал нас в запасники.

Андрей был замечательный рассказчик. С моим папой они неизменно составляли ослепительный дуэт, на мелодиях которого мы росли.

Несмотря на высокий пост Андрея, у Губеров был очень трудный быт. Они жили в огромной коммуналке на улице Москвина, в небольшой комнате, разделенной, как в поезде, на купе. Сходство усиливалось тем, что Шурик спал над Маришкой на двухэтажной кровати – обыкновенную кровать поставить было негде. Основное пространство занимали книги. Друзья настаивали, чтобы Андрей похлопотал об отдельной квартире, но ему постоянно отказывали – он совершенно не умел бороться с чиновниками или давать взятки. Наконец, появилась возможность купить небольшую кооперативную квартиру. Переезд погубил его: перебирая и упаковывая тысячи книг, Андрей переутомился и получил инфаркт, после которого его не спасли...

Андрей Александрович Губер

Музей прощался с ним в Итальянском дворике. Маленький оркестр играл удивительно светлую музыку, читали Тютчева, и не было ощущения похорон: казалось, этот человек здесь, в стенах, умножению славы которых он посвятил всю свою жизнь. Вместе с нами его оплакивал Давид, и фрески на стенах, и химеры на сводах арки, под которой стоял гроб. Люди говорили прекрасные слова о человеке, который навсегда остался жить в хранимых им сокровищах...

...А тогда, в те страшные для нас дни, Андрей Александрович прислал к нам порученца-Шурика: велел мне каждый день приезжать к ним обедать.

Мои ежедневные визиты были сопряжены для Губеров с огромным риском, тем более что жили они в коммунальной квартире, где кого только нет. Но Губеры были выше страха. Они принимали меня каждый день, кормили, давали еду для мамы и деньги для передач папе. Поездки к ним я запомнила на всю жизнь.

В нашем подъезде, во дворе дома и под аркой постоянно дежурили топтуны – следили. Глаз быстро привык отличать их среди других людей – впрочем, это было несложно. Мама научила меня уходить от слежки. Я ехала в метро, стоя у самой двери вагона. Когда двери уже начинали закрываться, я неожиданно выскакивала на какой-нибудь промежуточной станции, садилась во встречный поезд и проезжала остановки две-три. Такую операцию на пути от Сокола до Центра я повторяла несколько раз, благо, спешить было некуда. Если я не была уверена, что «ушла», я обязана была вернуться домой. Не помню, чтобы такое когда-нибудь случилось.

Выходить из дому было для меня мукой по другой причине. В нашем дворе стояли бараки. В одном из них жила дворничиха Люся – та самая, которая привела «грабителей». После папиного ареста и утро еще не наступило, а обитатели бараков уже точно знали и информировали всех интересующихся, что мой отец брал гной с раковых трупов и мазал им здоровых людей. Барачные мальчишки взяли на себя акт возмездия за чудовищные преступления моего отца: они швыряли в меня все, что под руку попадет, включая дохлых мышей и довольно увесистые булыжники. Приходилось, как это ни унижительно, спасаться бегством: если я не проявляла достаточной резвости, мне доставалось...

А.А.ГУБЕР и А.А.ГУБЕР

Крестник Александра Андреевича, Юра, наш дядя, вырос в крупного международного синхрониста, и два дипломата испытывали взаимно самые теплые родственные чувства... Когда в 1970 году после Международного исторического конгресса в Москве Александра Андреевича свалил инфаркт, он лежал в больнице и начал впадать в депрессию, Юра догадался принести ему в больницу магнитофон, чтобы он наговорил свои воспоминания. Губер, великолепный остроумный рассказчик, наговорил часов на пять интереснейших семейных историй, начиная с бабушек и прабабушек. Большая семья Губеров, как и наши предки Герны, занималась сельским хозяйством. Помещики они были, тоже лютеране, выходцы с Запада. К сожалению, Александр Андреевич в больнице отвлекся на прадедушек и двоюродных дядюшек и замечательных теток-народоволок, на этом, к счастью, выздоровел и не успел рассказать о том, как Губер и Герн встретились в одном совхозе, и почему потомки землевладельцев, двоюродные братья Андрей и Александр, оказавшись в Москве, занялись — один искусствоведением, другой — восточными языками.

Отец Ал. Ан. Губера, Андрей Юльевич, после окончания Сельскохозяйственной академии (в будущем Тимирязевки) принял на себя управление большим имением своего дяди Александра Андреевича. Имение с конным и винокурным заводами в Тульской губернии под его руководством процвело, а дядюшка, его полный тезка, смог посвятить себя горным разработкам на Урале. Там и родился 20 декабря 1900 г. на уральском заводе Катав-Ивановский (ныне город Катав-Ивановск) в семье *агронома по лесоустройству* Андрей Алесандрович, *главный хранитель искусства*...

(Дальнейшее к делу не относится, но управляющий имением, человек светский, был при том заядлый охотник и на охоте познакомился с Ильей Львовичем Толстым. Хоть Барышню-крестьянку перечитывай, хоть Войну и мир! Они подружились. Как-то в доме старшего брата Ильи, Сергея Львовича, Илья проиграл в банк все наличные, любимого коня и все имение. Хладнокровный Губер отыграл имение, но не взял).

Вскоре дядюшка поручил управляющему продать имение, чтобы купить какое-то горнопромышленное предприятие, а на сдачу приобрести владение бывшего польского магната. До революции пока еще далеко.

После революции, по рассказу Ю. Герна со слов его мамы, нашей бабушки Валентины Витальевны:

«В 1919 году в Тверской губернии, в бывшем имени князя Гагарина — в Карачарово начал организовываться совхоз. Заведовать совхозом был назначен Андрей Юльевич Губер, а агрономом — мой отец Алексей Павлович ГERN. В 1921 году Губеры и ГЕРНЫ покинули Карачарово, но связи семей не прекратились...

Я родился в Твери в 1924 г. Крестил меня Шура Губер, тогда еще студент Лазаревского Института восточных языков... начав преподавать в КУТВе (Коммунистический университет трудящихся Востока), он всегда приезжал к нам из Москвы на мой день рождения. Приезжал к нам и Борис, ставший писателем».

В воспоминаниях Варвары Дмитриевны (Записках прабабушки), которые мы недавно издали в ридере, Алексей Павлович — Лёля, старший сын В.Д., наследник имения Морево, эсер, арестант и т.д.

А где же Андрей, двоюродный брат?

Родился 20 декабря 1900 года на уральском заводе Катав-Ивановский (ныне город Катав-Ивановск) в семье агронома по лесоустройству (это они так пишут. Его отец был богатым помещиком, потом промышленником на Урале). В 1901 году семья переехала в Москву, Ан.Ал. учился в гимназии, окончил в 18 году, поступил на филфак МГУ, в 1919 был призван в Красную армию, участвовал в военных действиях. В 1921 вернулся в Москву, в 1922 окончил университет. (Из википедии).

Тут, наверно, и познакомились заново Андрей Александрович с Александром Андреевичем — после многолюдных семейных и детских праздников в процветающих черноземных поместьях... В 1923—1930 годах работал в Государственной академии художественных наук ученым секретарем терминологической комиссии. В 1926—1939 годах был членом редакции Энциклопедического словаря «Гранат». В 1938 году Андрей Александрович начал преподавать в Московском институте философии, литературы и искусства.

С 1939 по 1948 годы был старшим научным редактором, а затем — заведующим отделом литературы, искусства и языка Государственного института «Советская энциклопедия». В 1942—1959 годах преподавал в МГУ.

В 1944 году защитил кандидатскую диссертацию и поступил на работу в ГМИИ им. Пушкина старшим научным сотрудником. В 1945—1970 годах он был главным хранителем музея (и его душой).

С ним были хорошо знакомы бабушка Валентина Витальевна и мама.

С 1965 г. - действительный член Советского комитета Международного Совета музеев. Много ездил за границу. Автор ряда работ, автор и соредактор 6-томной «Всеобщей истории искусств» (Москва, 1960).

Умер 9 июня 1970 года.

Александр Андреевич умер в 1971 году, за рулем. Ехал с женой. Успел вывернуть на обочину. Крестник, Юрий Алексеевич Герн, и его жена Вероника опекали Лидию Сергеевну до конца ее жизни. Первое время они всех звали приезжать почаще: главное, чтобы не оставалась одна. Мама, Татьяна, мы тоже приезжали. Там постоянно толпились ученики. Л.С. просила помочь разобрать работы, изданные и начатые, уговаривала брать себе книги. Учеников — для работы, и всех на память. У меня тоже память стоит на полке: Махабхарата, Адипарва (книга первая). До этого мы только от друзей, будущих востоковедов, слышали про общую жену пяти братьев. Гуляли по вечерам и слушали...

Алекс. Андр. занимался Индонезией. Слово-то какое! Незадолго нам показали, чуть не в кинотеатре документального фильма, кино про Индонезию, все бегали, в очереди стояли...

...Волнами теплыми омытая,
Страна родная Индонезия,
В сердцах любовь к тебе храним.
Тебя цветы одели яркие,
Тебя лучи ласкают жаркие,
И пальмы стройные колышутся
По берегам твоим...

Все пели! Мелодия такая простая, а по пляжу под пальмами идет такая, черные волосы, красное что-то развевается... Потом сказали, что это был рекламный ролик, т.е. фильм. Мы о таком виде искусства и не слышали...

А наши индонезисты, думаю, во главе с А.А., изучали классовую борьбу в Индонезии. Там только что изгнали колонистов, эксплуататоров. Герой борьбы за освобождение Сукарно стал президентом, его приветствовали, хвалили и поддерживали, хотя он вовсе был националист, но у нас считали, что это такая форма классовой борьбы. Он провозгласил крутой замес — национализм, исламизм и социализм. Кажется, считался другом советского союза. Потом его взяли и свергли, да еще приплели к этому незаметных индонезийских коммунистов и всех перерезали — 80 тысяч. А Губер шутил, что он писал им партийный устав. Наверно, ему это было не очень приятно. Сукарно умер в заточении в 1970 году, Губер его ненадолго пережил.

Грустно, что он и его ученики и ученицы, а они были пылкие, преданные, убежденные, трудолюбивые — работали в тупике и прокладывали дорогу никуда. Были у нас еще экзотические деятели, Уну с Бирмы приезжал в университет, мы его приветствовали, а он от нашего имени обещал передать бирманским студентам, чтобы политикой не занимались, а учились. Мы хлопали... Встречали шахиню Сорейю. К какому-то посольству ходили шуметь — это все до 60 года.

Слышала от китаистов, что до сих пор не могут избыть из своей науки марксизма-ленинизма.